

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

4 (11) 2015
december

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Editor-in-Chief

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova
(*Deputy Editor-in-Chief*)

Candidate of Engineering, Associate Prof. A. V. Agenosov
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva
Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt
Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. O. Y. Zotova
Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. K. I. Zubkov
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. I. S. Krut'ko
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek
Doctor of Psychological Sciences, Prof. E. B. Pereyagina
Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina
Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya
Doctor of Legal Sciences A. P. Semitko
Doctor of Legal Sciences, Prof. M. N. Semyakin
Doctor of Economic Sciences N. V. Khmelkova
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council

Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. V. Alekseev
prof. Ives Hamant (France)
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)
Member of the Russian Academy of Arts, Prof. S. V. Golynets
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. Y. Zborovskiy
E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)
Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. N. Rudenko
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)
Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Head of Editorial Office

M. M. Volkova

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4 (11) 2015
декабрь

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Учредитель: НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство ПИ № ФС77-62469 от 27 июля 2015 г.

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор

д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия

д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
(заместитель главного редактора)
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова
д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт
д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова
канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова
д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова
канд. ист. наук, доцент К. И. Зубков
д-р психол. наук, доцент И. С. Крутько
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек
д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перелыгина
канд. социол. наук С. А. Рамзина
канд. пед. наук Л. В. Росновская
д-р юр. наук А. П. Семитко
д-р юр. наук, проф. М. Н. Семякин
д-р экон. наук Н. В. Хмелькова
д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет

д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев
проф. Ив Аман (Франция)
канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин
канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва)
академик РАН, проф. С. В. Голынец
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)
д-р юр. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко
д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва)
д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

Заведующая редакционно-издательским отделом

М. М. Волкова

Вестник Гуманитарного университета / редкол. : Л. А. Закс, Л. А. Мясникова и др. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2015. – № 4 (11).

ISSN 2308-8117

Разделы журнала соответствуют основным направлениям научных исследований Гуманитарного университета:

1. Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления.
2. Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели.
3. Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира.
4. Мир культуры: субъекты, институты, практики.
5. Образование как социальный институт.

ISSN 2308-8117

© Вестник Гуманитарного университета, 2015
© Оригинал-макет.
Гуманитарный университет, 2015

Содержание

Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели.....	9
<i>Мицек С. А., Мицек Е. Б.</i>	
Структурные факторы роста экономики России.....	10
<i>Гончарова Н. А.</i>	
Проектный подход к управлению образовательными программами в вузе.....	37
<i>Марков О. А.</i>	
Корпоративные системы управления проектами как инструмент проектного менеджмента.....	43
 Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира.....	49
<i>Либанова С. Э.</i>	
Развитие и расширение полномочий конституционной юстиции как эффективный путь решения проблем в области защиты прав человека в России.....	50
<i>Семитко А. П.</i>	
Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма.....	59
<i>Андреева Е. В.</i>	
Особенности системы управления в православных монастырях Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (на примере монастырей Екатеринбургской епархии (1885–1917 гг.)).....	84
<i>Гущин В. Р.</i>	
Репетиция «большой войны»? Афины и Спарта в середине пятого века до нашей эры.....	98
 Мир культуры: субъекты, институты, практики.....	111
<i>Борисова И. Н.</i>	
Концепт «скромность» в русском языковом сознании.....	112
<i>Белоусова Е. В.</i>	
Психоаналитический подход к магии.....	126
<i>Фоминых Е. А.</i>	
Золушка: «живая» сказка.....	132
<i>Ковалева А. Ю., Брандт Г. А.</i>	
Костюм богемы Серебряного века как «высказывание»: к постановке вопроса.....	139
<i>Минина О. Ю.</i>	
Путешествие в жизни современного горожанина.....	147
<i>Евтеев И. А.</i>	
Современная национально-культурная интеграция: реальность или неосуществимый проект?.....	155

Научные события	159
<i>Литвинова И. Н., Глушкова С. И.</i>	
Научные дискуссии о правах и свободах человека в Гуманитарном университете.....	160
<i>Дроздова А. В.</i>	
О международной конференции «Человек и мир: психология риска, инноваций, конфликта».....	163
 О редколлегии	 167
 Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	 170

Contents

The Optimization of Russia's Economy Management: Finance, Economic, Mathematical and Computer Models.....	9
<i>Mitsek S. A., Mitsek E. B.</i>	
Structural Factors of Russian Economy Growth.....	10
<i>Goncharova N. A.</i>	
Project Methodology for Managing Higher Education Programmes.....	37
<i>Markov O. A.</i>	
Project Management, Corporate Project Management Systems.....	43
 Legal and Political Culture in Social, State, Military History of Russia and the World.....	 49
<i>Libanova S. E.</i>	
The Development and Empowerment of the Constitutional Justice as an Effective Way of Solving Problems in the Field of Human Rights Protection in Russia.....	50
<i>Semitko A. P.</i>	
Human Rights and Freedoms Priority as One of Legal Grounds for Liberalism.....	59
<i>Andreeva E. V.</i>	
Administrative System Features of Orthodox Monasteries in the Russian Empire at the Turn of the 19 th –20 th Centuries (the example of Yekaterinburg Diocese Monasteries (1885–1917)).....	84
<i>Gouschin V. R.</i>	
The 'Great War' Rehearsal? Athens and Sparta in the Middle of the Fifth Century B. C.	98
 The World of Culture: Subjects, Institutions, Practices.....	 111
<i>Borisova I. N.</i>	
The Concept of «Modesty» in Russian Language Consciousness.....	112
<i>Belousova E. V.</i>	
Psychoanalytic Approach to the Magic.....	126
<i>Fominykh E. A.</i>	
Cinderella: a «Living» Fairy Tale.....	132
<i>Kovaleva A. Y., Brandt G. A.</i>	
The Silver Age Bohemia' s Costume: a Problem Statement.....	139
<i>Minina O. Y.</i>	
Journey in the Life of a Modern Urban Man.....	147
<i>Evtseyev I. A.</i>	
Modern National and Cultural Integration: Reality or Impractical Project?.....	155
 Scientific Events.....	 159
<i>Litvinova I. N., Glushkova S. I.</i>	
Scientific Debates on Human Rights and Freedoms in Liberal Arts University.....	160
<i>Drozдова A. V.</i>	
On the International Conference «Man and the World: Psychology of Risks, Innovations, and Conflicts».....	163

About Editorial Board	167
Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	170

**Оптимизация управления
экономикой России:
финансово-экономические,
математические
и информационно-компьютерные модели**

УДК 330.354(470)

Мицек Сергей Александрович

д-р экон. наук, заведующий кафедрой финансов и кредита, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

E-mail: sergey.mitsek @ gmail.com

Mitsek Sergey Aleksandrovich

Doctor of Economics, Head of Finance and Credit Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Мицек Елена Борисовна

д-р экон. наук, заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

E-mail: emitsek@mail.ru

Mitsek Elena Borisovna

Doctor of Economics, Head of Management and Marketing Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

СТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РОСТА ЭКОНОМИКИ РОССИИ

STRUCTURAL FACTORS OF RUSSIAN ECONOMY GROWTH

Аннотация

Статья посвящена анализу структурных изменений в российской экономике и их влияния на экономический рост России. Основными объектами исследования являются изменения в макроэкономической структуре доходов и расходов, изменения отраслевой и региональной структуры российской экономики. Макроэкономические, структурные и институциональные факторы были среди основных причин значительного увеличения доли заработной платы и потребления домашних хозяйств в валовом внутреннем продукте, а также снижения доли чистого экспорта, что оказало заметное влияние на экономический рост. Изменение отраслевой и региональной структуры затрат факторов производства и слабая динамика совокупной факторной производительности также обусловили замедление экономического роста и изменение структуры экономики. В работе были использованы результаты разработанной авторами эконометрической модели.

Ключевые слова: Российская Федерация; структура доходов; структура расходов; отраслевая структура; региональная структура; экономический рост.

Abstract

This paper analyzes the structural changes in the Russian economy and their impact on economic growth in Russia. Changes in the macroeconomic structure of revenues and expenses, changes in the sectoral and regional structure of the Russian economy are the main objects of research. Macroeconomic, structural and institutional factors were among the main reasons for the significant increase in the share of wages and household consumption in gross domestic product, as well as reducing the share of net exports, which had a significant impact on economic growth. Changes in the sectoral and regional structure of the costs of production factors and weak dynamics of total factor productivity also contributed to the slowdown in economic growth and changes in the structure of the economy. The results of the econometric model developed by the authors were used in the paper.

Keywords: Russian Federation; income structural change; expenditure structural change; industrial structural change; regional structural change; economic growth.

JEL коды статьи: C32, E21, E22, E23, F14, O14, O43, O47, O52, R11.

Введение

За период с 2000 года и по настоящее время экономика России претерпела значительные изменения. Период быстрых темпов роста 2000–2008 годов сменился глубоким кризисом 2009-го, из которого она неожиданно быстро и легко вышла. Тем не менее период восстановления закончился периодом стагнации, признаки которой были налицо уже в 2013 году. Все эти изменения сопровождалось

структурными сдвигами в экономике, которые являются главным предметом исследования данной статьи.

Этими сдвигами были затронуты:

- макроэкономическая структура доходов;
- макроэкономическая структура расходов;
- отраслевая структура экономики;
- региональная структура экономики.

Мы попытаемся отразить как экономические, так и институциональные факторы этих изменений. Наш анализ частично основан на эконометрической модели экономики России¹.

Макроэкономическая структура доходов

Изменения в макроэкономической структуре доходов с 2000-го по 2014 год характеризуются существенным повышением доли валовой зарплаты (и приравненных к ней видов оплаты труда) в ВВП (табл. 1).

Таблица 1

Изменения структуры доходов в ВВП, %²

Показатели/Год	2000	2008	2014
Валовая зарплата	40,2	47,4	52,3
Чистые налоги на производство и импорт	17,1	20,0	15,1
Валовая прибыль	42,7	32,6	32,6

Динамика средней зарплаты в России описывается отдельным уравнением упомянутой эконометрической модели, «словесное» описание которого дано в табл. 2³.

Таблица 2

Уравнение средней зарплаты, «словесное» описание⁴

Средняя валовая зарплата одного занятого	=
Предельный доход от труда	+
Валовое накопление основного капитала	+

Как видно на рис. 1, средняя валовая зарплата одного работника за период после 1999 года выросла в 4 раза в реальном исчислении.

¹ Описание этой модели см. в: [3. С. 16–22; 5. С. 59–64; 15].

² Источник: [6].

³ Указанную таблицу, как и все аналогичные ей, дающие «словесное» описание отдельных уравнений эконометрической модели, следует читать так: валовая зарплата положительно зависит от предельного дохода от труда и от валового накопления основного капитала.

⁴ Математическое представление данного уравнения, включая основные статистические характеристики, в последней версии модели см. в: [15].

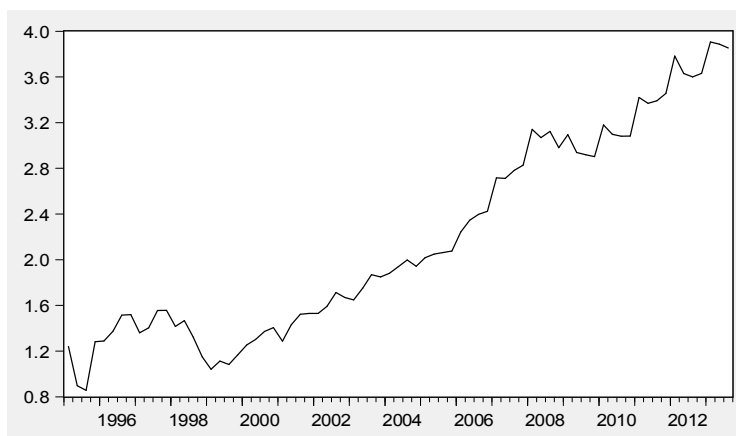

Рис. 1. Индекс средней зарплаты, Q1 1995 = 1, CPI дефлятор; сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего⁵

Такая тенденция может объясняться следующими причинами:

- 1) совокупным экономическим ростом (ВВП вырос в 1,8 раза за этот период), что привело к снижению безработицы с 10,6 % в 2000 году до 5,5 % в 2013 году;
- 2) повышением предельного дохода от труда (в 1,7 раза) в результате замещения труда основным капиталом (рост фондовооруженности труда на 50 % в реальном исчислении) (рис. 2 и 3);

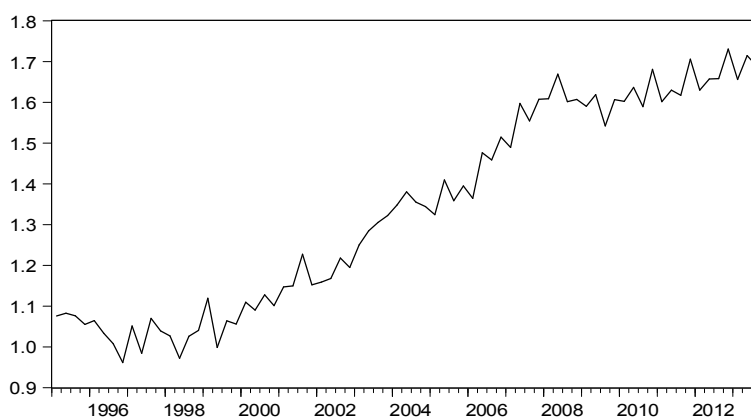

Рис. 2. Индекс предельного дохода от труда, Q1 1995 = 1, дефлятор ВВП; сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего⁶

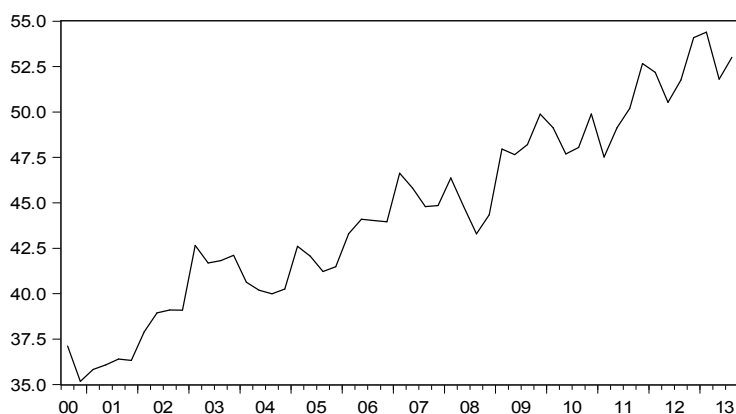

Рис. 3. Фондовооруженность труда в реальном исчислении (в ценах 1995 года; дефлятор валового накопления основного капитала), тыс. руб. на 1 работника; сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего⁷

⁵ Источник: [6], расчеты авторов.

⁶ Расчет авторов на основе уравнения производственной функции эконометрической модели, см.: [15].

3) разрывом между дефлятором ВВП, отражающим в значительной степени цены производителей и индексом потребительских цен (этот разрыв показан на рис. 4), вызванным частично государственным контролем над потребительскими ценами, что искусственно повышает предельный доход от труда по отношению к реальной зарплате;

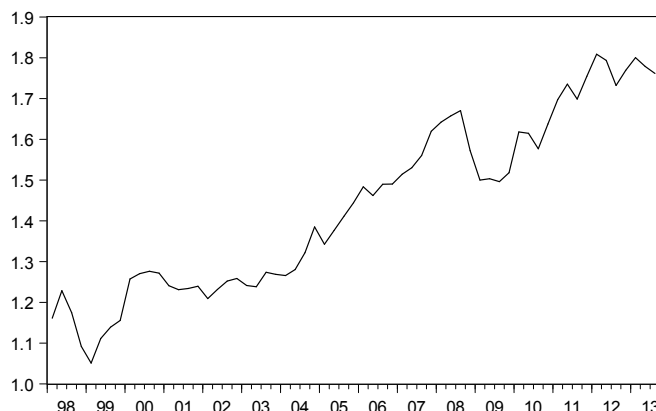

Рис. 4. Отношение дефлятора ВВП к индексу потребительских цен (ИПЦ), Q1 1995 = 1; сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего⁸

4) дополнительным спросом на труд, вызванным инвестициями в основной капитал, что видно из табл. 2 (поскольку условия микроэкономического равновесия между предельным доходом от труда и зарплатой в России, скорее всего, не соблюдаются полностью), что толкает вверх среднюю зарплату;

5) ростом удельного веса в ВВП видов экономической деятельности с высокой удельной стоимостью единицы труда, таких как строительство, государственное управление, образование и здравоохранение (см. табл. 3 и раздел, посвященный анализу отраслевой структуры, ниже);

Таблица 3
Абсолютная и относительная удельная стоимость единицы труда⁹

Показатель	Удельная стоимость единицы труда* в среднем в 2005–11 гг.	Динамика, 2005–11 гг.	Относит. удельная стоимость единицы труда** в среднем в 2005–11 гг.	Динамика, 2005–11 гг.
Вся экономика	0,539	1,104	1,000	1,000
Сельское и лесное хозяйство	0,514	1,151	0,953	1,042
Добыча полезных ископаемых	0,208	1,055	0,384	0,955
Обрабатывающие производства	0,500	1,014	0,929	0,918
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,566	0,972	1,054	0,881
Строительство	0,654	0,931	1,218	0,843
Оптовая и розничная торговля	0,376	1,250	0,696	1,132
Транспорт и связь	0,658	1,275	1,220	1,155

⁷ Источник: [6], расчеты авторов.

⁸ Там же.

⁹ Заимствовано из: [4. С. 2–9].

Финансовая деятельность	0,439	1,052	0,817	0,953
Государственное управление и пр.	0,903	1,008	1,678	0,913
Образование	1,147	1,074	2,131	0,973
Здравоохранение	0,864	1,123	1,604	1,017
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,883	1,520	1,629	1,376

* Удельная стоимость единицы труда равна отношению средней зарплаты к производительности труда.

** Относительная удельная стоимость единицы труда равна ее значению в данном виде деятельности, деленному на среднее по России.

б) ростом удельного веса в ВВП России регионов с высокой зарплатой, таких как г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Сахалин и Ямал (табл. 4);

Таблица 4

Изменение доли регионов с высокой зарплатой в ВВП России¹⁰

Регион	Изменение доли в ВВП России, 2012/2000	Относительная средняя зарплата в 2012 году (среднее по России = 1)
Город Москва	+1,0%	1,69
Московская область	+1,8%	1,15
Санкт-Петербург	+1,3%	1,23
Сахалинская область	+0,7%	1,77
Ямало-Ненецкий автономный округ	+0,4%	3,04

7) правительственной политикой повышения зарплаты в государственном секторе (табл. 5).

Таблица 5

Рост реальной средней зарплаты в отдельных видах экономической деятельности, 2000–2013 гг.¹¹

Вся экономика	3,53
Государственное управление и пр.	3,93
Образование	4,98
Здравоохранение	4,83
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	4,21

Рост удельного веса зарплаты в ВВП, по крайней мере в период с 2000-го по 2008 год, происходил также вследствие роста совокупной численности занятых на 12,7 % в большой степени за счет демографических факторов. В определенной степени этому способствовал и рост занятых в строительстве и финансовой деятельности с их относительно высокими зарплатами.

Нельзя не упомянуть и изменение структуры затрат компаний на рабочую силу: удельный вес собственно зарплаты в этих затратах вырос с 60,5 % в 1995 году до 75,4 % в 2013 году, тогда как доля прочих затрат (на обеспечение жильем,

¹⁰ Источник: [6], расчеты авторов.

¹¹ Там же. Виды экономической деятельности, представленные в табл. 5, за исключением государственного управления, не являются полностью государственными, но государственная политика оказывает сильное влияние на величину средней зарплаты в них.

профессиональное обучение, культурно-бытовое обслуживание, социальное обеспечение и прочих), соответственно, снизилась¹². Подобные изменения также способствовали увеличению удельного веса зарплаты в ВВП.

Реальная зарплата в России продолжала расти и после 2008 года, но более медленными темпами, что видно из следующей таблицы.

Таблица 6

**Реальная зарплата и факторы, ее определяющие,
среднегодовые темпы роста, %¹³**

Показатель/Период (гг.)	2000–2008	2009–2013
Реальная зарплата	12,1	4,1
Предельный доход от труда	4,8	1,7
Предельная производительность труда	5,7	1,0
Фондовооруженность труда в реальном исчислении	3,7	3,2
Дефлятор ВВП / ИПЦ	4,8	1,3

Как хорошо видно из табл. 6, основной фактор, влияющий на величину зарплаты, чья динамика снизилась после 2008 года, – это предельная производительность труда, что можно объяснить, в свою очередь, медленным повышением совокупной производительности факторов производства (СФП), поскольку темп роста капиталовооруженности труда снизился незначительно. Другое важное изменение – сокращение разрыва темпов роста дефлятора ВВП и ИПЦ. Темпы роста первого показателя снизились с 18,7 % в год в 2000–2008 годах до 8,4 % в 2009–2014 годах, тогда как второго – с 13,9 % до 7,5 % соответственно. Стоит упомянуть, что в 2009–2013 годах наиболее существенное падение темпа роста цен имело место в добыче полезных ископаемых, обрабатывающих отраслях, здравоохранении и образовании. Экономические факторы (цены мирового рынка), правительственная политика (в сфере образования и здравоохранения), а также антиинфляционная денежная политика (начатая в 2012 году) внесли свой вклад в эти изменения.

Внушительный рост зарплаты привел к тому, что после 2008 года прибыли российских компаний в целом не росли в реальном исчислении, создавая тем самым препятствия для инвестиций и роста (см. рис. 5 и табл. 7).

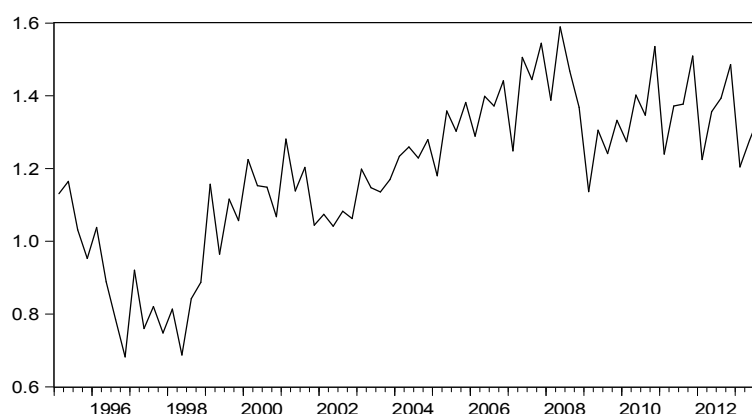

Рис. 5. Индекс валовой прибыли российских компаний, Q1 1995 = 1, дефлятор ВВП; сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего¹⁴

¹² [6]; в последние годы, согласно данным Росстата, немного вырос удельный вес затрат на социальную защиту.

¹³ Источник: [6], расчеты авторов.

¹⁴ Там же.

Таблица 7

ВВП и его элементы, среднегодовые темпы роста в реальном исчислении, %¹⁵

Элементы ВВП/Период (гг.)	2000–2008	2009–2014
ВВП	6,9	0,9
Совокупная валовая зарплата ¹⁶	8,9	2,6
Чистые налоги на производства и импорт	9,8	-3,5
Совокупная валовая прибыль и валовые смешанные доходы	3,4	0,8

Изучение структурных сдвигов может дать дополнительное объяснение медленных темпам роста прибыли.

1. Маржа прибыли в среднем по экономике снизилась с 13,5 % в 2005 году¹⁷ до 8,6 % в 2012 году, т. е. на 4,9 процентных пункта.

2. Ранговая корреляция между уровнем маржи в 2005 году и ее изменением в 2005–2012 годах по видам экономической активности равна -0,6. Иными словами, виды экономической деятельности, наиболее прибыльные в 2005 году, были менее прибыльными в 2012 году, и наоборот.

3. За период между 2005 и 2012 годами имело место резкое сокращение маржи прибыли в таких видах деятельности, как добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, металлургия, производство кокса и нефтепродуктов и связь.

4. Изменение маржи прибыли в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых обусловлено технологическими причинами, истощением месторождений, ценовыми субсидиями на внутреннем рынке.

5. Маржа прибыли заметно выросла в таких видах деятельности, как государственное управление, здравоохранение и управление эксплуатацией жилого фонда.

6. Упомянутые в предыдущем пункте виды деятельности увеличили свою долю в ВВП России за указанный период, в то время как металлургия и связь, имевшие высокую рентабельность в 2005 году, снизили долю в ВВП. Среди отраслей с высокой рентабельностью в 2005 году только добыча нефти и производство нефтепродуктов увеличили долю в ВВП к 2012 году¹⁸.

7. Виды деятельности, чья маржа прибыли существенно изменилась, такие как государственное управление, здравоохранение, управление жилым фондом и связь, подвержены сильному государственному регулированию, что служит частичным объяснением таких сдвигов¹⁹.

Третий элемент ВВП в структуре доходов, а именно чистые косвенные налоги, выросли в 2,3 раза в реальном исчислении за период с 1999-го по 2008 год, но затем снизились, как было показано выше в табл. 7.

Словесное представление уравнения эконометрической модели, описывающего факторы, влияющие на объем выплат чистых косвенных налогов в России, дано в табл. 8, а динамика изменений этих факторов представлена в табл. 9.

¹⁵ Источник: [6], расчеты авторов.

¹⁶ В табл. 7 рост реальной зарплаты дефлирован с помощью дефлятора ВВП; это сделано для сравнения ее динамики с другими элементами ВВП.

¹⁷ [6]; Росстат приводит на своем сайте регулярные данные о марже прибыли по видам экономической деятельности, начиная с 2005 года.

¹⁸ Коэффициент ранговой корреляции между маржей прибыли в 2005 году и изменением доли вида деятельности в ВВП за 2005–2012 гг. равен -0,2.

¹⁹ Всемирный банк (см.: [18. Р. 43]) указывает, что маржа прибыли в России в среднем выше, чем в большинстве развитых экономик вследствие несовершенной конкуренции: доля рынков, где индекс Герфиндаля – Хиршмана выше 2 000, выросла с 43 % в 2001-м до 47 % в 2007 году.

Таблица 8

Уравнение чистых косвенных налогов, словесное представление²⁰

Чистые налоги на производство и импорт	=
ВВП	+
Импортные цены	-
Экспортные цены	+
Денежная масса	+

Табл. 8 говорит о том, что в эконометрическом уравнении на объем уплаченных косвенных налогов влияет объем ВВП, монетизация экономики, а также уровень экспортных цен (положительно) и уровень импортных цен (отрицательно). Влияние последних двух переменных очевидно, так как в совокупной величине косвенных налогов в России большую долю занимают экспортные и импортные пошлины, при этом рост импортных цен снижает объем импорта и пошлин, взимаемых с него.

Таблица 9

Уплата косвенных налогов в России и факторы, на нее влияющие (2000–2013 гг.)²¹

Налог и вид деятельности	Как доля ВВП, %			Рост в реальном исчислении	
	2000	2008	2013	2008/2000	2013/2008
Всего ²²	15	20	20	2,41	0,93
НДС	6	5	5	1,38	1,09
Акцизы	2	1	2	0,62	1,90
Налоги на имущество	1	1	1	1,77	1,25
НДПИ	2	5	5	4,02	1,01
Импортные пошлины	1	2	1	7,55	0,79
Экспортные пошлины	2	7	6	7,66	1,08
Добыча полезных ископаемых	9 ²³	8	9	1,22 ²⁴	1,05
Импорт	24	22	22	4,03	1,19
Экспорт	44	31	28	1,77	1,08
НДПИ/Добыча полезных ископаемых	52 ²⁵	60	49		
Импортные пошлины/ Импорт	4	7	5		
Экспортные пошлины/ Экспорт	5	22	22		

Табл. 9 показывает, что за период с 2000-го по 2008 год имело место значительное увеличение выплат НДПИ и экспортных и импортных пошлин. Поскольку источники их уплаты (добыча полезных ископаемых, экспорт и импорт) росли более медленными темпами, естественно предположить увеличение налогового бремени этих видов деятельности. Но после 2008 года уровень налогообложения добычи полезных ископаемых и импорта, скорее всего, снизился, в то время как

²⁰ Уравнение № 29 модели в [15]; все величины в данном уравнении дефлированы по дефлятору ВВП.

²¹ Источник: [6; 2], расчеты авторов.

²² Здесь показана «валовая» величина без вычета субсидий; последние составляют 1–2 % ВВП.

²³ 2002 г.

²⁴ С 2002 г.

²⁵ 2002 г.

снижение доли экспорта в ВВП уменьшило вклад экспортных пошлин. Общее снижение темпов экономического роста после 2008 года также привело к снижению выплат косвенных налогов. Также после 2008 года налицо повышение роли акцизов.

Макроэкономическая структура расходов

Изменения в структуре ВВП по расходам показаны в табл. 10.

Таблица 10

Структура ВВП по расходам, %²⁶

Элементы структуры ВВП/гг.	2000	2008	2014
Потребительские расходы домашних хозяйств	45,1	48,4	53,7
Государственное управление	15,1	17,8	19,9
Валовое накопление основного капитала	16,9	22,3	20,7
Чистый экспорт	20,0	9,2	6,9
Экспорт	44,1	31,3	30,0
Импорт	24,0	22,1	23,0

Динамика потребительских расходов домашних хозяйств описывается уравнением № 11 эконометрической модели; его «словесное» представление дано в табл. 11.

Таблица 11

Уравнение потребительских расходов домашних хозяйств

Потребительские расходы домашних хозяйств	=
ВВП за вычетом косвенных налогов	+
Валовая зарплата на 1 занятого	+
Объем потребительских кредитов	+
Импортные цены	-
Индекс потребительских цен	-

Потребление домашних хозяйств выросло в 2,46 раза в реальном исчислении за период с 1999-го по 2008 год, хотя это был рост с невысокого уровня: в 2000 году их доля в ВВП составляла 45 % (для сравнения: в США эта величина составляет примерно 70 %). Подобное увеличение за девятилетний период эквивалентно 10,5 % среднегодового роста (рис. 6). Самыми быстрорастущими статьями потребительских расходов были в этот период здравоохранение, транспорт и связь; последние две статьи показывали такую динамику за счет значительного увеличения покупок легковых автомобилей и смартфонов.

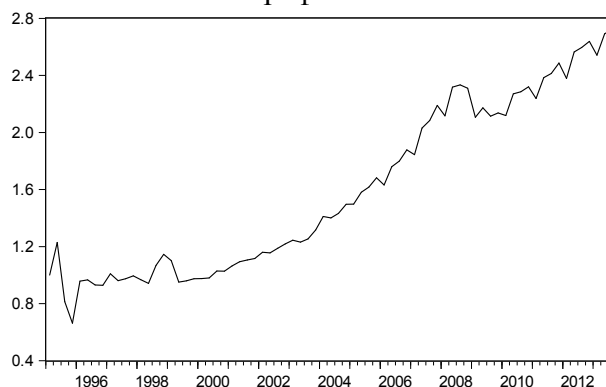

Рис. 6. Индекс потребительских расходов домашних хозяйств, Q1 1995 = 1, дефлятор ИПЦ; сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего²⁷

²⁶ Источник: [6].

²⁷ Источник: [6], расчеты авторов.

Рост потребительских расходов может быть объяснен внушительным увеличением доходов домашних хозяйств, и снижение темпов роста последних привело и к снижению среднегодовых темпов роста потребительских расходов до 3,6 % после 2008 года. Поскольку заметная часть потребительского спроса (16 % в 2013 году) удовлетворяется за счет импорта, относительно медленный рост импортных цен (рис. 7) способствовал повышению как самого импорта, так и потребительских расходов в целом. В 2008 году рублевый индекс импортных цен (дефлированных по дефлятору ВВП) составлял лишь 29 % своего значения в 1999 году, что было весьма благоприятно как для российских потребителей, так и для производителей. В потребительском секторе импортные цены в реальном исчислении снизились в наибольшей степени на мясные и молочные продукты, а также на сахар и обувь. Девальвация реального курса доллара в России в этот период также способствовала подобным тенденциям.

Однако после 2008 года снижение импортных цен в реальном исчислении почти прекратилось (индекс 2014 года составил 0,96 по отношению к 2008-му), и для большинства импортных товаров цены выросли в реальном исчислении, что также способствовало снижению роста потребления.

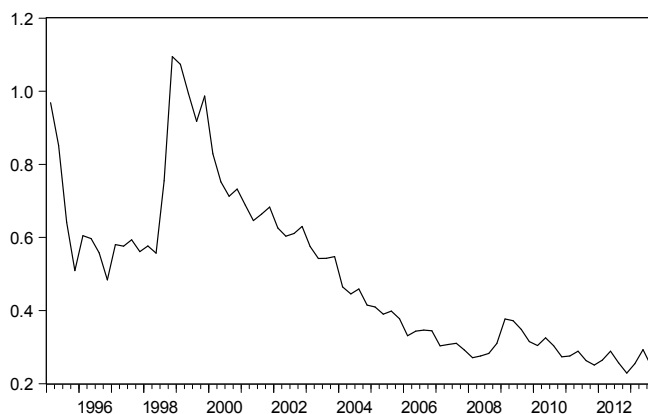

Рис. 7. Рублевый индекс импортных цен, дефлированных по дефлятору ВВП, Q1 1995 = 1; сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего²⁸

Создание системы потребительского кредита с почти нулевого уровня также способствовало росту потребления (рис. 8).

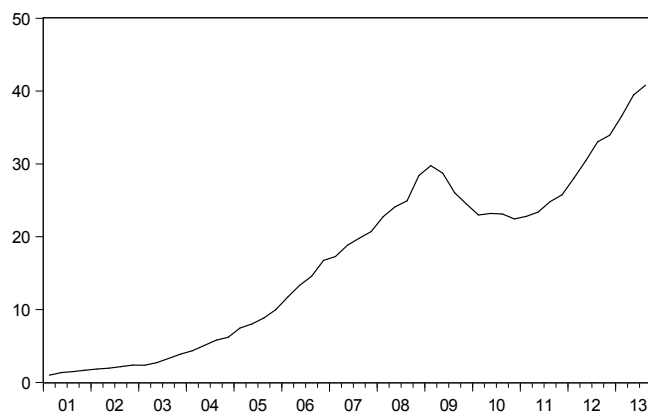

Рис. 8. Индекс потребительских кредитов, Q1 2001 = 1, дефлятор ВВП; сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего²⁹

²⁸ Источник: [6], расчеты авторов.

²⁹ Там же.

Потребительские кредиты продолжали быстро расти вплоть до 2014 года; по-прежнему ненасыщенный потребительский спрос, рост доходов домашних хозяйств и резервов банковской системы способствовали таким тенденциям³⁰.

Увеличение доли государственного потребления в ВВП происходило исключительно за счет повышения цен на государственные услуги. Объем государственного потребления в реальном исчислении с 1999-го по 2014 год вырос лишь на 24 %, что эквивалентно 1,4 % среднегодового роста, тогда как среднегодовой рост ВВП составил 4,5 % в этот период. В то же время дефлятор государственного потребления за 2000–2014 годы составил 16,2, тогда как дефлятор ВВП – лишь 7,6; иными словами, цены на государственное потребление в указанный период росли в 2,1 раза быстрее, чем средняя по России инфляция. Все более дорогие государственные услуги также могут служить препятствием для экономического роста, способствуя «эффекту вытеснения» частных расходов (подробнее об этом сказано ниже)³¹.

Валовое накопление основного капитала объясняется уравнениями 14, 15 и 25 эконометрической модели (инвестиции в основной капитал за счет собственных средств компаний, за счет средств государственного бюджета и за счет банковских кредитов, соответственно). «Словесное» описание этих уравнений дано в следующих трех таблицах (12–14).

Таблица 12

Уравнение инвестиций в основной капитал за счет собственных средств

Инвестиции в основной капитал за счет собственных средств	=
Чистая прибыль плюс амортизация	+
Предельный доход на основной капитал	+
Государственное потребление	-
Инвестиции за счет государственного бюджета	+
Счет капитала платежного баланса	+
ВВП за вычетом потребления домашних хозяйств	+

Таблица 13

Уравнение инвестиций в основной капитал за счет банковских кредитов

Инвестиции в основной капитал за счет банковских кредитов	=
Совокупные банковские кредиты компаниям	+
Предельный доход на основной капитал	+
Инвестиции в основной капитал за счет собственных средств	+

Таблица 14

**Уравнение инвестиций в основной капитал
за счет государственного бюджета**

Инвестиции в основной капитал за счет консолидированного государственного бюджета	=
Налоговые платежи	+

Валовое накопление основного капитала выросло в 3 раза в реальном исчислении с 1999-го по 2008 год благодаря совокупному экономическому росту, раз-

³⁰ Этот факт четко отражает Уравнение 28 эконометрической модели.

³¹ В работе Алесина и др. (см.: [8. С. 1505]) рост государственного потребления объясняется, помимо прочего, «издержками большой страны», т. е. необходимостью финансировать политику, единую для всех регионов такого государства. Данный вывод сделан не конкретно для России, а для крупных стран в целом.

витию банковской системы, повышению корпоративных прибылей и предельного дохода на основной капитал (рис. 9).

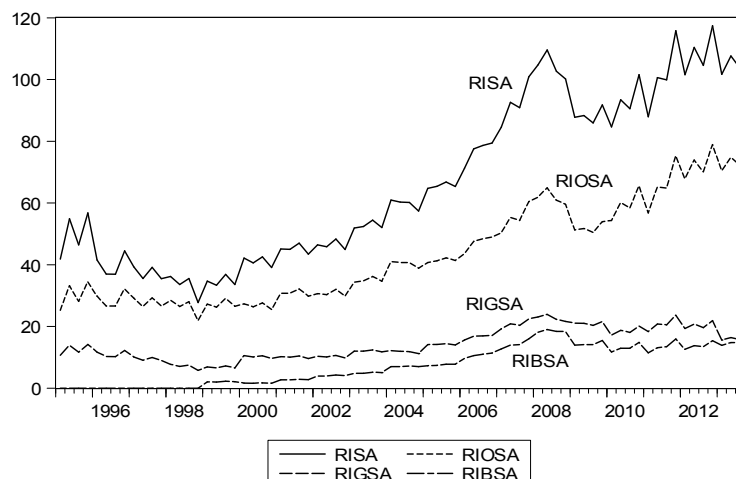

Рис. 9. Валовое накопление основного капитала (RISA), инвестиции в основной капитал за счет собственных средств (RIOSA), инвестиции в основной капитал за счет банковских кредитов (RIBSA), инвестиции в основной капитал за счет государственного бюджета (RIGSA) в постоянных ценах 1995 года, млрд руб.; сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего³²

Следует отметить, что государственные инвестиции росли вследствие роста государственных доходов. Приток капитала из-за рубежа (отраженный в капитальном счете платежного баланса) и государственные инвестиции способствовали, в свою очередь, инвестициям частного сектора. Отношение двух первых величин к инвестициям за счет собственных средств составили 24 % и 28 % в 2012 году, соответственно. В то же время текущее государственное потребление оказывает сильный отрицательный («вытесняющий») эффект на частные инвестиции³³.

В то же время после 2008 года валовое накопление основного капитала выросло лишь на 4 % в результате замедления динамики всех факторов, способствовавших им ранее: снижения темпов совокупного экономического роста, корпоративных прибылей, стагнации предельного дохода на основной капитал (рис. 10).

Стагнация последнего показателя может служить еще одним свидетельством низкой совокупной производительности факторов производства в России. «Вытесняющий» эффект растущей доли государственного потребления и отток капитала также способствовали снижению темпов инвестиций в основной капитал.

³² Источник: [6], расчеты авторов.

³³ Аналогичный результат был получен такими авторами, как Барро (см.: [9; 10; 11]), а также Сакс и Уорнер (см.: [16]) в межстрановых регрессиях. Алесина и др. (см.: [7; 8]) показали наличие «экономии на масштабах» государственного потребления (т. е. снижения их доли в экономике) как результат экономического роста. В межстрановой модели работы Алесина и др. (см.: [8]) государственное потребление является существенно отрицательной переменной для экономического роста.

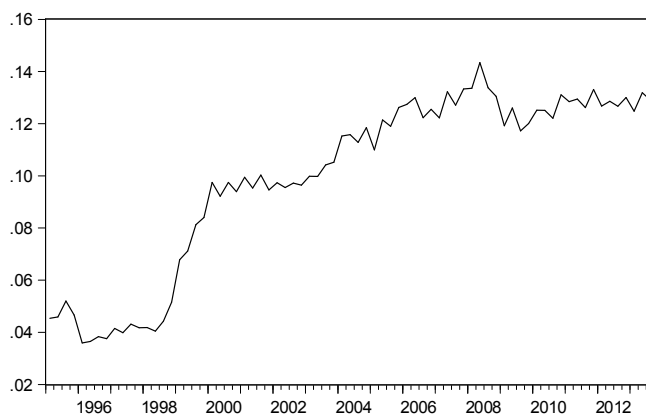

Рис. 10. Чистый предельный доход на основной капитал; сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего³⁴

Замедление темпов банковского кредитования бизнеса также способствовало стагнации инвестиций в основной капитал; среднегодовой рост первого показателя в реальном исчислении снизился с 27 % в период до 2008 года до 5 % после этой даты (рис. 11)³⁵.

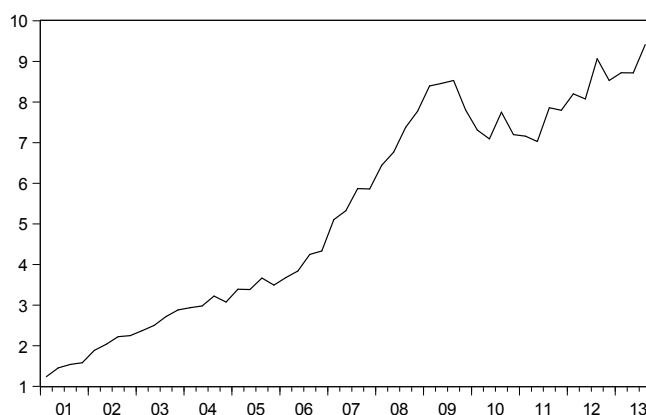

Рис. 11. Индекс банковских кредитов организациям, Q2 2000 = 1³⁶

Государственные инвестиции даже снизились в реальном исчислении после 2008 года, что показано на рис. 9. Причинами этого могут служить:

- а) снижение налоговых выплат (равно как и прочих доходов консолидированного бюджета) на 10 % в реальном исчислении;
- б) снижение отношения инвестиций за счет государственного бюджета по отношению к доходам бюджета с 13 % в 2008-м до 10 % в 2013 году³⁷.

Отношение государственных инвестиций в основной капитал к ВВП достигло пика примерно в 4–5 % в 2008–2009 годах, а затем снизилось до 3 %. При высокой доле государства в экономике России эта цифра может считаться достаточно низкой³⁸, что отражается, в частности, в ненадлежащем состоянии инфраструктуры, снижающем в целом эффективность экономики России.

Если рассматривать отношение инвестиций в основной капитал к добавленной стоимости по видам экономической деятельности (инвестиционное отноше-

³⁴ Источник: [6], расчеты авторов.

³⁵ Такие авторы, как Р. Ла Порта, Ф. Лопес де Силанес и А. Шлейфер (см.: [14]), считают важным фактором неэффективности банковской системы наличие высокой доли банков в государственной собственности.

³⁶ Источник: [1], расчеты авторов.

³⁷ Там же.

³⁸ Согласно данным Всемирного банка, около 20 % работников в России занято в компаниях, находящихся в государственной собственности (см.: [17; 18]).

ние), то наивысшее значение этого показателя будет у транспорта, производства электроэнергии, очистки воды и операций с недвижимым имуществом. Добыча нефти и газа занимала 4-е место по этому показателю в 2003 году, но лишь 17-е место в 2013 году, что является еще одним свидетельством недостаточности инвестиций в этот сектор. Коэффициент ранговой корреляции между удельным весом вида экономической деятельности в ВВП и инвестиционным отношением равен -0,1, что говорит, скорее всего, о неадекватном межотраслевом распределении инвестиций.

Тем не менее существенных изменений в отраслевой структуре инвестиционного отношения во времени не произошло: коэффициенты ранговой корреляции между их значениями по видам экономической деятельности между 2003 и 2008 годами и между 2008 и 2013 годами равны 0,827 и 0,908 соответственно. Увеличение долей в ВВП таких видов деятельности, как добыча нефти и газа и операции с недвижимым имуществом, имеющих высокое инвестиционное отношение, оказывало положительное влияние на совокупный объем инвестиций в стране. В то же время снижение доли транспорта и производства электроэнергии (высокое отношение) и рост доли финансовых услуг (низкое отношение) произвели негативный эффект на объем инвестиций.

Региональная структура инвестиционного отношения также дает некоторую информацию (табл. 15).

Таблица 15

**Десять крупнейших регионов России и инвестиционное отношение
в их экономиках, 2012 год³⁹**

Регион	Ранг ВРП	Ранг инвестиционного отношения
Город Москва	1	83
Ханты-Мансийский АО	2	57
Московская область	3	75
Санкт-Петербург	4	82
Свердловская область	5	67
Краснодарский край	6	2
Республика Татарстан	7	25
Красноярский край	8	27
Ямало-Ненецкий АО	9	5
Республика Башкортостан	10	78

Мы видим, что крупнейшие города России (Москва и Санкт-Петербург) занимают 1-е и 4-е места среди регионов России по величине валового регионального продукта (ВРП) соответственно, но имеют при этом наименьшие значения инвестиционного отношения. Крупнейший производитель нефти – Ханты-Мансийский автономный округ – занимает лишь 57-е место по величине инвестиционного отношения. Аналогичный разрыв мы видим в таких крупных промышленных регионах, как Московская и Свердловская области и Республика Башкортостан. Только Краснодарский край и Ямало-Ненецкий автономный округ имеют близкие значения двух показателей, но в отношении первого, как можно предположить, это объясняется государственными инвестициями в развитие рекреационной зоны.

В целом коэффициент ранговой корреляции между рангом ВРП и инвестиционным отношением по регионам России в 2012 году равен -0,2, что говорит о нерациональной региональной структуре инвестиций.

Как мы видели выше (табл. 10), доля чистого экспорта в ВВП снизилась с 20 % в 2000 году до 6,9 % в 2014-м; это произошло в значительной степени за счет сни-

³⁹ Источник: [6], расчеты авторов.

жения доли экспорта с 44 % до 30 % ВВП в этот период. Динамика экспорта объясняется уравнением 32 эконометрической модели, «словесное» описание которого приводится в табл. 16.

Таблица 16

Уравнение экспорта, «словесное» представление

Экспорт	=
Долларовый индекс экспортных цен	+
ВВП	+
Частный внутренний спрос	-

За период с 1999-го по 2008 год экспорт России вырос в 1,9 раза в реальном исчислении (что составило 7,6 % ежегодного прироста (рис. 12)). При этом его доля в ВВП снизилась в основном за счет снижения реального индекса экспортных цен (отношения рублевого индекса экспортных цен к дефлятору ВВП) на 32 % (рис. 13). И все же указанный период был весьма благоприятным для российского экспорта, так как долларовые цены на его важнейшие статьи повышались (табл. 17).

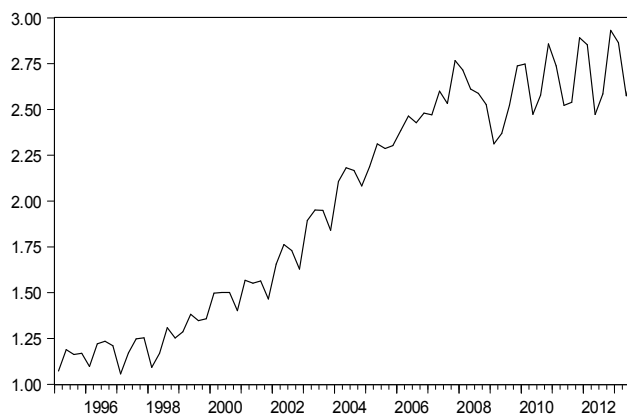

Рис. 12. Индекс динамики экспорта, Q1 1995 = 1 (дефлятор – рублевый индекс экспортных цен); сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего⁴⁰

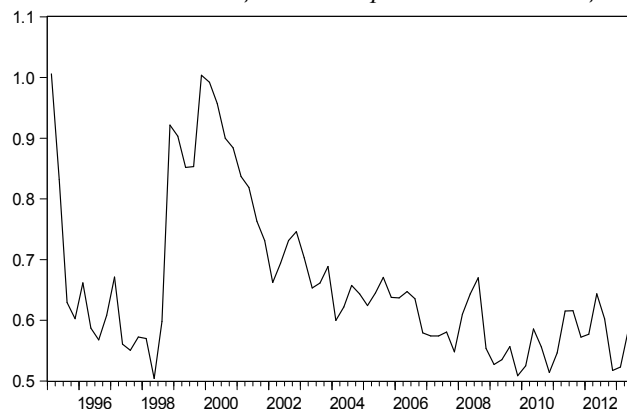

Рис. 13. Рублевый индекс экспортных цен, дефлированный по дефлятору ВВП, Q1 1995 = 1; сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего⁴¹

⁴⁰ Источник: [6], расчеты авторов.

⁴¹ Там же.

Таблица 17

**Индексы средних долларовых цен на важнейшие статьи
российского экспорта и среднегодовые темпы их прироста, %⁴²**

Статья/Период (гг.)	Индекс		Среднегодовые темпы прироста	
	2008/1999	2013/2008	2008/1999	2013/2008
<i>Экспорт, всего</i>	<i>3,26</i>	<i>1,06</i>	<i>14,0</i>	<i>1,1</i>
Сырая нефть	6,31	1,11	22,7	2,1
Нефтепродукты	7,06	1,07	24,2	1,3
Природный газ	6,40	0,97	22,9	-0,7
Железная руда	6,03	1,04	22,1	0,8
Уголь	4,82	1,07	19,1	1,3
Лесоматериалы	2,19	0,91	9,1	-2,0
Чугун	7,01	0,80	24,1	-4,4
Медь	4,23	1,21	17,4	3,8
Никель	3,69	0,78	15,6	-4,9
Алюминий	1,88	0,85	7,2	-3,1
Автомобили легковые	2,19	1,51	9,1	8,6
Грузовики	1,75	1,24	6,4	4,4

По сырой нефти, природному газу и нефтепродуктам рублевый индекс экспортных цен в 1,5 раза превысил дефлятор ВВП в этот период. Но по большинству остальных статей экспорта (лесоматериалы, металлы, автомобили и проч.) рост цен был гораздо медленнее, что и определило неблагоприятный тренд реального индекса экспортных цен в рублевом исчислении (рис. 13), а также неблагоприятное изменение структуры экспорта. Доля сырой нефти, природного газа и нефтепродуктов в совокупном объеме экспорта выросла с 45 % в 1999 году до 70 % в 2011-м и 78 % в 2013 году.

Но после 2008 года мы видим существенное замедление темпов роста долларовых цен экспортных товаров (легковые автомобили составляют здесь единственное исключение), что и определило общее замедление роста экспорта.

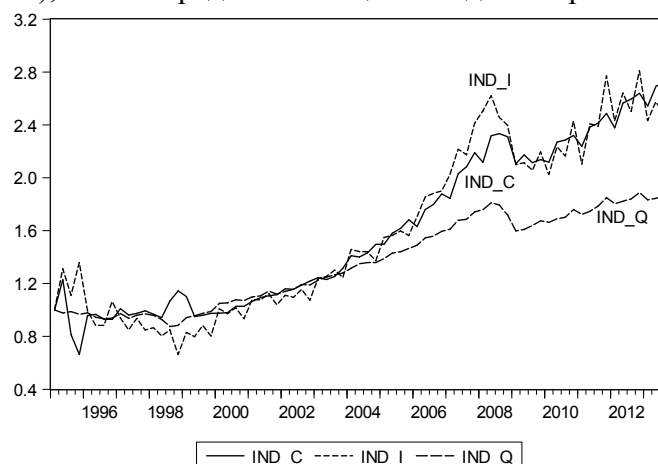

Рис. 14. Индексы динамики ВВП (IND_Q), потребительских расходов домашних хозяйств (IND_C) и валового накопления основного капитала (IND_I) в реальном исчислении, Q1 1995 = 1; сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего⁴³

Другой причиной замедления экспорта послужило быстрое увеличение частного внутреннего спроса – потребления домашних хозяйств и валового накопле-

⁴² Источник: [6], расчеты авторов.

⁴³ Там же.

ния основного капитала, как это видно на рис. 14⁴⁴. Государственные субсидии к внутренним ценам на природный газ⁴⁵ и изоляция российских компаний от мировых рынков также способствовали этим тенденциям⁴⁶.

Динамика импорта объясняется уравнением 34 эконометрической модели, его «словесное» представление дано в табл. 18⁴⁷.

Таблица 18

Уравнение импорта, «словесное» представление

Импорт	=
Долларовый индекс импортных цен	-
ВВП	+
Частный внутренний спрос	+

С 1999-го по 2008 год объем импорта в России вырос в 5,3 раза в реальном исчислении, что составляет 20,5 % среднегодового роста (рис. 15).

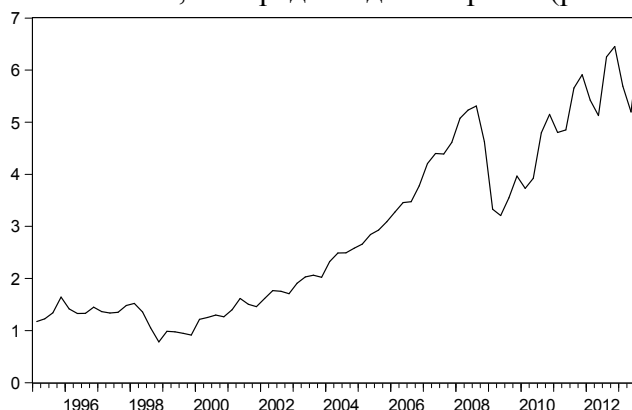

Рис. 15. Индекс динамики импорта, Q1 1995 = 1 (дефлятор – рублевый индекс импортных цен); сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего⁴⁸

Как мы видим, среднегодовой рост импорта был гораздо больше роста экспорта, и это объясняется как высоким спросом на импортные товары, так и существенным снижением реального рублевого индекса импортных цен (см. рис. 7 выше). Как упоминалось выше, в 2008 году этот индекс составлял лишь 29 % от своего значения 1999 года, что эквивалентно 15 % среднегодового снижения. Высокий спрос на импортные товары отражает тот факт, что за счет импорта удовлетворяется 15 % потребительского спроса, 27 % инвестиционного спроса и 10 % спроса на сырье и промежуточные материалы⁴⁹. За указанный период наиболее быстрыми темпами росла статья «машины, оборудование и транспортные средства» (34 % ежегодного прироста в долларовом исчислении). Индикатор «условия торговли» был чрезвычайно благоприятным для России в этот период, что отражено на рис. 16, и, разумеется, это способствовало ее экономическому росту.

⁴⁴ По отношению к ВВП его величина выросла с 62 % в 2000 году до 71 % в 2008-м и 74 % в 2014 году.

⁴⁵ Примеры того, как государственные субсидии на энергоносители повышают внутренний спрос на них в различных странах, см.: [19].

⁴⁶ Последний вопрос рассмотрен в отчете Всемирного банка (см.: [18. С. 52]).

⁴⁷ Присутствие ВВП в качестве отдельной переменной в этом уравнении со значением параметра, весьма отличным от параметра при переменной частного внутреннего спроса, может быть объяснено тем, что Россия импортирует большое количество товаров промежуточного спроса. В 2014 году они составили более 39 % от совокупного объема импорта.

⁴⁸ Источник: [6], расчеты авторов.

⁴⁹ Там же.

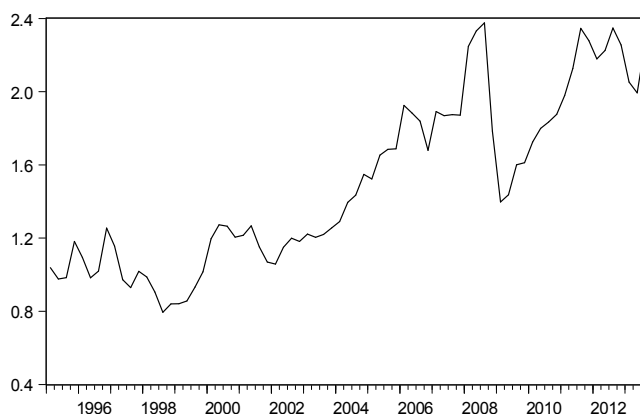

Рис. 16. Долларовый индекс «условий торговли», $Q1\ 1995 = 1$; сезонное сглаживание с помощью геометрического скользящего среднего⁵⁰

Тем не менее, несмотря на значительное увеличение объемов импорта, быстрое снижение относительных цен импорта привело к тому, что удельный вес импорта в ВВП снизился с 26 % до 22 % за указанный период. После 2008 года импорт продолжал расти, но более медленными темпами (лишь 1,7 % в год в реальном исчислении). Причинами стали остановка падения реальных цен импорта и замедление экономического роста. Сократилась динамика всех статей импорта, но наиболее резко – импорта машин, оборудования и транспортных средств (до 1 % в год в долларовых ценах).

Укрепление рубля также способствовало подобным тенденциям. Реальный эффективный курс доллара в III квартале 2008 года составлял лишь 31 % от его значения в III квартале 1999 года⁵¹. Но затем к III кварталу 2013 года рубль укрепился по отношению к доллару лишь на 11 %. Причинами послужили как замедление роста экспортных цен, так и замедление падения реальных цен импорта. Снижение темпов укрепления рубля также способствовало замедлению прироста импорта. Радикальное изменение курса рубля с IV квартала 2014 года и экономические санкции могут существенным образом повернуть динамику как экспорта, так и импорта.

Отраслевая структура

Анализ трендов структуры экономики России по видам экономической деятельности позволяет сделать следующие заключения.

1. В 2009–2014 годах темпы роста большинства видов деятельности снизились по сравнению с предшествующим периодом (2002–2008 гг.) (табл. 19)⁵².

⁵⁰ Источник: [6], расчеты авторов.

⁵¹ Эта величина здесь рассчитана как индекс номинального курса доллара, умноженный на долларовый индекс импортных цен и деленный на дефлятор ВВП. Подобный подсчет представляется нам более точным, чем тот, что использует индекс инфляции в США. Банк России приводит динамику реального эффективного курса рубля за период с 2004 года. На основе этих данных можно подсчитать, что после 2004 года к 2008 году рубль укрепился на 80 % по отношению к доллару и на 46 % по отношению к евро. Но после 2008 года укрепление рубля резко замедлилось: к 2013 году он укрепился лишь на 4,7 % по отношению к доллару и на 14,7 % по отношению к евро (см.: [1]).

⁵² Росстат указывает данные по отраслевой структуре с 2002 года (см.: [6]).

Таблица 19

**Среднегодовые темпы роста по видам экономической деятельности,
2002–2014 гг., %⁵³**

Вид деятельности/Период (гг.)	2008/2002	2014/2008
Вся экономика	7,1	0,9
Сельское и лесное хозяйство	1,6	0,7
Рыболовство	-1,7	0,1
Добыча полезных ископаемых	3,4	0,9
Обрабатывающие производства	5,5	1,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,9	-0,3
Строительство	11,6	-1,6
Оптовая и розничная торговля	11,4	1,2
Гостиницы и рестораны	8,0	0,3
Транспорт и связь	6,5	1,6
Финансовая деятельность	23,3	7,5
Операции с недвижимым имуществом	8,5	2,4
Государственное управление	1,6	-0,6
Образование	0,6	-0,9
Здравоохранение	0,5	0,8
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	4,5	-3,6

2. В 2003–2008 годах наиболее быстрыми темпами росли финансовые услуги, строительство, торговля, операции с недвижимым имуществом и гостиницы и рестораны.

3. В 2009–2014 годах наиболее быстрыми темпами росли финансовые услуги, операции с недвижимым имуществом, транспорт и связь.

4. Табл. 20 представляет индексы цен по видам деятельности; в 2009–2014 годах среднегодовой рост цен был почти в полтора раза ниже, чем в предшествующий период (2003–2008 гг.).

Таблица 20

Индексы цен по видам экономической деятельности, 2002–2014 гг.⁵⁴

Вид деятельности/Период (гг.)	2008/2002	2014/2008
Вся экономика	2,458	1,631
Сельское и лесное хозяйство	2,350	1,559
Рыболовство	2,393	1,967
Добыча полезных ископаемых	4,210	1,789
Обрабатывающие производства	2,739	1,429
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,650	2,042
Строительство	2,244	1,962
Оптовая и розничная торговля	1,706	1,380
Гостиницы и рестораны	2,569	1,746
Транспорт и связь	2,286	1,484
Финансовая деятельность	1,561	1,381
Операции с недвижимым имуществом	2,376	1,639
Государственное управление	3,510	2,212
Образование	3,353	2,008
Здравоохранение	3,620	2,020
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2,616	2,150

⁵³ Источник: [6], расчеты авторов.

⁵⁴ Там же.

5. В 2003–2008 годах наиболее быстрыми темпами росли цены по таким видам деятельности, как добыча полезных ископаемых, здравоохранение, государственное управление и образование.

6. В 2009–2014 годах наиболее быстрыми темпами росли цены по таким видам деятельности, как государственное управление, предоставление прочих услуг, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, здравоохранение, образование, рыболовство и строительство.

7. Тенденции, отраженные в таблицах 19–20, изменили отраслевую структуру экономики России, как это показано в табл. 21.

Таблица 21

**Структура ВВП (валовой добавленной стоимости)
по видам экономической активности, 2002–2014 гг., %⁵⁵**

Вид деятельности/Год	2002 г.	2008 г.	2014 г.
Вся экономика	100	100	100
Сельское и лесное хозяйство	6,0	4,2	4,0
Рыболовство	0,3	0,2	0,2
Добыча полезных ископаемых	6,7	9,3	10,1
Обрабатывающие производства	17,2	17,5	15,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,6	2,9	3,4
Строительство	5,4	6,3	6,5
Оптовая и розничная торговля	22,9	20,3	17,3
Гостиницы и рестораны	0,9	1,0	1,0
Транспорт и связь	10,2	9,3	8,7
Финансовая деятельность	2,9	4,4	5,4
Операции с недвижимым имуществом	10,6	11,3	12,3
Государственное управление	5,1	5,4	6,6
Образование	2,9	2,8	3,0
Здравоохранение	3,4	3,4	4,2
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,9	1,8	1,8

8. После 2002 г. существенно вырос удельный вес таких отраслей, как добыча полезных ископаемых, финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, государственное управление, строительство и здравоохранение.

9. В то же время в этот период существенно снизился удельный вес таких отраслей, как торговля, сельское хозяйство, обрабатывающие производства, транспорт и связь.

10. На основе данных таблиц 19–20 можно сделать вывод, что увеличение удельного веса добычи полезных ископаемых, государственного управления и здравоохранения имело место преимущественно за счет опережающего роста цен.

11. Повышение удельного веса финансовой деятельности и операций с недвижимым имуществом имело место в основном за счет роста объема производства.

12. Снижение удельного веса торговли, транспорта и связи происходило преимущественно вследствие более медленного роста цен.

13. Снижение удельного веса сельского хозяйства имело место вследствие медленных темпов роста производства.

Мы проанализировали изменение отраслевой структуры экономики России в аспекте распределения факторов производства и их совокупной производительно-

⁵⁵ Источник: [6], расчеты авторов.

сти, используя следующие формулы: $X = K^\alpha L^\beta$, где X представляет собой агрегированный индекс затрат факторов производства, K – объем основного капитала и L – численность занятых; α и β являются показателями эластичности выпуска по основному капиталу и труду соответственно. Совокупная производительность вычисляется как $TFP = Y/X$, где Y – валовая добавленная стоимость в ценах 2008 года. Очевидно, что индекс совокупной производительности, вычисленный подобным образом, отражает не только технические и управленческие особенности, но и относительные цены за продукцию (услуги) вида деятельности.

Нами были приняты значения $\alpha = 0,3$ и $\beta = 0,7$, рассчитанные с помощью макроэкономической производственной функции (уравнение 3 макроэкономической модели)⁵⁶.

Проведенные расчеты позволяют сделать выводы, отраженные ниже в табл. 22–24.

1. Удельный вес таких видов деятельности, как сельское хозяйство, обрабатывающие производства, строительство, образование, здравоохранение и прочие услуги в объеме совокупных затрат факторов производства снизился.

2. Удельный вес таких видов деятельности, как добыча полезных ископаемых, торговля, финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом и государственное управление в объеме совокупных затрат факторов производства вырос.

Таблица 22

Удельный вес видов экономической деятельности в совокупных затратах факторов производства, 2004–2012 гг., %⁵⁷

Вид деятельности/Год	2004	2008	2012
Вся экономика	100	100	100
Сельское и лесное хозяйство	8,2	7,1	6,6
Рыболовство	0,2	0,2	0,2
Добыча полезных ископаемых	2,5	2,5	2,8
Обрабатывающие производства	14,1	13,4	12,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,0	3,6	3,9
Строительство	5,0	5,0	4,8
Оптовая и розничная торговля	8,4	10,1	10,7
Гостиницы и рестораны	1,3	1,4	1,3
Транспорт и связь	11,8	11,8	11,7
Финансовая деятельность	1,2	1,6	1,9
Операции с недвижимым имуществом	10,6	10,5	11,4
Государственное управление	4,4	5,2	5,3
Образование	6,8	6,8	6,0
Здравоохранение	5,1	5,2	4,8
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,3	3,5	3,1

3. Совокупная производительность факторов производства (СФП) в период с 2004-го по 2008 год, скорее всего, росла, но затем снизилась (табл. 24). Среди причин этого снижения можно назвать а) недостаточные инвестиции в человеческий капитал; б) неадекватную инфраструктуру; в) недружественную бизнес-среду; г) нарушение условий равной конкуренции; д) низкое качество государственных институтов⁵⁸.

⁵⁶ Нами здесь использован подход, применявшийся ранее в межстрановых исследованиях (см.: [12; 13]).

⁵⁷ Источник: [6], расчеты авторов.

⁵⁸ Всемирный банк (см.: [18. С. 42–52]) представил интересный обзор по данной проблеме.

4. Тем не менее СФП в таких видах деятельности, как добыча полезных ископаемых, рыболовство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды и государственное управление снижалась на протяжении всего периода: в 2012 году она была ниже, чем в 2004-м. В отношении добычи полезных ископаемых причинами могут быть снижение относительных мировых цен и необходимость добычи в труднодоступных месторождениях.

Таблица 23

Относительное значение совокупной производительности факторов производства по видам экономической деятельности, 2004–2012 гг.⁵⁹

Вид деятельности/Год	2004	2008	2012
Вся экономика	1,00	1,00	1,00
Сельское и лесное хозяйство	0,60	0,60	0,61
Рыболовство	1,38	0,98	0,99
Добыча полезных ископаемых	5,06	3,69	3,54
Обрабатывающие производства	1,38	1,31	1,37
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,93	0,82	0,72
Строительство	1,06	1,27	1,25
Оптовая и розничная торговля	2,06	2,02	1,93
Гостиницы и рестораны	0,68	0,75	0,78
Транспорт и связь	0,80	0,78	0,81
Финансовая деятельность	2,03	2,66	2,78
Операции с недвижимым имуществом	0,84	1,07	1,05
Государственное управление	1,54	1,03	0,95
Образование	0,52	0,40	0,43
Здравоохранение	0,82	0,66	0,71
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,58	0,51	0,43

5. В то же время уровень СФП в таких видах деятельности, как добыча полезных ископаемых, финансовая деятельность, торговля, обрабатывающие производства и строительство был существенно выше среднего по экономике России.

6. Уровень СФП в таких видах деятельности, как сельское хозяйство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, гостиницы и рестораны, транспорт и связь, образование, здравоохранение и прочие услуги был существенно ниже среднего по России. Обратим внимание, что значительная часть этой деятельности находится под обширным государственным контролем.

Таблица 24

Индекс совокупной производительности факторов производства по видам экономической деятельности⁶⁰

Вид деятельности/Период (гг.)	2008/2004	2012/2008	2012/2004
Вся экономика	1,25	0,94	1,17
Сельское и лесное хозяйство	1,24	0,96	1,19
Рыболовство	0,89	0,95	0,84
Добыча полезных ископаемых	0,91	0,90	0,82
Обрабатывающие производства	1,18	0,99	1,16
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,09	0,83	0,91
Строительство	1,49	0,93	1,38

⁵⁹ Источник: [6], расчеты авторов.

⁶⁰ Там же.

Оптовая и розничная торговля	1,22	0,90	1,10
Гостиницы и рестораны	1,37	0,98	1,34
Транспорт и связь	1,22	0,97	1,18
Финансовая деятельность	1,63	0,99	1,60
Операции с недвижимым имуществом	1,59	0,92	1,45
Государственное управление	0,83	0,87	0,72
Образование	0,97	1,00	0,97
Здравоохранение	1,00	1,01	1,01
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,10	0,79	0,87

7. Повышение удельного веса добычи полезных ископаемых, торговли и финансов, а также снижение доли сельского хозяйства может рассматриваться в качестве благоприятного структурного сдвига в экономике России. Снижение удельного веса обрабатывающих производств следует считать неблагоприятным структурным сдвигом с точки зрения совокупной производительности.

Коэффициент детерминации в регрессии роста затрат совокупных ресурсов по видам деятельности в 2004–2008 годах на значение их СФП в 2004 году оказался незначительным; его значение в аналогичной регрессии роста затрат ресурсов в следующий (2008–2012 гг.) период на СФП 2008 года равен 0,49. Следовательно, зависимость распределения ресурсов по видам деятельности от уровня их СФП была весьма слабой в 2004–2008 гг., но стала несколько сильнее в 2008–2012 гг.

Можно предположить, что такой результат стал следствием весьма существенного государственного регулирования распределения ресурсов в России.

Следует отметить высокое и положительное значение остатков во второй регрессии, которое имело место для производства и распределения электроэнергии, газа и воды и операций с недвижимым имуществом – сфер, где государственное регулирование (включая государственные инвестиции) особенно заметно.

Региональная структура

Аналогичный подход мы применили к анализу сдвигов в региональной структуре экономики России (табл. 25–29); ниже следует описание результатов⁶¹.

Таблица 25

Десять крупнейших регионов: изменение удельного веса в ВВП России, 2000–2012 гг., %⁶²

Регион/Год	2000	2008	2012
Город Москва	20,1	24,3	21,2
Ханты-Мансийский АО	7,0	5,7	5,4
Московская область	3,1	4,9	4,9
Санкт-Петербург	3,3	4,2	4,6
Свердловская область	2,7	2,7	3,0
Краснодарский край	2,4	2,4	2,9
Республика Татарстан	3,2	2,7	2,9
Красноярский край	3,7	2,2	2,4
Ямало-Ненецкий АО	2,0	2,1	2,4
Республика Башкортостан	2,5	2,2	2,3

⁶¹ Поскольку соответствующие таблицы занимают слишком много места, мы ограничиваемся здесь описанием только наиболее важных результатов.

⁶² Источник: [6], расчеты авторов.

Таблица 26

**Десять крупнейших регионов: среднегодовые темпы роста ВРП,
2000–2012 гг., %⁶³**

Регион/Год	2008/2000	2012/2008	2012/2000
Вся экономика	7,0	1,2	5,1
Город Москва	8,5	-1,6	5,0
Ханты-Мансийский АО	6,7	-0,7	4,2
Московская область	9,0	2,5	6,8
Санкт-Петербург	9,5	3,0	7,3
Свердловская область	7,9	3,5	6,4
Краснодарский край	6,6	3,9	5,7
Республика Татарстан	7,4	3,0	5,9
Красноярский край	5,1	3,9	4,7
Ямало-Ненецкий АО	5,5	0,9	4,0
Республика Башкортостан	7,4	4,1	6,3

Таблица 27

**Десять крупнейших регионов: удельный вес в совокупных затратах
факторов производства, 2000–2012 гг., %⁶⁴**

Регион/Год	2000	2008	2012
Город Москва	7,9	11,3	11,7
Ханты-Мансийский АО	1,7	2,0	2,0
Московская область	4,7	5,1	5,0
Санкт-Петербург	3,2	3,5	3,7
Свердловская область	3,3	3,0	3,0
Краснодарский край	3,2	3,1	3,1
Республика Татарстан	2,7	2,6	2,7
Красноярский край	2,2	1,9	1,9
Ямало-Ненецкий АО	0,6	0,9	1,0
Республика Башкортостан	2,6	2,4	2,2

Таблица 28

**Десять крупнейших регионов: относительные величины совокупной
производительности факторов производства⁶⁵**

Регион/Год	2000	2008	2012
Россия в среднем	1,00	1,00	1,00
Город Москва	2,75	2,15	1,85
Ханты-Мансийский АО	3,50	2,91	2,63
Московская область	0,89	0,95	1,02
Санкт-Петербург	1,10	1,22	1,22
Свердловская область	0,77	0,90	0,99
Краснодарский край	0,77	0,77	0,85
Республика Татарстан	0,98	1,06	1,09
Красноярский край	1,17	1,15	1,27
Ямало-Ненецкий АО	3,70	2,33	2,19
Республика Башкортостан	0,82	0,92	1,09

⁶³ Источник: [6], расчеты авторов.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

Десять крупнейших регионов: индекс совокупной производительности факторов производства, 2000 г. = 1⁶⁶

Регион/Год	2008/2000	2012/2008	2012/2000
Вся экономика	1,45	0,94	1,45
Город Москва	1,13	0,86	0,98
Ханты-Мансийский АО	1,21	0,90	1,09
Московская область	1,55	1,08	1,67
Санкт-Петербург	1,61	1,00	1,62
Свердловская область	1,69	1,10	1,85
Краснодарский край	1,45	1,10	1,60
Республика Татарстан	1,58	1,02	1,61
Красноярский край	1,43	1,10	1,57
Ямало-Ненецкий АО	0,91	0,94	0,86
Республика Башкортостан	1,63	1,19	1,94

1. Заметным изменением, имевшим место за период с 2000-го по 2012 год, был существенный рост доли г. Москва в совокупных ресурсах Российской Федерации. При этом ее удельный вес в ВВП России снизился после 2008 года вследствие отрицательных темпов роста; в свою очередь, это стало результатом снижения совокупной производительности факторов производства в этом городе.

2. Аналогичные тенденции показал Ханты-Мансийский автономный округ.

3. В свою очередь, Московская область, г. Санкт-Петербург, Сахалинская область и Краснодарский край увеличили свой удельный вес в ВВП России в основном за счет более быстрого роста совокупной факторной производительности.

4. Такие регионы, как республики Северного Кавказа, Ненецкий автономный округ (в Архангельской области) и Приморский край также увеличили свой удельный вес в совокупных затратах факторов производства. Эти же регионы (за исключением Приморского края) имели более высокие, чем средние по России, темпы роста ВРП и СФП.

5. Относительный уровень СФП в г. Москва, Ханты-Мансийском, Ненецком, Ямало-Ненецком автономных округах и Сахалинской области, Чукотском автономном округе и Республике Якутия – Саха существенно выше среднего по России. Но крупнейшие из этого списка (г. Москва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) постепенно теряют свое преимущество в уровне СФП, что неблагоприятно для экономического роста России.

6. Возможным объяснением тенденций, указанных в предыдущем пункте, может служить неадекватный уровень инвестиций. Как было показано выше (табл. 15), г. Москва и Ханты-Мансийский автономный округ имеют весьма низкие значения инвестиционного отношения. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа имеют одни из самых высоких уровней износа основного капитала среди регионов России. В свою очередь, неадекватное инвестирование в этих округах может быть следствием повышенного налогового бремени нефтегазовой отрасли.

7. Среди других факторов, приведших к замедлению темпов роста трех регионов, указанных в предыдущем пункте, следует отметить, во-первых, относительно низкий уровень обеспеченности жильем (город Москва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа занимают здесь 79, 78 и 77-е места соответственно). Во-вторых, это высокий удельный вес текстильной и ко-

⁶⁶ Источник: [6], расчеты авторов.

жевенно-обувной отрасли и низкую долю лиц молодых возрастов в городе Москве. Эти факторы имеют отрицательное влияние на экономический рост региона⁶⁷.

Заключение

За прошедшие 15 лет экономика России демонстрировала заметные структурные сдвиги.

Быстрое увеличение зарплаты, характерное для экономики России последних 15 лет, было вызвано как экономическими, так и политическими причинами. Повышение удельного веса видов экономической деятельности и регионов с высокой зарплатой, правительственная политика повышения зарплаты в секторах, где высок уровень государственного регулирования, также способствовали ее росту.

В целом подобные тенденции нельзя назвать однозначно положительными или негативными: они способствовали экономическому росту, повышая потребительский спрос; одновременно они снижали потенциал роста, уменьшая прибыльность бизнеса. Кроме роста зарплаты, отраслевые структурные сдвиги и рост косвенного налогообложения (в первую очередь экспортных пошлин и НДС) также оказали влияние на снижение прибыльности российского бизнеса. Влияние последнего фактора, однако, несколько ослабло после 2008 года.

Быстрое увеличение потребительских расходов домашних хозяйств поддерживалось как экономическим ростом, повлекшим за собой повышение зарплаты, так и снижением реального индекса импортных цен и развитием потребительского кредита в России. Эти тенденции способствовали экономическому росту, поскольку повышали совокупный спрос. В то же время стагнация совокупного предложения в экономике, обусловленная снижением инвестиций в основной капитал, предложения рабочей силы и низкой совокупной производительностью факторов производства, препятствовала росту, что, в сочетании с замедлением падения реальных цен импорта замедлило и рост потребления после 2008 года.

Рост государственных расходов, вызванный преимущественно быстрым повышением стоимости государственных услуг, также мог оказывать положительный эффект на экономический рост, повышая совокупный спрос в экономике. В то же время эконометрические оценки показывают наличие «эффекта вытеснения» частных расходов (инвестиций в первую очередь) государственными расходами.

Инвестиции в основной капитал, после быстрого роста, имевшего место до 2008 года, в дальнейшем сдерживались низким уровнем государственных инвестиций, снижением прибыльности компаний и предельного дохода на основной капитал. Последнему способствовал низкий уровень совокупной факторной производительности. Постепенное замедление роста банковской системы, быстро развивавшейся до 2008 года, а также не вполне адекватная отраслевая и региональная структура инвестиций также способствовали этим тенденциям.

Резкое снижение динамики чистого экспорта также послужило препятствием для экономического роста. Снижение реальных импортных цен, медленный рост экспортных цен после 2008 года, реальное укрепление рубля, быстрый рост частного внутреннего спроса и избыточное налогообложение нефтегазовой отрасли были среди важнейших причин, способствовавших такой динамике.

Отраслевые структурные сдвиги свидетельствуют о том, что Россия следует мировым тенденциям повышения доли услуг и снижения доли сельского хозяйства и обрабатывающих производств. Спецификой является быстрый рост доли государственного управления и снижение совокупной факторной производительности в добыче полезных ископаемых, главной экспортной отрасли.

⁶⁷ Подробнее исследование факторов экономического роста регионов России см. в: [4].

Изменения в региональной структуре характеризуются чрезвычайно высоким удельным весом города Москвы и нефтедобывающих регионов в ВВП России. Эти регионы получали растущую долю производственных ресурсов, но демонстрировали, особенно после 2008 года, падение совокупной производительности, что было еще одним препятствием для экономического роста.

Литература

1. Банк России : официальный сайт. – URL: <http://www.cbr.ru>
2. Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН, группа RIM : официальный сайт. – URL: <http://www.macroforecast.ru>
3. Мицек Е. Б., Мицек С. А. Среднесрочный прогноз динамики инвестиций в основной капитал в Российской Федерации с помощью эконометрической модели // Финансы и кредит. – 2010. – № 40 (424). – С. 16–22.
4. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Эконометрические и статистические оценки отраслевых и региональных структурных сдвигов в экономике Российской Федерации // Финансы и кредит. – 2014. – № 1 (577). – С. 2–9.
5. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Денежно-кредитная и фискальная политики и экономический рост в Российской Федерации: результаты эконометрического оценивания // Финансы и кредит. – 2014. – № 46 (622). – С. 59–64.
6. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : официальный сайт. – URL: <http://www.gks.ru>
7. Alesina A., Wacziarg R. Openness, country size and government // Journal of Public Economics. – 1998. – Vol. 69, № 3 (Sep). – P. 305–321.
8. Alesina A. et al. Trade, growth and the size of the countries // Handbook of Economic Growth / Ph. Aghion, S. Durlauf (eds.). – Vol. 2. – Amsterdam : North-Holland, 2005. – Ch. 23.
9. Barro R. Economic growth in a cross section of countries // Quarterly Journal of Economics. – 1991. – № 106 (2). – P. 407–443.
10. Barro R. Democracy and growth // Journal of Economic Growth. – 1996. – № 1 (1). – P. 1–27.
11. Barro R. Determinants of economic growth. – Cambridge : MIT Press, 1997.
12. Benhabib J., Spiegel M. M. Human capital and technology diffusion // Handbook of Economic Growth / Ph. Aghion, S. Durlauf (eds.). – Vol. 1. – Amsterdam : North-Holland, 2005. – Ch. 13.
13. Klenow P. J., Rodriguez-Clare A. Externalities and Growth // Handbook of Economic Growth / Ph. Aghion, S. Durlauf (eds.). – Vol. 1. – Amsterdam : North-Holland, 2005. – Ch. 11.
14. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Government Ownership of Banks // National Bureau of Economic Research Working Paper. – 2000 (March). – № 7620. – URL: <http://www.nber.org/papers/w7620.pdf>
15. Mitsek S. An Econometric Model of Russian Economy. – Yekaterinburg : Liberal Arts University, 2015.
16. Sachs J., Warner A. Economic reform and the process of global integration (with discussion) // Brookings Papers on Economic Activity. – 1995. – Vol. 26, Issue 1. – P. 1–118.
17. Russian Federation – Export Diversification through Competition and Innovation: A Policy Agenda / The World Bank. – 2013. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2013/04/18023843/russian-federation-export-diversification-through-competition-innovation-policy-agenda>
18. Russian Economic Report № 32: Policy Uncertainty Clouds Medium-Term Prospects / The World Bank. – 2014. – URL: <http://www.worldbank.org/ru/country/russia/publication/russian-economic-report-32>
19. Greely B. et al. The cheap fuel trap // Business Week. – 2014. – March 17–24. – P. 10–11.

УДК 378

Гончарова Наталья Алексеевна

преподаватель факультета бизнеса и управления,
аспирант НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: serditix@gmail.com

Goncharova Natal'ya Alekseyevna

Lecturer at Business and Management Department,
Postgraduate Student, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД
К УПРАВЛЕНИЮ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ
ПРОГРАММАМИ В ВУЗЕ**

**PROJECT METHODOLOGY
FOR MANAGING
HIGHER EDUCATION
PROGRAMMES**

Аннотация

В статье автором рассмотрен проектный подход в сфере образования как необходимое условие для дальнейшего планирования и формирования современных подходов в программном управлении. С позиции проектного подхода изложена оптимальная стратегия реализации образовательных программ, предполагающая управление множеством проектов, объединенных в программу.

Ключевые слова: проект; образовательный проект; образовательная программа; проектный подход; программа образовательных проектов.

Abstract

The article considers the project approach in the field of education as essential for further planning and constructing modern management approaches. The optimal strategy is elaborated to implement educational programmes that suggest managing a variety of projects integrated into the programme.

Keywords: project; educational project; educational programme; project approach; programme of educational projects.

Интенсивное вхождение России в мировую экономическую систему объясняет необходимость повышения конкурентных позиций российских фирм, функционирование которых во многом зависит от совершенствования их управленческой деятельности, развития и формирования современных образовательных программ.

Образовательному сообществу нужно разрабатывать новые подходы к преодолению сложившейся ситуации в сфере образования с применением современных методов управления для перспектив решения насущных задач модернизации российского общества [9].

В последнее время проектный подход широко рассматривается в сфере образования с применением новых подходов к управлению образовательными программами. Образовательные программы являются тем товаром, с которым вузы выходят на рынок образовательных услуг и предлагают их различным группам потребителей.

Образовательная программа отражает всю систему деятельности образовательного учреждения, обеспечивающую развитие личности, воспитание и обучение в соответствии с направлением, уровнем и ступенью образования [10].

Программы являются основным компонентом в сфере образования, они должны быть актуальны и востребованы обществом, учитывать конъюнктуру и постоянно изменяющуюся динамику процессов в обществе. Классификация образовательных программ, реализуемых в учебных заведениях, представлена в таблице 1.

**Классификация образовательных программ,
реализуемых в учебных заведениях¹**

№ п/п	Признак классификации	Классификация
1	По уровню образования	программы бакалавриата, программы магистратуры, программы специалитета, программы аспирантуры
2	По предметному полю	одно направление подготовки, междисциплинарные
3	По времени начала реализации	новые (еще не имеющие ни одного выпуска), имеющие выпускников
4	По признанию соответствия качества	аккредитованными, сертифицированными, внутренние документы признания и/или оценки качества
5	По использованию информационных образовательных технологий	без применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий; с применением электронного обучения и дистанционных технологий; реализуемые исключительно в форме электронного обучения и с использованием дистанционных образовательных технологий
6	По месту реализации	в одном подразделении, межкампусные, совместные
7	По результатам освоения	компетенции, модули, ECTS
8	По форме предоставления услуг	очная, заочная, очно-заочная, дистанционная
9	По направленности	основная, типовая, экспериментальная, авторская, модифицированная, дополнительная, адаптированная
10	По виду деятельности	учебная, воспитательная, развивающая, образовательная, социально-педагогическая, методическая, психологическая, управленческая
11	По финансированию	бюджетное финансирование, средства частных юридических лиц, благотворительность, средства граждан, образовательные кредиты
12	По уровню применения	федеральный, национально-региональный
13	По содержательным рамкам	образовательные области, циклы дисциплин, учебные дисциплины модули, учебный план, график учебного процесса
14	По проведению набора	по конкурсу, вне конкурса
15	По организационной структуре	академический руководитель, академический совет

В общем виде образовательная программа представляет собой нормативно-управленческий документ образовательной организации, который в числе прочего характеризует специфику содержания образования по определенному направлению подготовки и особенности организации образовательного процесса в зависимости от ее типа, уровня, вида и категории.

Структура построения образовательной программы представлена в таблице 2.

¹ Составлено автором.

Таблица 2

Структура образовательной программы

Структура	Содержание
Общие положения	Цель (миссия), срок освоения, трудоемкость, требования к абитуриенту
Характеристика профессиональной деятельности выпускника	<i>Область</i> профессиональной деятельности выпускника, <i>объекты</i> профессиональной деятельности выпускника, <i>виды</i> профессиональной деятельности выпускника, <i>задачи</i> профессиональной деятельности выпускника
Документы, регламентирующие содержание и организацию образовательного процесса	<i>Годовой</i> календарный учебный график, <i>учебный</i> план подготовки бакалавра, <i>рабочие</i> программы учебных курсов, предметов, дисциплин (модулей), <i>программы</i> учебной и производственной практик
Ресурсное обеспечение	Кадровое обеспечение, учебно-методическое и информационное обеспечение, материально-техническое обеспечение
Характеристики среды вуза	Внутренняя, внешняя
Нормативно-методическое обеспечение системы оценки качества освоения обучающимися	ФГОСТ
Фонды оценочных средств	Итоговая государственная аттестация, требования к выпускной квалификационной работе, требования к итоговому квалификационному экзамену

При проектном подходе в образовательной программе центральным предметом становится конечная цель, которая должна быть достигнута в результате обучения на соответствующем этапе образования. Структура развития образовательной программы широко рассмотрена в таблице 3.

Таблица 3

Стратегия развития образовательной программы

Фазы	Этапы	Содержание
Анализ образовательной ситуации	Выявление образовательных потребностей	Образовательная ситуация характеризуется соотношением общественной потребности в образовательной деятельности учреждения
	Анализ развития базовой области	
	Определение перспектив развития содержания образования	
Разработка целей и задач образовательной программы	Согласно существующей образовательной программе	Цель программы задает новое качество результатам образовательного процесса относительно уже существующих. Задачи характеризуют конкретные шаги по достижению целей
Конструирование перспективной модели образовательной деятельности учреждения	Построение новой модели образовательного процесса внутри программы	Определяются содержательные, структурные и качественные характеристики образовательных программ и образовательного процесса, внутренние требования к программам, организация образовательного процесса, взаимодействие всех субъектов образовательной деятельности

Разработка путей и условий достижения конечного результата	Учет ресурсов	Процесс развития, преобразования реально существующей практики, учреждения в заданное состояние уточняется с точки зрения: содержания, обеспечения ресурсами, представляет собой основную часть нормативного материала программы
	Планирование программы	
	Содержание программы по этапам	
Оформление программы	Методические рекомендации (утверждение планов, сеток)	Образовательная программа учреждения оформляется в виде текстового документа и утверждается руководителем учреждения, после чего она становится внутренним нормативным актом для педагогического персонала и готова к исполнению
Контроль и коррекция программы	Качественные характеристики результатов деятельности программы	Контроль и коррекция программы осуществимы после ввода программы в действие

При определении образовательной программы используются следующие отличительные критерии:

1. Программы могут быть постоянными и не заканчиваться до тех пор, пока не будут сочтены завершенными или утратившими актуальность отдельно взятые проекты.

2. Программы развиваются по мере поступления новой информации.

Прогрессивно изменяющееся определение желаемых результатов и совершенствование планов являются типичными особенностями программы.

3. Программы обладают синергетическим эффектом.

В рамках управления программой проводится анализ всех взаимозависимостей между проектами и определяется оптимальная стратегия реализации данной программы.

В целях снижения рисков и повышения качества планирования, реализации проектов и разрешения вопросов управления проектами привлекаются сотрудники проектного офиса, который создается для организационного и документационного сопровождения выполнения проектов.

Управление программой, в разрезе множества проектов, предусматривает оптимизацию затрат, расписания работ, распределения человеческих ресурсов в интересах образовательной программы в целом.

Следует учитывать, что цели программы обычно не совпадают с целями отдельных проектов и связаны со стратегическими целями вуза. Выполнение отдельного проекта в составе программы может не приводить к ощутимым результатам, в то время как выполнение всей программы может давать существенные стратегические результаты для вуза [3]. Управление образовательной программой систематизировано автором в таблице 4.

Таблица 4

Управление образовательной программой

Уровень управления или сопровождения программ	Орган управления или исполнения	Функции
Заказчик программы	Ректор Министерство образования и науки РФ	- определение направления подготовки, порядка и количества обучающихся, распределение количества бюджетных мест и др.; - утверждение результатов образовательной программы
Координация управления проектами	Общие решения - Ученый совет вуза	- ведет общий контроль за реализацией программ; - утверждает планы реализации мероприятий и сроки выполнения отдельных этапов; - рассматривает материалы о ходе реализации проектов; - определяет принципы распределения финансовых, трудовых и материальных ресурсов университета в целях выполнения мероприятий; - утверждает документы системы качества, регламентирующие деятельность проектных команд и структурных подразделений в рамках программы и др.; - утверждает результаты реализации программы
	Оперативное управление – Проектный комитет: - ректор; - проректор по науке; - главный бухгалтер; - экономист; - деканы факультетов; - программисты	- координирует и регламентирует процессы обмена информацией по вопросам реализации программ между заинтересованными сторонами; - осуществляет информационно-консультационную поддержку структурным подразделениям и другим заинтересованным сторонам по вопросам реализации программы; - осуществляет мониторинг, измерение и анализ содержания и качества мероприятий и проектов, входящих в программу, а также их внутренний аудит в целях проведения предупреждающих и корректирующих воздействий; - осуществляет формирование регулярной регламентированной отчетности о ходе реализации программы
Управление проектом и программой	Деканат	управление общеперсональными образовательными программами и проектами
	Кафедра	управление проектами
	Руководитель программы	организация планирования работ по выполнению проекта, бюджетирование, формирование первичного плана закупок, подача в планово-финансовую службу заявок на размещение заказов, взаимодействие со структурами по реализации мероприятий проекта

Управление программой включает управление интеграцией, основной задачей которой является развитие миссии программы в группу проектов и последующее согласованное управление этими проектами как набор действий, направленных на инициирование, проектирование, определение, переопределение [7]. Следовательно, образовательные программы должны быть востребованы, актуальны и понятны обществу, они должны учитывать динамику социальных процессов, их приоритеты и ценности [3].

Образовательные программы будут постоянными и не будут заканчиваться до тех пор, пока вуз не прекратит осуществлять образовательную деятельность и не завершит образовательные проекты.

Литература

1. Гончарова Н. А., Логинов М. П. Проектный подход к понятию «Образовательная услуга» // Вестник Гуманитарного университета. – 2014. – № 4 (7). – С. 112–115.
2. Гончарова Н. А., Логинов М. П. Управление образовательной услугой как проектом // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – № 2 (9). – С. 38–42.
3. Логинов М. П., Гончарова Н. А. Использование проектной методологии для управления образовательными программами в вузе // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2015. – № 4 (33). – С. 253–259.
4. Педагогическое проектирование / под ред. И. А. Колесниковой. – М. : ИЦ «Академия», 2005.
5. Голодова А. А. Внедрение методов проектного управления в программах образовательного кластера региона : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Волгоград, 2010.
6. Кагакина Е. А. Интеграция общекультурных и профессиональных компетенций как фактор подготовки будущих специалистов в условиях модернизации университетского образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук.
7. Бушуева С. Д. Руководство по управлению инновационными проектами и программами / пер. с укр. С. Д. Бушуевой. – К. : Наук. світ, 2009. –Т. 1.
8. Управление проектами / А. М. Немчин и др. – СПб. : Два-Три, 1996.
9. Бабич Т. В., Иванов А. С. Управление образовательными инновациями: социокультурный аспект // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2013. – № 4 (25). – С. 82–86.
10. Колесникова И. А., Горчакова-Сибирская М. П. Педагогическое проектирование : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / под ред. И. А. Колесниковой. – М. : ИЦ «Академия», 2005.

УДК 65.014.1

Марков Олег Анатольевич

магистрант кафедры экономики и менеджмента
НОУ ВО Московский технологический институт
(г. Москва)
E-mail: manager2017@list.ru

Markov Oleg Anatol'yevich

Master Student, Chair of Economics
and Management, Moscow Technological
Institute (Moscow)

**КОРПОРАТИВНЫЕ СИСТЕМЫ
УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ
КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОЕКТНОГО
МЕНЕДЖМЕНТА**

**PROJECT MANAGEMENT,
CORPORATE PROJECT
MANAGEMENT SYSTEMS**

Аннотация

Объектом исследования в настоящей статье выступают корпоративные системы управления проектами. Предметом исследования является деятельность организаций по внедрению систем управления проектами. Целью исследования является выявление критически важных особенностей внедрения корпоративных систем управления проектами. Методология проведения работы состоит в системном анализе теоретических аспектов внедрения корпоративных систем управления проектами. Результатом работы является выявление значимости внедрения корпоративных систем с целью повышения эффективности управления проектами. Областью применения результатов являются объекты хозяйственного процесса, нацеленные на повышение эффективности управления проектами.

Ключевые слова: управление; корпорация; организация; корпоративная система; организационная структура; планирование; проект; управление проектами; корпоративная система управления проектами.

Abstract

The article focuses on the research of corporate project management systems. The subject is the introduction of corporate project management systems. The aim of the study is to determine the characteristics of the implementation of corporate project management systems. The methodology includes the system analysis of the theoretical aspects of the implementation of corporate project management systems. The work is to identify the importance of the implementation of enterprise systems to improve the efficiency of project management. The scope of application of the results comprises objects of the economic process aimed at improving the effectiveness of project management.

Keywords: management; corporation; organization; corporate system; organizational structure; planning; project; project portfolio management; corporate project management system.

В условиях динамичного развития организаций для повышения их конкурентоспособности и эффективности необходимы современные подходы к процессу управления. Более того, управление организацией предопределяет отношение к ней со стороны других организаций и в известной мере влияет на их ответные управленческие решения. Это означает, что с управлением связаны интересы множества людей как в самой организации, так и за ее пределами.

Развитие организации предполагает увеличение числа проектов и повышение их сложности. Проекты могут быть как краткосрочными, так и долгосрочными, инновационными и типовыми. Они могут подразумевать использование внутренних ресурсов и взаимодействие с внешними исполнителями. Картину происходящего все труднее понять с ростом объемов деятельности, когда приходится принимать обоснованное решение о необходимости выполнять проект, отслеживать трудозатраты персонала, контролировать выполнение проектов, следить за изменением результатов проектов, вводить в курс дел по проектам новых сотрудников.

© Марков О. А., 2015

Стандартизация процессов управления проектами является решением указанной проблемы. Инструментом такой стандартизации может выступать корпоративная система управления проектами.

Корпоративная система управления проектами – это комплекс административных, методических и информационных средств, которые позволяют организовать, эффективно исполнять и поддерживать процессы управления проектами в организации. Основная цель создания корпоративной системы управления проектами заключается в реализации проектов в соответствии со стратегией организации. Для достижения этой цели создается система, которая позволяет увязывать реализацию проектов со стратегическими целями организации на всех этапах жизненного цикла от замысла до контроля и завершения.

Актуальность темы исследования. Задачи современной организации сегодня гораздо шире, чем просто управление отдельными проектами. Появилась необходимость перейти на принципиально новый уровень корпоративного управления проектами, предполагающий, прежде всего, неразрывную связь, неделимость всех ведущихся в компании проектов по всем направлениям [5. С. 224]. Неразрывность разнородных проектов обусловлена как технологией реализации, так и едиными структурами, едиными ресурсами и работами. Объединение отдельных проектов в корпоративные программы позволяет получить дополнительный эффект от скоординированной, совместной их реализации на общей производственной и технологической базе.

Степень изученности и проработанности проблемы. Различным аспектам управления проектами посвящены многочисленные труды как зарубежных, так и отечественных ученых. Существенное влияние на формирование научной позиции автора оказали исследования таких ученых, как Г. Керцнер, В. П. Баранцев, В. М. Масленникова, М. Мишин, Ч. Барнард, С. А. Беляева, С. Гончаренко, К. Мейер, С. Дэвис, В. Пигалов, М. В. Романова, В. В. Щербина, Е. П. Попова.

Функции управления проектами занимают одно из ведущих мест в управленческой деятельности. На протяжении истории управление бизнес-процессами развивалось от управления по наитию, интуиции к рациональному, логическому, научно обоснованному подходу.

Термин «проект» в нормативных документах принято рассматривать в двух смыслах:

- в качестве комплекта документов, которые содержат формулирование цели предстоящей деятельности и определение комплекса направленных на ее достижение действий;
- в качестве самого этого комплекса действий (услуг, работ, приобретений, управленческих решений и операций), которые направлены на достижение сформулированных целей [1. С. 45].

В специальной экономической литературе понятие «проект» трактуется по-разному:

- как деятельность, дело, мероприятие, которое предполагает осуществление каких-либо действий, способных обеспечить достижение определенных целей (получение конкретных результатов). Близким по смыслу в этом случае являются термины «хозяйственное мероприятие», «научно-техническое мероприятие», «комплекс работ», «проект»;
- как совокупность, представляющая собой финансовое, технико-экономическое и правовое обоснование осуществления деятельности;
- как обоснование объема, экономической целесообразности и сроков вложения инвестиций, описание практических действий по их осуществлению;
- как обоснование объема, экономической целесообразности и сроков осуществления капитальных вложений, включая необходимую проектно-сметную до-

кументацию, которая разработана в соответствии с утвержденными в установленном порядке стандартами (правилами и нормами) и законодательством РФ, а также описание практических действий по осуществлению инвестиций (бизнес-план);

- как система организационно-правовых и расчетно-финансовых документов, необходимых для осуществления каких-либо действий или описывающих такие действия.

Отводя процессу разработки и реализации проектов организации результирующую роль, авторы зачастую сводят исследование составляющих проекта к сопоставлению с объемами инвестиций в основной капитал. Большинство же экономистов, применяя этот термин, не дают ему никакого определения и подразумевают под ним инвестиционную деятельность [4. С. 245].

Однако проект является ключевым в системе управления организацией. С одной стороны, проект отражает деятельность организации, с другой – является количественным показателем качества ее деятельности.

Большинство авторов рассматривает проекты как однофакторный показатель, отражающий объемы инвестиций в основной капитал или в нефинансовые активы компании. Однако проект имеет многофакторную природу. Проектное управление подразумевает планирование, организацию и контроль трудовых, финансовых и материально-технических ресурсов проекта, направленных на эффективное достижение целей проекта.

Успех системы управления проектами решающим образом зависит от организации управления. Команда проекта – организационная структура, которую возглавляет и координирует руководитель проекта, – создается на период реализации проекта. Команда проекта в процессе выполнения своих функциональных обязанностей может привлекать специалистов в предметной области в соответствии со спецификой реализуемого проекта или специализированные организации. Команда управления проектом – члены команды проекта, непосредственно участвующие в процессах управления проектом.

Эффективность управления проектами компании определяется эффективностью их планирования. Планирование предполагает определение политики; обоснованный выбор целей; разработку мероприятий и мер; обеспечение основы для принятия долгосрочных последующих решений; методы достижения целей.

Заканчивается планирование перед началом действий, направленных на реализацию плана. Планирование является начальным этапом управления, однако оно представляет собой процесс, а не единственный акт, который продолжается до завершения планируемого комплекса операций (рис. 1) [2. С. 294].

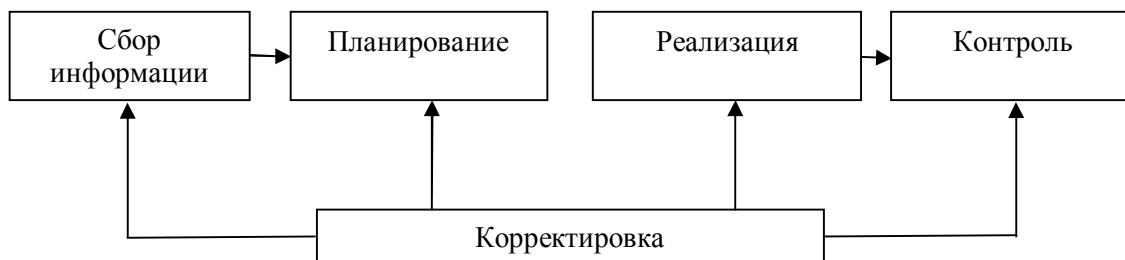

Рис. 1. Схема процесса управления компанией

Планирование направлено на оптимальное использование возможностей организации, в том числе предотвращение ошибочных действий и наилучшее использование всех видов ресурсов.

В зависимости от характера и направленности решаемых задач различают следующие виды планирования: среднесрочное (бизнес-план), стратегическое (перспективное), текущее (тактическое). Среднесрочными планами охватывается

пятилетний срок, поскольку для обновления ассортимента продукции и производственного аппарата он наиболее удобный. В них формируются на установленный период основные задачи, например стратегия сбыта, производственная стратегия фирмы, финансовая стратегия и т. д. Среднесрочными планами предусмотрена разработка мероприятий в определенной последовательности, которые направлены на достижение намеченных долгосрочной программой развития целей. Бизнес-план является основным видом среднесрочных планов и имеет ряд особенностей, рассматриваемых нами далее. Обычно среднесрочный план содержит количественные показатели: детальные сведения о капиталовложениях, продуктах, источниках финансирования. Разрабатывается он в производственных отделениях. Текущее планирование, как правило, подразумевает достижение промежуточных целей. При этом детально разрабатываются использование ресурсов, способы и средства решения задач, внедрение новой технологии. Текущее планирование предполагает детальную разработку оперативных планов для отдельных подразделений и организации в целом. В ходе текущего планирования особенно часто разрабатываются планы маркетинга. Стратегическое планирование охватывает период в 10–15 лет и подразумевает определение главных целей деятельности организации, основывается на глобальных ресурсах. Целью стратегического планирования является научное комплексное обоснование проблем, с которыми организация может столкнуться в ближайшем будущем, и разработка, с учетом этого, на плановый период показателей развития фирмы. Стратегический план содержит решения, касающиеся выбора новых направлений и сфер деятельности. В нем могут задаваться приоритеты и перечисляться основные проекты. Он разрабатывается на уровне высшего звена управления. Стратегический план обычно не содержит количественных показателей [6. С. 250].

При разработке основу плана составляют:

- анализ позиций в конкурентной борьбе;
- анализ перспектив развития организации;
- определение приоритетов и выбор стратегии по конкретным видам деятельности;
- анализ направлений диверсификации.

На рисунке 2 представлена схема стратегического планирования, демонстрирующая, что цели и перспективы связаны между собой [3. С. 109].

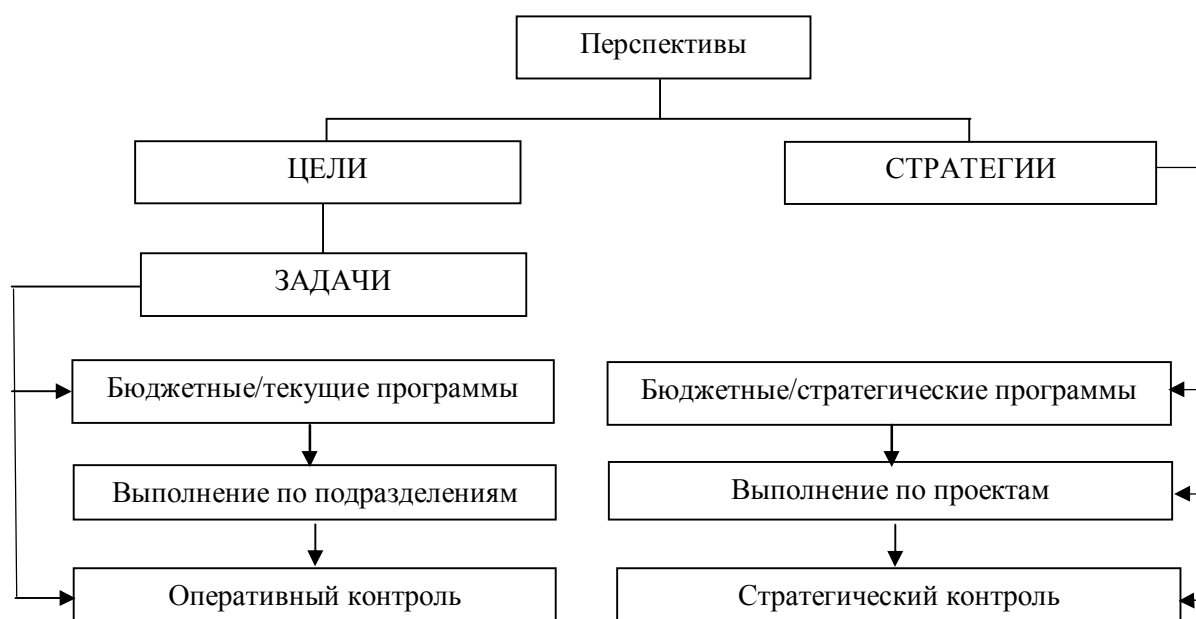

Рис. 2. Схема стратегического планирования

Текущие программы ориентируют оперативные подразделения организации, стратегические бюджеты и программы закладывают основы для будущей рентабельности. Для их реализации необходимо создание специальной системы выполнения, которая будет построена на управлении проектами.

Основные выводы

Внедрение корпоративной системы управления проектами способствует:

- использованию актуальной информации о статусе проектов для принятия решений о существенных изменениях и для контроля над проектной деятельностью на основании оперативных данных по всем проектам;
- повышению управляемости проектной деятельности компании за счет введения комплекса методических, организационных, информационных средств, поддерживающих и формализующих процессы управления проектами;
- применению эффективного единого подхода к управлению проектами с четким разделением ответственности ролей и полномочий в проектном управлении;
- повышению эффективности использования ресурсов компании, в том числе упрощению процедуры вхождения нового руководителя проекта в работу;
- накоплению исторической информации для будущих проектов – базы знаний по проектам;
- усилению контроля качества, исполнения бюджета и сроков проектов.

Литература

1. Гончаренко С. Управление проектами // Управление качеством. – М., 2011. – С. 44–46.
2. Марков О. А. Понятие инноваций, структура, процесс и сущность инновационных проектов // Прикладные исследования и технологии : сборник трудов Международной конференции. – М., 2015. – С. 291–295.
3. Топузов Н. К., Щелконогов А. Е., Сорокина Е. С. Управление инновационными проектами : учеб. пособие. – Челябинск : ИЦ ЮУрГУ, 2012.
4. De Marco T., Lister T. People ware. Productive Projects and Teams. – Dorset House Publishing Company, Inc., 2010.
5. Parviz R., Levin G. The Advanced Project Management Office: A Comprehensive Look at Function and Implementation. – CRC, 2012.
6. The Standard for Program Management. – Project Management Institute, 2013.

**Правовая и политическая культура
в социальной, государственной,
военной истории России и мира**

УДК 342.4

Либанова Светлана Эдуардовна

д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры конституционного права УрГЮУ (г. Екатеринбург)
E-mail: libany@rambler.ru

Libanova Svetlana Eduardovna

Doctor of Law, Associate Professor, Professor
at the Chair of Constitutional Law,
the Urals State Law University (Ekaterinburg)

**РАЗВИТИЕ И РАСШИРЕНИЕ
ПОЛНОМОЧИЙ
КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ
КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПУТЬ
РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ В ОБЛАСТИ
ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В РОССИИ**

**THE DEVELOPMENT
AND EMPOWERMENT
OF THE CONSTITUTIONAL
JUSTICE AS AN EFFECTIVE WAY
OF SOLVING PROBLEMS
IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS
PROTECTION IN RUSSIA**

Аннотация

Необходимо расширить полномочия Конституционного Суда РФ, создав коллегия по проверке конституционности правоприменения судебной системой. В новом гражданско-процессуальном кодексе требуется отразить положение об обязательности указаний вышестоящих судов, основанных на конституционных принципах и нормах, соответствующих актам Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: обеспечение; гарантирование; интегрирование; конституционные права и свободы человека; гражданское общество; базовые принципы-гарантии Конституции РФ.

Abstract

It is necessary to expand powers of the constitutional Court of the Russian Federation creating a Board to review the constitutionality of the judicial enforcement system. The new Civil Procedure Code is required to reflect the position that instructions of higher courts based on constitutional principles and norms, relevant acts of the constitutional Court of the Russian Federation are mandatory.

Keywords: legal ensuring; guaranteeing; integration; constitutional rights and freedoms; civil society; the basic principles-security of the Russian Constitution.

Правосудие не является универсальной гарантией обеспечения прав человека, если оно не ориентируется на ценности права и конституционные принципы. Сворачиваемость демократических институтов, неэффективность государственной власти, коллизии между федеральным законодательством и законодательством субъектов, формализм конституционных предписаний как выражение кризиса конституционного строя способны оказать деструктивное влияние на функционирование всех отношений в стране.

Выявление конституционных возможностей неизбежности обеспечения реальной защиты, восстановления, а главное, исключения нарушения органами системы публичной власти конституционных прав и свобод человека является одной из важнейших задач юридической науки, ее вкладом в изыскание путей становления государства как правового.

Развитие и расширение полномочий конституционной юстиции в свете конституционализации (соответствие деятельности судебной системы конституционным ценностям) общества позволит реально контролировать конституционность деятельности судов и презюмирование ими именно защиты права человека как высшей ценности во всех судебных спорах с органами публичной власти.

Государство станет правовым, когда каждый судья, начиная с мирового, при вынесении решений будет руководствоваться конституционными презумпциями, гарантированными Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, а ре-

шения Конституционного Суда РФ приобретут большую юридическую силу, чем Верховного Суда РФ, и их исполнение будет реально обеспечено.

Полагаем, что для этого необходимо расширить полномочия Конституционного Суда РФ, создав коллегия по проверке конституционности правоприменения нормативных актов судебной системой.

5 февраля 2013 года Президент РФ Владимир Путин подписал Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», а также ряд сопутствующих федеральных законов. С 26 июля 2014 года, после окончания переходного периода для реализации этих законов, в нашей стране начал функционировать единый Верховный Суд Российской Федерации, которому подведомственны, в том числе, и дела по экономическим спорам. Объединенный Верховный Суд РФ, к сожалению, не повысил эффективности судопроизводства в целом, не обеспечил единства правоприменительной практики. Реально решить проблему единообразия правоприменительной практики на всей территории России поможет конституционное правоприменение.

В настоящее время в связи с объединением Высшего Арбитражного Суда и Верховного Суда РФ активно ведется разработка нового гражданско-процессуального кодекса. В нем целесообразно в порядке исполнения требований Указа Президента РФ от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [15] и Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (в ред. от 06.02.2007 № 5, от 16 апреля 2013 № 9) «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» [17], закрепить положение об обязательности указаний вышестоящих судов, основанных на конституционных принципах и нормах, соответствующих актам Конституционного Суда РФ.

Абсолютно совершенного, идеального законодательства нет нигде в мире. Коллизии законов и пробелы в регламентации судопроизводства создают предпосылки для произвола и коррупции, позволяя судьям действовать по собственному усмотрению, выбирать в аналогичных случаях разные правовые позиции, что приводит к отсутствию единообразия судебной практики.

Предупреждение, выявление и устранение юридических коллизий в законодательстве является важнейшей задачей юридической науки. Обеспечение единообразия правоприменения возможно при наличии максимальной четкости изложения нормы права и неукоснительном следовании всеми правоприменителями конституционным принципам. Сутью конституционной юстиции является обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ. В настоящее время Конституционный Суд РФ является судебным органом конституционного контроля, разрешающим дела о соответствии Конституции федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ; конституций республик и других законов, включенных в перечень Полномочий Конституционного Суда РФ (ст. 3), наделенным полномочием по толкованию Конституции РФ.

К числу процессуальных принципов деятельности Конституционного Суда РФ, отраженных в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», относятся общепроцессуальные принципы: законность, независимость, коллегиальность, гласность, полнота, объективность и всесторонность исследования обстоятельств дела, непрерывность судебного разбирательства, состязательность и равноправие сторон (ст. 29–35).

Согласно п. 3, «в случае неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ примененный или подлежащий применению по конкретному делу закон, суд, исходя из положений ч. 4 ст. 125 Конституции, обращается в

Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности этого закона. Такой запрос в соответствии со ст. 101 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» может быть сделан судом первой, кассационной или надзорной инстанции в любой стадии рассмотрения дела».

К компетенции Конституционного Суда РФ (ст. 125) отнесено разрешение дел о соответствии Конституции РФ законов и нормативных актов. В силу п. 6 ст. 125 акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу. Налицо коллизия между положениями высшего закона, презюмирующего изначально ничтожность актов и законов (ст. 15), и их недействительностью лишь с момента признания таковыми Конституционным Судом РФ. С одной стороны, реализация конституционных прав человека в публичных отношениях с государством в лице органов системы публичной власти обеспечивается правоприменительной деятельностью правосоставительного органа – Конституционного Суда РФ, с другой – до рассмотрения им неконституционного закона на соответствие Конституции он применяется судами, что не соответствует требованиям ст. 15 Конституции. Обязанность суда общей юрисдикции обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о несоответствии Конституции федерального закона или закона субъекта РФ существует независимо от неприменения им неконституционного, по его мнению, закона. Это отражено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126, 127 Конституции РФ; п. 1, 2 резолютивной части [9. С. 109].

Нередко конституционные права человека ущемлены такой ситуацией, когда закон соответствует Конституции РФ, но применен судом с нарушением конституционных принципов. Этим основные конституционные права человека, прямо записанные в Конституции РФ, грубо нарушаются и не восстанавливаются фактически, порождая недоверие к деятельности всей судебной системы. Констатация наличия данного факта должна явиться не только правовым процессуальным основанием для направления дела на новое рассмотрение в рамках системы судов общей юрисдикции, но и основанием для проверки Конституционным Судом РФ данного дела в связи с неустранением возникшей в деятельности судебной системы неконституционности правоприменения Верховным Судом РФ или по делам, рассмотренным по первой инстанции, мировым судом кассационной инстанцией суда субъекта РФ.

Расширение полномочий Конституционного Суда в сфере проверки неконституционного правоприменения имеет место в деятельности Конституционного Суда Азербайджанской Республики. В ч. 5 ст. 130 Конституции Азербайджанской Республики закреплено право на обращение в Конституционный Суд при неверном толковании нормативно-правовых актов судами (ч. 34.2 ст. 34 Закона «О Конституционном Суде Азербайджанской республики»), в том числе Верховным Судом Азербайджанской республики [8]. В ст. 131 Конституции АР прописана структура Верховного Суда, а в ст. 132 – апелляционного суда АР [Там же].

Юридически значимым признается нарушение права на защиту как права принципа, так и права процедуры, а также причинение вреда заявителю.

Введение в России права на конституционную защиту как права процедуры поможет преодолеть правовой нигилизм и повысить авторитет не только деятельности всей судебной системы, но и государственной власти в целом.

Подтверждением актуальности предлагаемого автором нововведения, призванного не только на законодательном уровне, но и фактически обеспечить неизбежность конституционного правоприменения, в первую очередь судебной системой, является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществ-

лении правосудия» [18], обязывающее суды при разбирательстве конкретных судебных дел руководствоваться Конституцией РФ.

В п. 2 ч. 2 указанного Постановления указано, что суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию, в частности: а) когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения; б) когда суд придет к выводу, что федеральный закон, действовавший на территории РФ до вступления в силу Конституции, противоречит ей; в) когда суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции РФ, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции; г) когда закон либо иной нормативный правовой акт, принятый субъектом РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ, противоречит Конституции, а федеральный закон, который должен регулировать рассматриваемые судом правоотношения, отсутствует.

Указы Президента РФ как главы государства подлежат применению судами при разрешении конкретных судебных дел, если они не противоречат Конституции и федеральным законам (ч. 3 ст. 90).

Эффективное обеспечение прав человека высшим законом возможно при внесении положения в гражданско-процессуальный кодекс РФ об обязательности указаний вышестоящих судов для нижестоящих, основанных на конституционных принципах и нормах, соответствующих актам Конституционного Суда РФ.

Для этого требуется определить критерий конституционности правоприменения, понятный каждому правоприменителю, а главное, каждому правоисполнителю, обеспечивающий гармоничное интегрирование институциональных систем общества (правового государства и гражданского общества) в сфере обеспечения конституционных прав.

Отдельные принципы, закрепленные в Конституции РФ, могут эффективно реализоваться только в единстве с однопорядковыми по сути конституционными гарантиями. Это позволило автору объединить их в единую новую концептуальную категорию, образованную на правовом конституционном уровне группой особых конституционных норм, определив ее как «принцип-гарантия Конституции». В качестве таковых нами предлагается рассматривать: человек – высшая ценность (ст. 2, 17, 18), народовластие (ст. 3, 32), верховенство права (ч. 1. ст. 4, 15).

Полагаем, что именно конституционные принципы, выполняющие одновременно роль конституционных гарантий, прямо закрепленные в ст. 2, 17, 18, 3, 32, 4, 15 Конституции, обладают базальной властью¹, являются базовыми, призваны обеспечить действие предлагаемого конституционного механизма обеспечения защиты и восстановления конституционных прав человека, соответствуют механизмам международно-правовой защиты прав человека.

Три, выделенные нами, институционально-регулятивные базовые принципы-гарантии Конституции РФ представляют нравственный категорический императив всего общества и предлагаются в качестве специфического универсального методологического ключа модернизации действующего законодательства, позволяющего конституционализировать деятельность государства. Требуется признание их Президентом РФ как гарантом Конституции (ст. 80) или Конституционным Судом РФ в качестве основополагающего критерия конституционности законодательства и правоприменения.

¹ См.: базальная власть от греч. Basis – основа [3. С. 91].

Полагаем, что сам процесс доказывания может быть существенно упрощен введением обязательности применения базовых принципов-гарантий Конституции РФ в процесс судопроизводства в судах общей юрисдикции, определив их в качестве критерия конституционности, который можно будет проверить именно в Конституционном Суде РФ.

Легитимность трех предлагаемых базовых принципов-гарантий Конституции может быть признана Конституционным Судом РФ в порядке реализации п. 5 ст. 125 Конституции. Введение предлагаемого универсального методологического ключа в правоприменительную практику значительно снизит загруженность Конституционного Суда РФ, исключив обязательность проверки всех законов и актов на соответствие Конституции. Это позволит ему сконцентрироваться на рассмотрении дел, предусмотренных пп. «в», «г» п. 2, 3, 5, 7 ст. 125 Конституции РФ, обеспечит гармоничное интегрирование деятельности институциональных систем государства и общества, приведет к позитивному развитию гражданского общества и его институтов.

К принципам конституционного права Конституционный Суд РФ относит основы правового статуса индивида – человека, гражданина, личности (ст. 2, 6, 17, 18, 19), определяя «главные принципы, как характеризующие положение человека в обществе и государстве, а также основные неотъемлемые права, свободы и обязанности человека и гражданина», конституционные принципы построения и деятельности органов государственной власти в РФ – как закрепленные в российской Конституции исходные начала, лежащие в основе функционирования этих органов. К ним относятся: приоритет прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 7 Конституции РФ); народовластие (ст. 3); федерализм (ст. 5); разделение властей (ст. 10, 11); законность (ст. 15); деидеологизация (ст. 13); светскость (ст. 14).

Именно принципы конституционного права лежат в основе обеспечения конституционных гарантий. «Эти принципы, – указано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 г., – обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права» [4].

Произошедшие коренные преобразования в политической и экономической системе страны повлекли за собой глобальные изменения всех сфер жизни, создав принципиально новую правовую ситуацию, требующую пересмотра и систематизации не только принципов конституционного права, но и конституционных принципов, справедливо разделяемых Г. Н. Комковой [7. С. 375].

Принцип гарантированного осуществления прав и исполнения обязанностей, имеющий генетическую связь с международно-правовым принципом уважения прав человека и его основных свобод, закрепленным во Всеобщей декларации прав человека, отражает тесную взаимосвязь принципов и гарантий Конституции РФ (ст. 18), подтверждая концептуальные выводы автора. Этот принцип является одновременно системой условий, средств и способов, обеспечивающей их реализацию. Его уязвимость, на наш взгляд, заключается в том, что он предполагает наличие системы разнородных гарантий, осложняющих контроль и надзор за их реализацией, в отличие от предлагаемой нами концепции принципа-гарантии Конституции РФ, обеспечивающей единство.

Для эффективного конституционного правоприменения особое значение имеют именно принципы обеспечения, или принципы-гарантии, так как «гарантия – это обеспечение, обеспечивать – гарантировать» [16].

Времена меняются, меняются условия, отношения, институты, сознание людей. Возникают новые реалии, обусловленные процессами глобализации.

Вопрос о гарантиях в праве давний и небесспорный. Ряд исследователей предлагает воспринимать гарантии в качестве разновидности правовых средств, обеспечивающих реализацию прав и исполнение обязанностей. В этом случае гарантии трактуются либо как предоставление судебной защиты прав [22. С. 205], либо как эффективная правоприменительная деятельность компетентных органов, а также как совершенное законодательство. Некоторые ученые связывают правовые гарантии с обеспечением законности или гарантиями реализации норм [5; 20; 19]. Так, создание конституционных (уставных) судов во всех субъектах РФ рассматривается в качестве гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина [1. С. 13]. Часть авторов утверждает, что законность – только часть правовых гарантий реализации прав и исполнения обязанностей [11. С. 133]. В их числе Н. И. Матузов [12. С. 130], А. В. Мицкевич [14. С. 86], полагающие, что юридической гарантией является деятельность государственных органов и организаций, связанная с охраной прав от незаконных посягательств. Другие авторы связывают гарантированность с закономерностями политического строя, состоянием экономической и правовой систем [11. С. 133; 13. С. 25]. Полагаем возможным согласиться с мнением Б. С. Эбзеева, утверждающего, что гарантии суть выражение социальной ответственности государства, обязанности его органов и должностных лиц создавать все необходимые условия для реализации гражданами принадлежащих им прав и свобод и предоставлять личности надежный инструмент их охраны и защиты [21. С. 123].

В качестве общих признаков всех правовых гарантий, в том числе гарантий обеспечения конституционных прав, можно выделить: а) закрепление в правовых актах; б) обеспечение нормотворческой и правоприменительной деятельностью субъектов; в) наличие регламентированного способа применения. Этим гарантии отличаются от принципов деятельности различных органов, которые могут быть не закреплены законодательно, но обязательно должны соответствовать конституционным принципам.

Соблюдение всех конституционных принципов является обязательным для всех субъектов правоприменительной деятельности, призванных конституционно гарантировать реализацию прав и свобод человека. В обязанности государства вменено признание, соблюдение и защита конституционных прав. Правоприменительная деятельность, по мнению С. С. Алексеева, представляет собой систему разнородных действий основного и вспомогательного характера, обеспечивающих претворение предписанных правовых норм в жизнь [2. С. 525].

Полагаем возможным дать авторское комплексное определение гарантий. Это правовые средства и способы обеспечения реализации прав и исполнения обязанностей, обусловленные закономерностями политического строя, состоянием экономической и правовой систем, используемые в деятельности институциональных систем общества, призванные обеспечить реализацию конституционных принципов.

Практическим осуществлением идеи правового государства Ф. Ф. Кокошкин считал конституционное государство. Он обоснованно полагал, что «везде существуют нормы, ограничивающие государственную власть, и за подданными признаются в принципе известные права по отношению к государству (например, право гражданского иска, т. е. право на защиту со стороны суда). Большая часть норм публичного права создается путем косвенного признания, посредством государства, в форме закона. Государство является одновременно и субъектом права, и фактором правообразования. Для обеспечения подчинения государства праву должны быть обеспечены гарантии этого. Совокупность таких гарантий и образует то, что называется Конституцией. Государство, подчинение которого праву

гарантировано, есть конституционное государство» [6. С. 261–265]. Данное высказывание подтверждает вывод автора о возможности рассматривать заявленные тезисы о расширении компетенции Конституционного Суда РФ как особый механизм обеспечения конституционных прав [10], способствующий созданию конституционного государства, т. е. концепцию конституционализации России. Из данного высказывания можно сделать вывод, что все конституционные принципы (непосредственно закрепленные в Конституции) должны одновременно быть конституционными гарантиями обеспечения их реализации. Выдержавшее испытание временем утверждение председателя Особого совещания по подготовке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание в мае 1917 года, членами которого были специалисты по государственному праву В. М. Гессен, С. А. Котляревский и др., позволяет ввести новую правовую категорию, отражающую действительность, обозначив ее собирательным термином «принципы-гарантии», соответствующим сути и цели их конституционного закрепления.

Под базовыми принципами-гарантиями Конституции РФ, закрепленными в ст. 2, ч. 2 ст. 3, ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 15, 17, 18, 32, следует понимать гарантированные конституционные принципы, закрепленные в самой Конституции РФ одновременно в качестве принципов и гарантий.

Полагаем, что именно эти принципы, одновременно выполняющие конституционные обеспечительные функции гарантий невозможности нарушения конституционных прав, призваны обеспечить эффективную реализацию их защиты и восстановления, обладают базальной властью, являются базовыми, соответствующими механизмам международно-правовой защиты прав человека. Неэффективность применения конституционных принципов и гарантий, принципов и гарантий самой Конституции РФ² диктует необходимость введения принципиально новой понятийной категории. Полагаем возможным расширить их перечень, но, исходя из целей проводимого исследования, остановимся на избранных, позволяющих обосновать тезис о необходимости развития и расширения полномочий Конституционной юстиции.

Статья 2 Конституции закрепляет в качестве принципа признание высшей ценностью человека, его прав и свобод как основу конституционного регулирования и одновременно предусматривает способ его обеспечения в виде государственного признания и соблюдения. Дополнительным аргументом для объединения основы (принципа) со способом (гарантией) служит ст. 17, содержащая не только утверждение о признании прав и свобод человека как общепризнанного принципа международного права, но и признание его гарантированности. Гарантия отражена в ст. 18, признающей права человека непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной исполнительной власти, местного самоуправления, подлежащими обеспечению правосудием.

Принципом, отраженным в ст. 3, является признание носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации – многонационального народа. Способ гарантированного осуществления этой власти отражен в ч. 2 ст. 3, корреспондирующей со ст. 32 Конституции.

Основополагающим принципом Конституции, закрепленным в ст. 4, является ее верховенство на всей территории РФ. Этот же принцип отражен в ч. 1 ст. 15. Кроме того, ст. 15 содержит и гарантии обеспечения этого принципа, указывая в качестве способов обеспечения прямое действие, применение на всей территории, обязанность органов государственной власти, местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений, рассматриваемых нами как субъектов про-

² Нами различаются принципы и гарантии, непосредственно закрепленные в Конституции РФ, от иных. – Прим. автора.

цесса взаимодействия механизма обеспечения, соблюдать Конституцию. Субъектами конституционного гарантирования обеспечения прав, прямо закрепленными в Конституции РФ, являются органы местного самоуправления (ст. 12)³; человек (ст. 17, 28, 29, 44, 46, 48); гражданин (особые гарантии от связи с государством ст. 19, 35, 37, 61 и все гарантии для человека – ст. 17, 28, 29, 44, 46, 48).

Принятие и внедрение в правоприменительную практику новой концептуальной категории, признание ее универсальным методологическим ключом конституционного законотворчества и правоприменения позволит в значительной мере пересмотреть как процессы законотворчества, так и процессы правоприменения без сложной и длительной ревизии всего действующего законодательства на соответствие его Конституции РФ, избежать затрат на формирование дополнительной структуры для выполнения этой задачи и расходов государственных средств на ее содержание. А главное, это реально позволит расширить полномочия конституционной юстиции и эффективно решить проблемы в области защиты прав человека в России

Литература

1. Авдеев Д. А. Правовой механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Тюмень, 2004.
2. Алексеев С. С. Общая теория права : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби : Проспект, 2008.
3. Большой энциклопедический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
4. Вестник Конституционного Суда РФ. – 1993. – № 2–3.
5. Керимов Л. А. Обеспечение законности в СССР. – М., 1956.
6. Кокошкин Ф. Лекции по общему государственному праву. – 2-е изд. – М., 1912.
7. Комкова Г. Н. Принципы Конституционного права России. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010.
8. Конституция Республики Азербайджан : на рус. яз. – Баку : QANUN, 2014.
9. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. – М. : Формула права, 2006.
10. Либанова С. Э. Демокруция : монография. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014.
11. Максименко С. Т. Осуществление гражданских прав и обязанностей : дис. ... канд. юр. наук. – Саратов, 1970.
12. Матузов Н. И. Субъективные права граждан в СССР. – Саратов, 1966.
13. Мицкевич А. В. О гарантиях прав и свобод советских граждан // Советское государство и право. – 1963. – № 8.
14. Мицкевич А. В. Субъекты советского права. – М., 1962.
15. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации : Указ Президента РФ № 657 от 20.05.2011 г. // Российская газета. – 2011. – 25 мая.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1981.
17. О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (в ред. от 06.02.2007 № 5) // Справочно-поисковая программа «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/>
18. О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8

³ Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (ст. 12 Конституции), они зависят от государственной власти, но самостоятельны в пределах полномочий, которыми она (власть) их наделила. Далее в исследовании исходим из того, что деятельность служащих муниципальных органов подлежит демокрутии. – Прим. автора.

(в ред. от 16.04.2013 № 9) // Справочно-поисковая программа «КонсультантПлюс».
– URL: <http://www.consultant.ru/>

19. Правовые гарантии законности в СССР / под ред. М. С. Строговича. – М., 1962.
20. Самощенко И. С. Охрана режима законности советским государством. – М., 1960.
21. Эбзеев Б. С. Конституционные основы свободы личности в СССР. – Саратов, 1982.
22. Farran C. O. Atlantic democracy. – Edinburgh, 1957.

УДК 342.4

Семитко Алексей Павлович

д-р юр. наук, профессор, декан юридического
ф-та, завкафедрой публичного права
Гуманитарного университета (г. Екатеринбург);
приглашенный профессор университета Париж-
Запад (Франция)
E-mail: asemitko@mail.ru

Semitko Alexey Pavlovich

Doctor of Law, Professor, Head of Public Law
Chair, Dean of Legal Department, Liberal Arts
University – University for Humanities
(Ekaterinburg), Visiting Professor of Paris-Quest
University (France)

ПРИОРИТЕТ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА КАК ОДНО ИЗ ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЙ ЛИБЕРАЛИЗМА

HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS PRIORITY AS ONE OF LEGAL GROUNDS FOR LIBERALISM

Аннотация

В статье рассматривается концепция приоритета прав и свобод человека как неотъемлемого компонента либерализма, ее истоки и значение, а также соотношение с такими категориями, как личный и общественный интерес, общее благо. Критически анализируется подход, отвергающий наличие данной концепции в рамках либеральной теории. Персоноцентристское и социоцентристское общества и соответствующие им типы государства и права выделяются именно по критерию приоритетного отношения к защите прав и свобод человека.

Ключевые слова: приоритет прав и свобод человека; права человека; общее благо; общественные интересы; личные интересы; либерализм; демократия; анархизм; государство; общество; открытое общество; гражданское общество; идеальные типы; Запад – Восток; персоноцентризм; социоцентризм.

Abstract

The article deals with the human rights and freedoms priority concept as an integral part of liberalism, its origin and importance, as well as its correlation with the categories of private and public interest, the common good. The author criticizes the approach that repudiates this concept within liberal theory. Person- and socio-centered societies and the corresponding types of states are determined using this particular criterion of priority attention to the human rights and freedoms protection.

Keywords: human rights and freedoms priority; human rights; the common good; public interest; private interest; liberalism; democracy; anarchism; the state; society; open society; civil society; ideal types; the West – the East; person-centrism; socio-centrism.

Современные информационные, биологические и прочие технологии не только революционизируют нашу жизнь, но и делают ее более уязвимой с точки зрения новых угроз для прав и свобод человека, для его здоровья, семейной и частной жизни. Новые геополитические реалии взрывают устоявшийся за многие десятилетия мир и бросают серьезные вызовы правам и свободам человека. Не меньшую угрозу последним составляют и некоторые теоретические положения, отрицающие роль и значение указанного института в жизни российского общества.

1. Является ли утверждение приоритета прав и свобод человека ошибочным пониманием либерализма? В последнее время стали появляться высказывания и подходы, отрицающие высшую ценность или приоритетность прав и свобод человека. Такое отрицание исходит как от представителей других цивилизаций (исламской в первую очередь, азиатской и некоторых других), так и, к сожалению, от ряда российских ученых тоже. Так, О. В. Мартышин, ссылаясь на исключительно важное наблюдение К. Леонтьева о свойстве нашего национального сознания «во всем доходить до крайностей», пишет: «Возникают своего рода

эксцессы, абсолютизация какого-то одного принципа. Хронологически первым таким эксцессом было очень популярное до сегодняшнего дня среди теоретизирующих юристов утверждение «приоритета прав человека»¹.

Термин «эксцесс» юристам известен особенно хорошо и означает крайнее проявление чего-либо, обычно нарушающее норму, нормальное развитие. Происходит он от латинского слова со значением «выход, уход; отступление; уходить, уезжать», и в итоге мы получаем «уход» от нормального положения дел. В теории – это означает непростительную ошибку, глубокое заблуждение. И, действительно, в завершение приводимых доказательств своей позиции автор полагает более разумным признать, что «лозунги приоритета прав личности и человекоцентристской системы свидетельствуют об ошибочном и наивном понимании либерализма и мировых стандартов посттоталитарным сознанием»².

О. В. Мартышин пишет: «Приоритет прав человека вовсе не является мировым стандартом демократии или либерализма. Он представляет собой продукт больного политического сознания, воспитанного тоталитаризмом, строящегося на его отрицании и не способного выйти за рамки противоположностей. Если тоталитаризм приносит человека в жертву государству, то посттоталитарный российский либерализм предлагает другую крайность: он готов государство принести в жертву человеку»³.

Нельзя согласиться с автором по многим основаниям. Самое простое и очевидное состоит в том, что «приоритет прав человека» как раз и является той лакмусовой бумажкой (или «мировым стандартом»), той главной отличительной правовой чертой идеологии либерализма (или концентрированным юридическим выражением ряда его важнейших положений – принципа индивидуализма, требования уважения достоинства человека, его прав и свобод, верховенства права, ограниченного правительства и т. д.) и основанной на этой идеологии западной демократии – чертой, которая кардинально отличает эти научные понятия и соответствующие им общественные явления от восточного деспотического авторитаризма, т. е. от политического режима, который основывается на восхвалении и превознесении приоритета государственных интересов, настаивая на том, что они якобы выражают (а не подменяют собой, что имеет место на самом деле) общее благо. Причем в подавляющем большинстве случаев, как показывает история, приоритет государственных интересов, подменяя собой общее благо, наносит ущерб человеческому достоинству и правам человека, ибо выше всего он ценит достоинство и права обожествляемого или восхваляемого правителя и (или) относительно узких слоев правящей олигархии, и порой таких узких, что состоят они лишь из ближайшего окружения правителя.

Уже в 1835 году А. Токвиль, характеризуя особенности демократии в Америке – ее плюсы, минусы, идеалы, проблемы и будущие угрозы, – писал: «После того, как большинство осознало свое существование и свою силу, все власти получают свои полномочия от него. Но и само большинство не всемогуще. Над ним возвышаются моральные принципы, такие как человечность, справедливость, разум, и признанные обществом политические права людей. Большинство признает эти границы, и если ему и случается выходить за них, то это потому, что оно, как вообще люди, склонно поддаваться страстям и творить зло, хорошо понимая, что такое добро» (курсив мой. – А. С.)⁴. Итак, высшая представительная

¹ Мартышин О. В. Конституция и идеология // Государство и право. – 2013. – № 12. – С. 40.

² Там же. – С. 41.

³ Там же. – С. 40.

⁴ Токвиль А. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – С. 285. Во второй книге этого же произведения, опубликованной пятью годами позже, автор предупреждал, что если власть большинства станет абсолютной (можно сказать станет приоритетной, первой, самой главной), т. е. не

власть в государстве, которая сама формирует все иные органы государственной власти, ограничена, ибо над ней *возвышаются* моральные принципы и *права людей* (в то время речь шла о первом поколении прав человека – личных и политических). Разве это не выражение, по самому своему смыслу, идеи приоритета прав человека над государственной властью, которые, по мнению А. Токвиля, должны быть *выше, важнее, т. е. приоритетнее*, какого бы то ни было мнения большинства, формирующего власть в государстве?

Практически в самом начале своих лекций, прочитанных в университете Вирджинии в 30-х гг. прошлого века, Д. Дьюи подчеркивает, что философия раннего либерализма «исходит из *первичности индивида по отношению к государству* – и не только во временном, но и в моральном аспекте... И только во второй половине XIX века возникла мысль о том, что государство может и должно быть *инструментом* сохранения и расширения свобод личности. Намеки на этот позднейший аспект либерализма, пожалуй, содержатся уже в тех статьях нашей Конституции, которые наделяют Конгресс полномочиями по обеспечению “общественного благосостояния”, а также безопасности общества» (курсив мой. – А. С.)⁵.

Критерий приоритетности прав и свобод человека в соотношении с деятельностью госаппарата прежде всего по смыслу, а не по тому или иному буквальному его наименованию является общепризнанным и настолько общим местом в западной гуманитарной науке и социальной практике, что отрицать его – это все равно, что высказывать утверждения типа «на небосклоне нет, не было и никогда не будет больше солнца». Когда это говорит такой серьезный ученый, как О. В. Мартышин, то начинаешь волноваться и с беспокойством поглядывать каждое утро на небосклон, а когда солнце там все-таки каждый новый день появляется снова и снова, то начинаешь понемногу успокаиваться и думать, что, может быть, это была просто опечатка и не стоило так сильно волноваться.

Каковы теоретические способы опровержения указанного заявления автора? Составить еще одну хрестоматию или антологию⁶ из трудов мыслителей либерального направления, где они утверждают идею свободы и достоинства личности, идею естественных прав человека и его – индивида – высшую ценность и непреходящую важность, а также приоритетность (по смыслу и не обязательно буквально употребляя каждый раз слова «приоритетность», «высшая ценность» и т. д.) указанных прав перед государственным аппаратом и заботами чиновничества, которые и существуют прежде всего для того, чтобы защищать права граждан?

В либеральной доктрине общепризнано, что государство создается для того, чтобы защищать права человека, и эта защита – основная его функция и у него не может быть каких-то иных, «своих» и т. п. более важных задач. Так, Д. Боуз пи-

будет подчиняться моральным принципам справедливости и др. и политическим правам граждан, то люди столкнутся с новой логикой рабства, суть которой лишь в том, что вместо единовластного деспота они получат деспота коллективного и «что касается лично меня, – пишет А. Токвиль, – то, ощущая на своей голове тяжелую десницу власти, я мало интересуюсь конкретным источником моего угнетения и отнюдь не более расположен подставлять свою шею под хомут лишь потому, что мне протягивают его миллионы рук» (Там же. С. 324). Другими словами, любая власть, в том числе и демократическая, должна быть ограничена правами человека, которые оказываются в таком случае выше, важнее, приоритетнее ее.

⁵ Дьюи Д. Либерализм и социальное действие // О свободе : Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М. А. Абрамов. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 334. Хотелось бы обратить внимание на то, что здесь речь идет о первичности по отношению именно к государству, а не к обществу, о чем еще будет сказано далее.

⁶ О свободе : Антология западноевропейской классической либеральной мысли / М. А. Абрамов, Р. М. Габитова, М. М. Фёдорова. – М. : Наука, 1995; О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М. А. Абрамов. – М. : Прогресс-Традиция, 2000; Классический французский либерализм : сборник / пер. с фр. М. М. Федоровой. – М. : РОССПЭН, 2000 и др.

шет о «триумфе, одержанном в США (классическим) либерализмом, основанным на правах. Локк, Джефферсон, Мэдисон и аболиционисты заложили в основу права и привили общественному мнению фундаментальное правило: функция правительства – защищать права»⁷. Наконец, выполнение так называемых общих дел государством тоже ведь осуществляется для того, чтобы защитить человека, его права и свободы. Если государство – это средство, а человек и его права – цель⁸, то разве не понятен ответ на вопрос о том, что является приоритетным в этой паре категорий и соответствующих им явлений: государство или права человека?

Либеральная идея зародилась в эпоху Просвещения как противопоставление свободы и естественных прав человека произволу государственной (монархической) власти, как необходимость ограничения последней для защиты отдельного индивида⁹. «Вся история конституционализма, – отмечал Ф. Хайек, – по крайней мере со времен Джона Локка являющаяся, по сути, историей либерализма, была наполнена борьбой против позитивистской концепции суверенитета и родственной концепции всемогущества государства»¹⁰. Либерализм боролся не против

⁷ Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика. – Челябинск : Cato Institute, 2004. – С. 99. Автор многократно повторяет эту мысль на протяжении всей книги (С. 28–29, 71, 136, 142, 159, 211–212, 249, 281, 309 и др.). Классик либерализма Л. Мизес пишет: «Задача государства, как видит ее либерал, заключается единственно и исключительно в гарантировании защиты жизни, здоровья, свободы и частной собственности от насильственных нападений. Все, что идет дальше этого, является злом. Правительство, которое вместо выполнения этой задачи стремится зайти так далеко, что фактически посягает на личную безопасность жизни и здоровья, свободу и собственность, будет, разумеется, отрицательным явлением. В любом случае, как говорит Якоб Буркхардт, власть сама по себе есть зло, неважно, кто ее осуществляет. Она имеет тенденцию развращать тех, кто ею обладает, и ведет к злоупотреблениям. К крайностям склонны не только абсолютные монархи и аристократы, но и широкие народные массы, в руки которых демократия передает высшую государственную власть» (Мизес Л. Либерализм. – Челябинск : Социум, 2007. – С. 77–78; см. также: Дьюи Д. Указ. соч. – С. 333–334). Г. де Руджеро отмечает даже, что «эффективная правовая защита индивидов от властей и капризов органов управления есть свидетельство гражданской зрелости народа» (О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – С. 236). Наконец, современный либерализм обосновывает необходимость «строгого ограничения всякой принуждающей или исключительной власти» очень серьезным методологическим аргументом, вытекающим из факта осознания «ограниченности индивидуального знания и из того факта, что ни один человек или небольшая группа людей не могут знать всего...» (Хайек Ф. Индивидуализм – истинный и ложный // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – С. 397).

⁸ См.: Антисери Д., Мальцева С. А. Принципы либерализма. – СПб. : Пневма, 2006. – С. 4, 6, 85. Здесь классический либерализм и современная его версия – либертарианство – прямо восходят к кантовскому положению о том, что человек есть цель сама по себе (см.: Боуз Дж. Указ. соч. – С. 109).

⁹ Джон Локк писал, что люди для того и создают государство, чтобы оно защищало их права (он говорил о праве собственности, куда включал жизнь, свободу и владение) (см.: Локк Д. Два трактата о правлении. – М. ; Челябинск : Социум, 2014. – С. 347–348). В. Гумбольдт отмечал, что «государство для человека, а не человек для государства; государственное устройство не есть само по себе цель, оно является только средством для развития человека» (Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. – Челябинск : Социум, 2009. – С. 267–268). Государство – это только средство для защиты прав человека, которые, будучи целью, являются главным, ведущим, приоритетным в этой паре, а средство – это нечто вторичное, подчиненное, обладающее, однако, значительной силой, от которой нужно защищать отдельного индивида, что и ставит одной из своих задач либерализм, который, как отмечал Г. Спенсер, «обыкновенно защищал свободу личности против принудительного действия государства» (Спенсер Г. Личность и государство. – Челябинск : Социум, 2007. – С. 6). Кстати, буквальный перевод английского названия этой книги «Man versus the State» как «Человек против государства» лучше отражает ее суть, чем предложенное переводчиками название «Личность и государство».

¹⁰ Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов и политики. – М. : ИРИСЭН, 2006. – С. 230. В другом месте автор пишет: «Эффективное ограничение власти – важнейшая проблема поддержания общественного порядка. Без правительства невозможен порядок, но задача правительства состоит лишь в том, чтобы защитить людей от насилия. Но как только правительство захватывает ради этого монополию на принуждение и насилие, оно само становится главной угрозой индивиду. Ограничение власти было великой целью

общества, но – против всемогущества и абсолютизации государства, что приводит неизбежно к умалению прав и свобод индивидов, которые в данном соотношении и рассматриваются либерализмом как высшая, подлежащая приоритетной защите ценность. Как можно изъять это – одно из центральных – положение данного учения, не уничтожив саму либеральную идеологию как таковую?!

Ведущие постулаты конституционализма не изменились и в XXI веке. Так, авторы фундаментального сравнительно-правового исследования конституций нашей современности в главе под характерным названием «Права человека как высшая конституционная ценность» напоминают, что «сама идея конституции как основного закона (законов), устанавливающего порядок обретения и осуществления публично-властных полномочий, производна от представлений об ограниченности (связанности) государственной власти правом подвластных»¹¹. Последние, исходя из данного постулата, не могут не находиться в приоритете перед публично-властными полномочиями, ограничивая их в определенном отношении.

Либерализм – это совокупность целой группы идейно-политических течений¹², прошедших с XVII–XVIII веков серьезную эволюцию¹³. И ставить в упрек современному либерализму его недоверие или враждебность к государству, характерные для эпохи зарождения и самых ранних этапов этой идеологии, вряд ли уместно¹⁴. Но в любом случае, независимо от самых различных философских оснований, главной осью как прошлых, так и, в особенности, современных дискуссий внутри «либерального семейства» многочисленных разновидностей этой идеологии является вопрос о том, «должен ли либерализм в качестве своей главной цели стремиться к “ограничению принуждающей власти любого правительства” (Ф. Хайек) или это вопрос второстепенный, решаемый в зависимости от того, как либерализм справляется со своей важнейшей задачей – “поддержанием условий, без которых невозможна свободная практическая реализация человеком своих способностей”» (Т. Грин). Суть этих дискуссий – отношения государства и общества, роль, функции и допустимые масштабы деятельности первого ради

основателей конституционных правительств в XVII и XVIII вв. Но эти усилия были по существу оставлены, поскольку сложилось ошибочное убеждение, что демократический контроль над властью достаточен для ее ограничения» (С. 449).

¹¹ Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В. Е. Чиркин. – М., 2011. – С. 116–117. Авторы монографии «Институты конституционного права» отмечают, что «основным и важнейшим институтом конституционного права Российской Федерации, без сомнения, является институт прав и свобод человека и гражданина. Таковым он является в большинстве современных обществ. По его содержанию, значению и месту в правовой системе государства можно судить о степени зрелости права, гражданского общества, законодательства в целом... Этот институт в разных правовых системах может иметь разное наполнение. Но ценность его для государства и каждого члена общества всегда находится на *приоритетном* месте» (курсив наш. – А. С.). (Институты конституционного права / отв. ред. Л. В. Андриченко, А. Е. Постников. – М., 2011. – С. 64–65). Подобного рода оценок в нашей литературе – бесконечное множество.

¹² См.: Новая философская энциклопедия : в 4 т. – Т. 2. – М., 2010. – С. 393–395 (автор статьи – Б. Г. Капустин); Dictionnaire des idées. – Paris : Encyclopédia Universalis, 2005. – P. 462.

¹³ См.: Категории политической науки. – М., 2002. – С. 538–539.

¹⁴ Теоретическая враждебность раннего либерализма по отношению к государству давно уже преодолена современным либерализмом (см.: Валлерстайн И. После либерализма. – М., 2003. – С. 99–100). Хотя не все теоретики либерализма соглашались с тем, что это отношение было враждебным. Так, Л. Мизес пишет, что «объяснить, как люди могли зайти так далеко, чтобы упрекать либерализм во “враждебности и неприязни к государству”, можно, только если находиться под сильным влиянием философии Гегеля, возводившей государство в ранг божественной сущности» (см.: Мизес Л. Указ. соч. – С. 56). П. И. Новгородцев в речи по поводу кончины Б. Н. Чичерина обращает внимание на его мысль о том, что «истинный либерализм состоит не в отрицании государственных начал», а в правильном сочетании свободы с законным порядком (см.: *Новгородцев П. И. Б. Н. Чичерин // О свободе : Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века).* – С. 576).

обеспечения свободы развития индивида и свободного общежития людей»¹⁵. Ответ юриста в обоих случаях одинаков: утверждение непреходящей ценности, важности и приоритета прав и свобод человека в отношениях с государственной властью, т. е. «требование уважения со стороны государства и его равного отношения к любому индивиду» (Р. Дворкин)¹⁶. Отказ от такого ответа и от соответствующего ему требования есть отказ от стремления к построению правового государства и цивилизованной демократии, что означает одновременное утверждение приоритета, т. е. важности, ценности и, наконец, абсолютности (об опасности которой говорил уже А. Токвиль) полицейского, авторитарного государства. Третьего не дано!

2. Отношение Запада к идее прав и свобод человека. Для опровержения утверждения автора о том, что «приоритет прав человека» не является мировым стандартом демократии или либерализма, можно было бы сослаться и на современную зарубежную юридическую литературу, где говорится о важности прав и свобод человека, а также о необходимости их защиты от произвола государственной власти и т. д., т. е. обо всем том, что означает, по сути дела, их первенство перед последней. Можно указать на тексты, где подчеркивается, что права человека стали «моральным горизонтом нашего времени» (Робер Бадентер)¹⁷, или даже на то, что «коронация прав человека является, несомненно, главным идеологическим и политическим фактом последних двадцати лет»¹⁸, но такие тексты встречаются не так уж и часто потому, что в западной литературе данная мысль уже давно стала общераспространенной, общепринятой и практически никем не оспариваемой¹⁹; именно поэтому сегодня ее даже не считают нужным обсуждать или упоминать каким-то иным образом, когда в этом нет особой необходимости. Если 150 или 200 лет назад эта идея была еще весьма актуальна, то сегодня она, став неотъемлемым фундаментом западной правовой и политической культуры, не требует уже ни доказательств, ни каких бы то ни было дополнительных пояснений или подтверждений, хотя, разумеется, она сама по себе и различные ее нюансы (противопоставление свободы и прав индивида как ограничителей произвола государственной власти²⁰, выполнение указанным институтом функции ограничителя государственного могущества и одновременно цели его – государства – существования, а также роль прав человека как фундамента для создания и развития правового государства²¹ и т. д.) отмечаются как в монографиях²² и энциклопедиях²³, так и в рассчитанных на студентов учебных пособиях²⁴.

¹⁵ Новая философская энциклопедия : в 4 т. – Т. 2. – С. 393.

¹⁶ Категории политической науки. – С. 539.

¹⁷ См.: Бенуа А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. – М. : ИОИ, 2015. – С. 9.

¹⁸ Gauchet M. La démocratie par elle-même. – Gallimard-Tel, 2002. – P. 326. Цит. по: Бенуа А. По ту сторону прав человека. – С. 8.

¹⁹ Например, эту концепцию критикует Ален де Бенуа. Надо заметить, что французские интеллектуалы вообще очень любят бросать вызов всему привычному и общепринятому (см.: Бенуа А. Указ. соч.).

²⁰ См.: Davidson S. Human Rights. – Buckingham, Philadelphia : Open University Press, 1993. – P. 24; Baghestani-Perrey L. Fiches de droits constitutionnel. – Paris, 2007. – P. 23; Pontier J-M. Droits fondamentaux et libertés publiques. – Paris, 2007. – P. 5; Dictionnaire des idées. – P. 463.

²¹ См.: Dictionnaire des droits de l'Homme. – Paris : PUF, 2008. – P. 264; Godin C. Dictionnaire de philosophie. – Paris, 2004. – P. 727; Baghestani-Perrey L. Fiches de droits constitutionnel. – P. 23.

²² См.: Droit des libertés fondamentales / Coord. Favoreu L. – 3 édition. – Paris, 2005. – P. 17.

²³ См.: Dictionnaire des droits de l'Homme. – P. 264; Dictionnaire de la culture juridique. – Paris : PUF, 2003. – P. 540–544, 649–651, 652–653; Dictionnaire des idées. – P. 463; Godin C. Dictionnaire de philosophie. – P. 727.

²⁴ См.: Baghestani-Perrey L. Fiches de droits constitutionnel. – P. 23; Pontier J-M. Droits fondamentaux et libertés publiques. – P. 5.

Получается, таким образом, что в силу глубокого укоренения либеральной идеи и, в том числе, идеи прав человека в западном менталитете, в силу имеющейся здесь убежденности в победе этих идей во всемирном масштабе, надо сильно потрудиться, чтобы найти в соответствующих теоретико-правовых исследованиях буквальное утверждение или даже упоминание (в противоположность тому, как это делается в нашей литературе) такого привычного для них положения, как приоритет, высшая ценность или жизненная важность для западного общества прав и свобод человека. Примерно об этом и говорил французский интеллектуал Раймон Арон в своих лекциях для студентов Калифорнийского университета в Беркли (США) более полувека назад (в 1963 году): поскольку данная идея там давно и весьма глубоко освоена, постольку **«на Западе основы формальных свобод и либеральной демократии теперь уже всерьез на обсуждаются...»** (выделено мною. – А. С.)²⁵. Примерно за 30 лет до «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы, как победы либерализма во всемирном масштабе, Р. Арон говорил о “конце идеологий” как полной, окончательной и очевидной победе либерализма в западной политико-правовой культуре, о том, что ни либеральные, ни демократические идеи «не были ослаблены или исчерпаны в результате промышленного процветания, или, по крайней мере, таким не был диагноз, скрывающийся под формулировкой “конец идеологиям”. Напротив, окончание идеологий означало повсеместное принятие этих идей, не вызывавших больше энтузиазма, поскольку они пользовались почти единодушным признанием»²⁶, и поэтому данные идеи и свободы (личные свободы, всеобщее избирательное право, конкуренция партий) «почти никем более не оспариваются»²⁷. Наконец, в конце прошлого века Ф. Фукуяма отметил, что «во всемирной истории происходит нечто фундаментальное» и это «нечто» – крах мировой социалистической (коммунистической) системы – лишь подтверждает, что «у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив», а потому «триумф Запада и западной идеи очевиден» не только для западного сознания, но и для восточного тоже, и мы переживаем по этой причине «конец истории»²⁸.

Итак, с одной стороны, привычность для людей либеральной и демократической идеи, понимание важности и приоритетности прав и свобод человека, отсутствие необходимости их ценностного (нужны они или нет, т. е. являются ценностью или нет) обсуждения, что не означает, конечно, что эти идеи нашли свое полное воплощение в жизни западного общества и поэтому уже не нужны ему вообще, так как у них здесь нет якобы своих проблем, а с другой – понимание того, что их высшая ценность и приоритетность – это не синоним их абсолютизации и гипертрофирования: при необходимости права человека могут и должны быть ограничены, лицо может быть взято под стражу до судебного разбирательства, против него в указанных в законе случаях может быть применено огнестрельное оружие и т. д., и т. п. – это ведь всё азбучные истины, доказывающие, что приоритет прав человека не претендует на отсутствие всех и всяких ограничений данного института.

Идея приоритета прав человека перед волеустановлениями государственной власти (ее представителей) имеет, на самом деле, гораздо более древние корни, чем думает об этом уважаемый О. В. Мартышин, приписывая ее рождение лишь

²⁵ Арон Р. Эссе о свободах. – М. : Праксис, 2005. – С. 45.

²⁶ Там же. – С. 55.

²⁷ Арон Р. Указ. соч. – С. 119. Автор пишет, что «либерализм – это концепция, относящаяся к ограничению власти и к ее целям...» (С. 101), а также, что государство не должно посягать на основные права и основные свободы и тогда общество, соблюдающее эти права, считается свободным. В этом отношении права человека и являются приоритетными, потому что они, как писал еще А. Токвиль, стоят *выше* власти.

²⁸ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.

периоду посттоталитаризма в России. Эта идея вырастает закономерно в рамках западной правовой традиции, самые ранние истоки которой, в свою очередь, можно найти уже две с половиной тысячи лет назад, начиная от формулы софистов о том, что «человек – мера всех вещей», и которые оформились позже в доктрину естественного права. Если в философии, по мнению некоторых авторов, в тех же временных рамках идет борьба между философией идеализма и философией материализма, то в юридической мысли – борьба позитивизма и юснатурализма (названия этих линий и сама по себе констатация указанных феноменов, разумеется, возникли позже). Один из ведущих российских теоретиков и методологов права, В. М. Сырых, рассматривая узловые вехи истории западноевропейской юридической науки, пишет: «*Основополагающий тезис теории естественного права о наличии **естественных прав человека, имеющих приоритет перед волеустановленным правом государства, и об обязанности государства следовать нормам естественного права*** послужил теоретической основой дальнейших революционных преобразований правовой науки, государственной власти и юридической практики» (курсив мой. – А. С.)²⁹.

Идея приоритета прав и свобод человека, закрепленная в тексте российской Конституции, продолжает развиваться и уточняться в имеющих юридическую силу Конституции РФ решениях Конституционного Суда РФ³⁰, достаточно активно ссылаются на нее и федеральный законодатель (можно указать как минимум около десяти федеральных законов – начиная от одного из самых ранних, от 31.07.1995 № 119-ФЗ, утратившего силу в связи с принятием Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ, в котором, однако, указанный приоритет «сохранил свою силу» (пп. 1 ст. 4), и кончая более поздними актами и актуальными редакциями ранее принятых актов, например Основ законодательства Российской Федерации о культуре (эта идея закреплена и в первой, и в ныне действующей редакции от 21.07.2014: ст. 9 «Приоритетность прав человека по отношению к правам государства, организаций и групп» и т. д., и т. п.). Можно указать на целый ряд актов Президента РФ³¹ и федеральных органов исполнительной власти, актов регионального и муниципального уровня, а также решений Верховного Суда РФ, в которых ссылаются на указанный принцип и идею (не вижу смысла «утяжелять» сноски, ибо все это можно легко найти в соответствующих справочных правовых системах, набрав в поисковой строке словосочетание «приоритет прав человека»).

Депутаты, судьи, Президент РФ, иные представители государственной и муниципальной власти, одним словом, вся политико-правовая элита России – тоже

²⁹ Сырых В. М. История и методология юридической науки. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2012. – С. 156. Специальная и фундаментальная проработка теории и истории естественного права в работах: Гаврилюк Р. А. Методологическая традиция доктрины естественного права. – Черновцы, 2012; Михайлов А. М. Идея естественного права: история и теория. – М. : Юрлитинформ, 2010. О приоритете права вообще и его превосходстве над политическими властями см.: Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1994. – С. 26–27 и др.

³⁰ Можно указать примерно три десятка таких решений – постановлений и определений Конституционного Суда РФ, в частности его Постановления от 14.05.2015 № 9-П; от 22.04.2013 № 8-П; от 30.11.2012 № 29-П; от 09.07.2012 № 17-П; от 07.06.2012 № 14-П; от 19.07.2011 № 17-П; от 16.06.2009 № 9-П; от 03.02.2009 № 2; от 28.02.2008 № 3; от 23.12.97 № 21-П; от 13.06.1996 № 14-П; от 02.02.1996 № 4-П; от 31.07.1995 № 10; от 17.09.1993 № 17 и т. д. (еще примерно полтора десятка определений).

³¹ См., например: Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. – 2011. – 14 июля. – № 151. П. 1: «1. Развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надежной защищенности публичных интересов».

«продукт больного политического сознания, воспитанного тоталитаризмом»? Не проявляется ли в таких оценках О. В. Мартышиным идеи приоритета прав человека одно из свойств нашего национального сознания «во всем доходить до крайностей»?

А как быть с судьями Европейского суда Справедливости, которые тоже ссылаются на такой принцип (и идею), как приоритет прав и свобод человека перед государством (точнее, государствами) и иными структурами в своих решениях? У них-то откуда взялось «больное политическое сознание, воспитанное тоталитаризмом»? Возьмем для иллюстрации судебные решения по делу включенного в санкционные списки соответствующими структурами Совета Безопасности ООН Яссина Кади. Проанализировавший указанные решения А. С. Исполинов пишет: «Итак, решения Суда ЕС весьма серьезно поколебали представление об аксиоматичности и даже о некоем сакральном характере ст. 103 Устава ООН, которая говорит о приоритете для государств обязательств по Уставу ООН перед обязательствами по любым другим международным договорам. Суд ЕС продемонстрировал Совету Безопасности ООН, его постоянным членам, другим государствам, международным и национальным судам, а также общественным организациям и частным лицам, что *соблюдение международных норм о защите прав человека выше обязательств*, вытекающих из Устава ООН» (курсив мой. – А. С.)³².

3. Приоритет не означает абсолютизации прав и свобод человека. Необходимо также уточнить, что «приоритет прав человека», который критикует В. О. Мартышин, и «готовность принесения государства в жертву человеку», на что затем ссылается указанный автор в своей критике первого концепта, – это принципиально разные «вещи» с кардинально различающимися основаниями и последствиями, а именно: «принесение в жертву» (человека государству или государства человеку) означает **уничтожение** или, как минимум, явное **унижение**, **ограничение** свободы в смысле, близком к порабощению одной из конфликтующих, противоборствующих сторон другой стороной, а приоритет одного перед другим означает **сосуществование** и **сотрудничество** их друг с другом, но в определенном порядке: кто-то «проходит» первым, а кто-то – вторым и, вполне понятно, что только в тех противоречивых случаях и «местах», где «проход» для «двоих» ограничен, что, на самом деле, бывает не так уж и часто. Но, повторяю, оба субъекта – и человек, и государство – в последнем случае остаются целыми и невредимыми, не страдает также ни их честь, ни достоинство, ни возможности нормального существования и эффективной деятельности каждого на своем участке или совместно там, где это требуется по ситуации и по строго определенным, закрепленным в правовом законе правилам.

История показала нам, что когда «тоталитаризм приносит человека в жертву государству» (часть цитируемой выше фразы упомянутого автора), то это приводит к незаконным репрессиям и массовым жертвам, к уничтожению десятков миллионов людей по социальным, национальным, религиозным и, в первую очередь, по идеологическим и политическим соображениям. Когда же российскому либерализму приписывается «впадение» в другую крайность (утверждение «он готов государство принести в жертву человеку» противопоставляется утверждению «тоталитаризм приносит человека в жертву государству»), то это означает плохо замаскированный намек на то, что российский либерализм выступает якобы за разрушение и гибель Российского государства или, как минимум, за потерю им своего суверенитета – одним словом, за уничтожение в конечном счете российской государственности как таковой. Если кто-то и вынашивает подобные планы и уже даже «готов» их осуществить (но поскольку ничего близкого в исто-

³² Исполинов А. С. Суд Европейского союза, Яссин Кади и ст. 103 Устава ООН // Российский юридический журнал. – 2013. – № 6. – С. 35.

рии либерализма не было и трудно себе даже такое помыслить, то автор предсудительно говорит всего лишь о «готовности» либералов принести государство в жертву человеку), то научно понимаемый либерализм как прошлого, так и настоящего не имел и не имеет к этому абсолютно никакого отношения!

Доктрина либерализма, в том числе и идея приоритетности прав и свобод человека, никоим образом не приводит к необходимости уничтожения государства или нарушению его территориальной целостности и суверенитета, т. е. не требуют принесения его в жертву либеральной, космополитической личности, «готовой» при первом же случае «продать» Родину врагу. Приписывать подобные интенции российским либералам даже посредством скрытых намеков и «подведения читателя под соответствующий вывод» – это именно то, о чем и писал К. Леонтьев, указывая на свойство нашего национального сознания «во всем доходить до крайностей». Ссылаясь на тоталитаризм, автор сопоставляет, но в скрытом виде, с одной стороны, известные всем ужасы фашистского и коммунистического его вариантов (которые не просто «приносили человека в жертву государству», а уничтожали людей в невиданных в истории масштабах), а с другой – гипотетическое стремление, точнее, еще хуже – уже даже «готовность» либералов «государство принести в жертву человеку», т. е. получается, как минимум, лишить Российское государство суверенитета, поставить его под власть правительств развитых западных либеральных стран. Думается, что О. В. Мартышин как раз сам и дошел в этом отдельном вопросе (а не во всем, как указано у К. Леонтьева) до крайности, подменив одну категорию – «принесение в жертву», т. е. уничтожение или порабощение жертвы такого публичного диалога, – другой категорией – «приоритетом», который предполагает сотрудничество и очередность в некоторых «узких» вопросах и «узких» социальных и правовых пространствах и практиках.

Необходимо пояснить, что О. В. Мартышин сказал только те слова, которые я процитировал выше. Он нигде и ничего не говорил прямо про желание или готовность либералов уничтожить Российское государство. Но дело в том, что определенная последовательность утверждений, подбор и очередность подачи аргументов, жесткие противопоставления и т. д., и т. п. не оставляют читателю иного выбора, как сделать именно тот вывод, который я и представил выше. Дело в том, что в иных, гораздо менее теоретически тонких и гораздо менее научно фундированных выступлениях критиков либерализма ряд приведенных О. В. Мартышиным аргументов выдвинут прямо (а не косвенно, как у него) и завершается утверждениями о том, что либерализм ведет к уничтожению российской государственности, а его сторонников надо судить как «врагов народа». Если О. В. Мартышин не стремился приписать либерализму такие «безобразия», то ему не стоило бы делать указанные выше противопоставления о перемене местами жертв в условиях тоталитаризма и либерализма и не стоило бы ставить вопрос в плоскость «кто – кого?», иначе сделанного мною вывода не избежать никому, а такой вывод абсолютно не соответствует ни теории либерализма, ни основанной на нем практике. Если же автор имел в виду какие-то иные эксцессы, имеющие место в истории и вытекающие из неудачных попыток кого-то ориентироваться на идеи либерализма, или, еще хуже, прямое искажение этих идей с целью их дискредитации и уничтожения (например, эксцессы «Либерально-демократической» партии России и иные политические и теоретические злоупотребления разного рода субъектов, которые приписывают либерализму несуществующие пороки, или паразитируют на самом этом термине, или, как точнее, проще и очень эмоционально выразился по близкому поводу Ф. Хайек, просто «нагло присваивают себе это имя»³³), то та-

³³ Хайек Ф. Указ. соч. – С. 213. Приведем высказывание Ф. Хайека полностью: «Правовой позитивизм стал одной из главных сил разрушения классического либерализма, потому что концепция справедливости, предлагаемая последним, не зависит от ориентации на достижение конкрет-

кого рода отклонения выходят за рамки самой идеи, и, более того, они часто антагонистичны данной идее – на то они и эксцессы.

Итак, «приоритет» подменяется «жертвой», а предполагаемое им сотрудничество – «уничтожением», и затем «приоритет прав человека» критикуется за приписанные ему недостатки, которых он не имеет, и за следствия, которые из него не вытекают, а также за свойства и особенности, на которые он никогда не претендовал и к которым не имеет никакого отношения.

4. Права человека против полномочий государства, а не против интересов общества. Следующее основание, по которому нельзя согласиться с критикой идеи «приоритета прав человека» как необходимой и важнейшей составляющей идеи либерализма и соответствующего ему персонцентристского общества и государственно-правовой системы, заключается в том, что речь в последнем случае идет о способе разрешения конфликта между правами человека и полномочиями (правами-обязанностями) государственной власти, а не между правами человека и интересами общества, о чем говорит далее автор (что подлинный либерализм исходит из общего блага, из первенства общественного и ставит на первое место общество, а на второе – человека³⁴), попусту сражаясь с указанной формулой об их приоритетности перед государством³⁵. Совершенно не ясно: в чем угроза Российскому государству, которое якобы может быть принесено в жертву человеку (но как это вообще возможно?!), если закон закрепляет обязанности госаппарата и провозглашает приоритетность или, буквально, «высшую ценность» человека, его прав и свобод, требуя от государства признания, соблюдения и защиты указанных прав и свобод (ст. 2 Конституции РФ)? Приоритетному праву человека корреспондирует приоритетная обязанность государства, т. е. особое уважение и внимание государственных служащих к человеку, а потом уже к каким-то иным нуждам и потребностям, прямо, близко или непосредственно за которыми нет конкретного, индивидуально поименованного человека (ибо опосредованно, т. е. отдаленно, «общественный человек», человек как абстракция стоит за всеми и любыми функциями государства, что не надо смешивать, конечно) и которые потому могут быть реализованы во вторую очередь и при этом так, чтобы не страдали права других людей. Часть 3 ст. 17 Конституции РФ устанавливает, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц», но права госаппарата в случае коллизии должны уступить правам человека, ибо последние обладают приоритетом перед первыми – вот в чем суть формулы «приоритетности» прав и свобод человека.

Что касается рисков причинения вреда общественным интересам при проведении принципа приоритетной защиты прав и свобод человека, то в Основном Законе указываются достаточно обширные по объему и сферам охвата случаи изъятия прав и свобод человека из статуса их «приоритетности», т. е. случаи ограничения их иными ценностями. В связи со сказанным обратимся к ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограниче-

ных результатов. Правовой позитивизм – равно как и другие системы конструктивистского прагматизма Уильяма Джеймса, Джона Дьюи или Вильфредо Парето – глубоко антилиберален в первоначальном значении этого слова, хотя взгляды этих мыслителей стали основой того псевдолиберализма, который за время жизни последнего поколения нагло присвоил себе это имя». Д. Боуз также с пиететом относится к слову «либерализм» и полагает, что не стоит «марать слово» ошибочным его употреблением (см.: Боуз. Д. Указ. соч. – С. 317).

³⁴ Мартышин О. В. Указ. соч. – С. 40–41.

³⁵ Так, автор «либеральной теории права» Рональд Дворкин, критикуя позитивизм и утилитаризм, говорит о «правах, которыми индивиды могут обладать как противовесом государству», а не как противовесом обществу и (или) общему благу. Последнее строго теоретически и невозможно, так как это – разные грани анализа и их нельзя смешивать (см.: Дворкин Р. О правах всерьез. – М., 2004. – С. 5–10).

ны федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Итак, права и свободы человека – это высшая ценность лишь в сравнении с государственным Левиафаном, а не с общественным благом³⁶.

Положение ст. 2 Конституции РФ о том, что «человек, его права и свободы – высшая ценность» также сурово, но чуть меньше, чем приоритетность, критикуется О. В. Мартышиным³⁷. Обратим внимание, что оно дается в контексте отношения человека и государства, а не человека и общества, поэтому и вытекающий отсюда приоритет должен соотноситься не с общественным интересом, о котором только и говорит далее автор, а с обязанностями государства, ибо последнее предложение из двух, имеющихся в указанной статье, гласит: «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», а не обязанность общества в целом, на что всячески пытается натолкнуть нас автор в своих рассуждениях.

Таким образом, в утверждениях О. В. Мартышина имеет место подмена тезиса: во-первых, формула о приоритете утверждает первенство не арифметическое, не буквальное и тем более не абсолютное, а «алгебраическое», или качественное, – в смысле особой важности и ценности прав человека по сравнению с полномочиями и интересами госаппарата, а во-вторых (и это самое главное, где, собственно, и происходит указанная подмена тезиса), формула о приоритете соотносится не с интересами общества, а с интересами и «обузами» государственного аппарата, его полномочиями и обязанностями по соблюдению и уважению прав человека (вспомним и о ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая не позволяет считать госаппарат и общественные интересы совсем уж безоружными перед правами человека). Подчеркну также, что ведущий российский правовед С. С. Алексеев очень точно указывал в своих работах на возвышение прав человека именно над государственной властью, а не над обществом³⁸.

Смещение общества и государства – достаточно известный и старый прием, активно используемый критиками либерализма, на что давно уже указывали сторонники этого направления. Так, Фредерик Бастиа писал: «Социализм, подобно

³⁶ В западной юридической литературе проблемы соотношения частных интересов и общего блага рассматриваются в рамках категории «публичный порядок» (см.: Вербар К. Понятие публичного порядка во внутреннем праве России и Франции // Вестник Гуманитарного университета. Серия «Право». – 2002. – № 1 (3). – С. 4–22).

³⁷ Мартышин О. В. Указ. соч. – С. 41. Автор указывает, что формулировка «высшая ценность» ст. 2 не отличается юридической четкостью, и считает, что примирить эти два положения (права человека и благо общества) можно только двумя путями: или признать, что существует не одна «высшая ценность», или, по Дж. Оруэллу, допустить существование «более высших ценностей», перечисленных в ст. 55 Конституции РФ. У специалистов по конституционному праву, однако, данное положение не вызывает ни затруднений, ни тем более каких-то беспокойств подобного рода, как у нашего автора. Так, В. И. Красс пишет: «Исходя из смысловой целостности конституционного текста, следует признать, что *вся* (курсив автора) гл. 1 Конституции РФ “очерчивает пределы действия конституционных прав и свобод **с точки зрения интересов общества и государства**”» (выделено мною. – А. С.) (Красс В. И. Источники конституционного права и их теоретико-правовое видение // Источники российского права: вопросы теории и истории : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Марченко. – М. : Норма, 2005. – С. 73–74). Сначала В. И. Красс ссылается (со слов «очерчивает пределы» и далее до конца фразы) на позицию Е. И. Колюшина (Колюшин Е. И. Конституционное (государственное) право России : курс лекций. – М., 1999. – С. 102), а потом добавляет свой, не менее сильный аргумент: «Основываясь на внутривластной соподчиненности нормативных блоков Конституции, можно утверждать, что “высшая” ценность прав и свобод человека **не превалирует над идеалами, выраженными в преамбуле и закрепленными в основах конституционного строя**» (выделено мною. – А. С.) (Красс В. И. Указ соч. – С. 74).

³⁸ См.: Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. – 2-е изд. – М. : Норма, 2009. – С. 117.

другим теориям, от которых он происходит, путает понятия “государство” и “общество”. В итоге всякий раз, когда мы возражаем против того, что делается государством, социалисты делают вывод, что мы возражаем против этих деяний как таковых»³⁹. Далее Ф. Бастиа пишет, что если либералы порицают государственное образование, государственную религию и т. д., то их обвиняют в том, что они против любого образования и против любой религии вообще, и заключает: «Это все равно, что обвинять нас, будто бы мы не хотим, чтобы люди питались, потому что мы не хотим, чтобы государство выращивало зерно»⁴⁰. Так и в нашем случае приоритет прав человека перед заботами государственного аппарата отождествляется сначала с «готовностью» либерализма (при первом же, видимо, удобном случае) принести в жертву, т. е. уничтожить, государство (так же, как делало это тоталитарное государство с человеком в свое время), а затем путем подмены приравнивается к приоритету первых перед интересами общества. Для автора, таким образом, уничтожение государства, на которое либералы в отличие от анархистов и марксистов-ленинцев никогда не претендовали, рассматривается и как безусловное уничтожение общества, как будто бы общество и государство – это одно и то же.

Любой современный теоретик государства и права (включая, разумеется, и О. В. Мартышина) скажет нам, что общество и государство – это не одно и то же. Государство – это лишь политическая организация общества, обладающая рядом специфических признаков. О каком же тогда их отождествлении может идти речь и какие у нас есть основания предъявлять такие претензии уважаемому автору? Речь идет об ошибочном и сегодня уже весьма наивном представлении автора о том, будто государство автоматически выражает интересы всего общества. Да, его предназначение именно в этом и состоит, оно именно для этого и создано! Но это не означает, что на практике все так и обстоит, как должно быть в идеале. Даже при развитой демократии, в условиях зрелого гражданского общества, государство будет выражать интересы всего общества лишь настолько, насколько это последнее будет развито и цивилизовано в политико-правовом смысле, насколько оно сможет поставить деятельность госаппарата под свой – общественный – контроль. Чиновничество, политики и другие представители государства, как и любая другая отдельная социальная группа или корпорация со своими специфическими целями и задачами, имеет и свой особенный интерес, отличный от интересов общества в целом. Только в отличие от любых иных социальных групп представители государства, имея колоссальную силу и монопольную власть на принуждение, на принятие решений от лица всего общества, с невероятной легкостью реализуют прежде всего свой собственный интерес, а потом уже – интересы всего остального общества, и то лишь настолько, насколько это последнее в состоянии заставить государство это сделать.

Однако многие ученые верили и верят в то, что государство выражает общее благо и «поэтому в учебниках пишут, что люди, работающие в частном секторе экономики, эгоистичны, а государство действует в общественных интересах»⁴¹. Это заблуждение раскрыто теорией общественного выбора, которая доказала, что «подобно всем остальным людям, чиновники и политики действуют, исходя из личных интересов»⁴², и, кроме того, здесь скрыто еще одно заблуждение, состоя-

³⁹ Бастиа Ф. Грабеж по закону. – Челябинск : Социум, 2006. – С. 32. Г. де Руджеро писал: «Смешивать государство с обществом... есть одна из глубочайших и наиболее пагубных ошибок современной политической науки и особенно той ее формы, в которой черпает свое вдохновение социализм. Государство – не общество, а его политическая организация...» (Руджеро Г. Что такое либерализм? // О свободе : Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – С. 250).

⁴⁰ Бастиа Ф. Указ. соч. – С. 32.

⁴¹ Боуз Д. Указ. соч. – С. 219.

⁴² Там же.

щее в переключении с индивидуального на коллективное, что создает определенную путаницу: «на самом деле *государство* не действует. Действуют *определенные люди, олицетворяющие государство*»⁴³. Эта идея известна как принцип методологического индивидуализма, согласно которому действует только индивид, а не государство, партия, класс, нация и т. д.⁴⁴

Вся же социалистическая и прочая антидемократическая, антилиберальная и иная авторитарная традиция исходит из представления о том, что государство выражает только и исключительно интересы общества и поэтому попытка ограничить последнее конкретными, прямо указанными в законе полномочиями, попытка поставить его под контроль гражданского общества и напомнить государству, а точнее, государственным служащим, что права и свободы человека не должны ими попирааться, воспринимается ими и их сторонниками как посягательство на интересы самого общества. Вот в этом отношении и происходит отождествление указанными авторами общества и государства.

5. Разные предмет и уровни анализа в связках «права человека – обязанности государства» и «интересы личности – интересы общества». Рассмотрим теперь внимательно дальнейшую аргументацию О. В. Мартышина и последовательность ее подачи. Для этого вернемся к окончанию цитируемой выше фразы про российский либерализм, который «предлагает другую крайность: он готов государство принести в жертву человеку». И сразу за данной фразой, хотя и с абзаца, идет следующее высказывание автора, но оно – уже не о соотношении прав человека и обязанностей государства, а о соотношении интересов личности и общества: «Подлинный либерализм, формировавшийся столетиями в “цивилизованных государствах”, избегал крайностей, стремился к синтезу личных и общественных интересов и провозглашал, что в случае их конфликта следует признавать первенство общественного, т. е. того, что соответствует интересам не одного лица, а многих, общества в целом, или общему благу»⁴⁵. С указанным утверждением автора нельзя не согласиться – оно в целом верно (именно в указанном им отношении): данная мысль и некоторые дальнейшие рассуждения автора (как, в основном, и почти вся статья О. В. Мартышина) очень глубоки, основательны, а в ряде отношений даже фундаментальны (в последовательной защите им, например, доктрины консерватизма и интересов авторитарного государства, не «стесненного» приоритетом прав человека). Синтез общественных и личных интересов – это, действительно, то, к чему либерализм всегда стремился и стремится⁴⁶, а вот подставлять в пару сопоставляемых категорий «личный и общественный интерес» на место личного интереса права человека совершенно некорректно. Это – прямая подмена одних тезисов и утверждений тех, кого автор пытается критиковать, совсем другими тезисами. Давайте посмотрим, как происходит эта подмена. Слова автора: «Классический принцип либерализма – не приоритет *интересов личности* (но критикуется-то приоритет *прав человека*. – А. С.), а *гарантия прав и свобод человека* (что совсем не противоречит их *приоритету* в отношениях с госаппара-

⁴³ Боуз Д. Указ. соч. Д. Боуз задает далее очень интересный вопрос, над которым не лишне поразмышлять сторонникам теории «государства, неизменно выражающего лишь общее благо и ничего более»: «Почему парень, после окончания колледжа устроившийся работать в Microsoft, должен вести себя эгоистично, а его бывший сосед по общежитию, работающий в Министерстве жилищного строительства и городского развития, вдруг должен проникнуться альтруизмом и действовать в интересах общества?»

⁴⁴ См.: Антисери Д., Мальцева С. А. Указ. соч. – С. 43.

⁴⁵ Мартышин О. В. Указ. соч. – С. 40–41.

⁴⁶ Так, Л. Мизес писал, что либерализм нельзя представлять как партию чьих-то особых интересов. Он нацелен на защиту интересов всех социальных групп и входящих в них индивидов, т. е. на защиту всех, всего общества. Воплощение его идеалов должно принести пользу всем и каждому, обществу и личности (см.: Мизес Л. Указ. соч. – С. 276–277).

том. – А. С.), если они не противоречат *благу общества* (не точное утверждение, так как права человека можно сопоставлять лишь с таким благом общества, которое закреплено в законе. – А. С.). Этот принцип полностью соответствует мировым стандартам и признан международным правом. “При осуществлении *своих прав и свобод* каждый человек должен подвергаться только *таким ограничениям, какие установлены законом* исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе”, – гласит ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека» (курсив мой. – А. С.)⁴⁷. Итак, в первом предложении автор говорит о том, что права человека не должны противоречить общему благу, а ссылается на мировой стандарт (положение ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека), который гласит, что *права человека* могут быть ограничены только **законом**, в котором *выражено общее благо* (и права других лиц), а не напрямую – общим благом (ибо в части, не закрепленной юридически, это явление – весьма аморфное и неопределенное, что авторы этого мирового стандарта хорошо понимают). Закрепленное и не закрепленное в законе общее благо – это разные «вещи». И, кроме того, права человека, приоритет которых критикует автор, подменяются интересами личности, как будто бы это одно и то же. В то же время с утверждением автора, что классический принцип либерализма – *не приоритет интересов личности, а гарантия прав и свобод человека*, вполне можно согласиться. Спорно лишь полное отождествление интересов личности с правами человека, ибо первые гораздо шире по своему объему, а также противопоставление прав человека общему благу, без указания на ту его часть, которая закреплена юридически.

Что касается соотношения личного и общественного интереса, то в теории либерализма, помимо безусловного признания важности и приоритетности последнего, рассматриваются и другие весьма распространенные случаи соотношений между ними, которые являются более сложными и диалектичными, чем простое сравнение через категории «важнее», «больше», «приоритетнее» и т. д. Противопоставление личного и общественного далеко не всегда возможно и логически часто просто даже несостоятельно, так как в большинстве случаев – и это одно из ключевых положений теории либерализма – «отдельный человек, преследуя сугубо личные цели, обычно тем самым служит общим интересам»⁴⁸ (так называемая «невидимая рука» рынка, например), а вот коллективные действия организованной группы (например, чиновничества и других представителей государства, о котором так беспокоится О. В. Мартышин) «почти неизменно противоположны общим интересам»⁴⁹. Следовательно, если мы выберем, вслед за автором, приоритет интересов государства, наивно полагая, что тем самым защищаем интересы общества, то именно это и приведет к тотальному, нескончаемому их нарушению. Если же мы будем уважать личные цели и интересы, то в итоге получим уникальную ситуацию, когда приоритет личных целей и интересов соответствует, служит общественным интересам, т. е. когда последние оказываются, также и одновременно с личными интересами, приоритетными, важными, основными.

Кроме того, логически невозможно опровергать приоритет прав человека перед государственным аппаратом и его должностными лицами (обязанностями и полномочиями последних) необходимым и не оспариваемым либерализмом приоритетом общественного интереса перед интересом личным в тех случаях, когда

⁴⁷ Мартышин О. В. Указ. соч. – С. 41.

⁴⁸ Хайек Ф. Указ. соч. – С. 305. Автор приводит далее известные высказывания Гордона, Монтескье, Юма, Смита, Берка и др. о том, что свободно преследуемый личный интерес приводит в итоге к общему благу (С. 575–576).

⁴⁹ Там же. – С. 305.

невозможен их синтез как двух важнейших и в этом смысле – каждый в своем отношении – приоритетных ценностей. Это же – принципиально разные соотношения, состоящие из двух самостоятельных пар различных элементов, которые в чем-то перекрещиваются, в чем-то сочетаются, а в чем-то, возможно, и вступают в те или иные коллизии друг с другом, ибо взаимодействуют в самых разных, замысловатых и сложных сочетаниях: права человека и полномочия государственного аппарата, с одной стороны, а с другой – интерес одного лица (личный интерес) и интерес общественный (общее благо).

Общий и личный интерес – один уровень анализа, сочетания и поиска баланса между ними, а их выражение в правах человека и закрепленных в законе полномочиях государства – совсем другой уровень и даже совсем другой предмет анализа для различных отраслей обществоведения – для политологии и для теории права соответственно (что не препятствует, конечно, рассмотрению их в рамках междисциплинарного подхода). Приоритет прав человека в отношениях с государственным аппаратом никоим образом не нарушает приоритета общего блага перед отдельным личным интересом – это две разные пары отношений. Очевидно, что если этот личный интерес становится массовым, то он перерастает в категорию общего блага и общественного интереса. Если взять идеальную ситуацию (конкурентная избирательная система, честные демократические выборы и как итог – дееспособный парламент, выражающий интересы народа, а не парламент-марионетка в руках какой-то олигархической группировки), то тогда в процессе публичной политической дискуссии определяется общее благо, к власти приходят политические силы, наиболее полно выражающие его, и парламент закрепляет это общее благо в законах, устанавливая тем самым границы прав отдельного человека, которые не противопоставляются указанному благу (общественному интересу), а выступают его выражением, в том числе и потому, что в приоритетной защите прав отдельного человека перед претензиями госаппарата состоит одно из проявлений общественного блага в условиях демократии и свободы, в условиях правового государства.

В современном цивилизованном обществе, ориентированном на верховенство права и правовое государство, личный интерес может претендовать на какой-то значимый в обществе статус, т. е. на его юридическое признание, лишь в том случае, когда он получает конкретное отражение в праве, т. е. когда закон в той или иной форме закрепляет его. А законом в демократических политических режимах могут становиться только такие правила, которые не противоречат общему благу, так как сама процедура юридического признания личного интереса осуществляется в рамках механизмов, контролируемых институтами, представляющими в идеале общие (или, как минимум, групповые, классовые и т. п.) интересы, а не интерес отдельного человека (не считая гипотетической ситуации абсолютного диктатора, которые свои личные интересы возводит в закон).

Следует подчеркнуть, что в условиях «ручного», а не основанного на законе управления, в условиях «суверенной» или управляемой «демократии» и прочей авторитарно ориентированной псевдотеоретической дребедени и соответствующей ей антидемократической практики в принципе невозможно закрепление в праве общественного интереса и общего блага потому, что нет механизмов его выявления и определения в сложных и спорных ситуациях. Поскольку в условиях авторитаризма отсутствуют формальные процедуры определения содержания «общего блага», постольку общество его просто не знает, так как ему и не позволяют его знать, высказываться и обсуждать, в чем оно состоит. Исключение составляют, с одной стороны, очевидные, т. е. бесспорные и явные, случаи «общего блага», но таких ситуаций в нашем весьма сложном мире не так уж и много, а с другой стороны – случаи угадывания авторитарной властью того, в чем оно, это

общее благо, состоит (но без подтверждения его демократическими процедурами мы не можем утверждать, является ли такое угадывание верным или нет).

6. «Общее благо» как процедурный, по преимуществу, концепт, сложность его определения по содержанию и последствия этого. В условиях авторитаризма под видом общего блага практически всегда протаскивается воля узкой олигархической верхушки⁵⁰. Последняя чисто теоретически может иногда и совпадать с тем, что определило бы гражданское общество в ходе демократического обсуждения, но может и не совпадать. Не надо только за всеобщее одобрение политики партии, госаппарата и, стало быть, «общего блага» выдавать восторженные возгласы «широких» масс, специально организованные нанятыми для этого в рамках соответствующего «госзаказа» работниками с высшим образованием и представляемые по контролируемому государством телевизионным и иным каналам, через Интернет и прочие СМИ.

Таким образом, то, когда и в каких случаях совпадает с общим благом, а что – с ним не совпадает, в авторитарном обществе с методологической точки зрения знать невозможно, так как нет верифицирующих демократических процедур. Как этого не могут понять критики либерализма?! Нельзя же мнение правителей или их приспешников выдавать за общую волю или общее благо! Это последнее может и должно быть определено только самим обществом каждый раз и по каждому конкретному, но, разумеется, очень важному поводу, а не по каким-то анекдотическим пустякам, не имеющим никакого значения для власти и по которым она в таком случае может поиграть в «демократию».

Общество в целом, используя демократические процедуры для принятия решений, не застраховано от ошибок, как и в тех случаях, когда решения принимаются единолично авторитарным правителем или узкой олигархической группировкой, но с той разницей, что в первом случае есть шанс услышать и коллективно осмыслить весь спектр имеющихся в обществе мнений и выражающих их интересов и принять более взвешенное решение. И когда даже в результате публичной дискуссии принимается не самый лучший вариант действий, то здесь есть шанс на более быстрое исправление ошибок в будущем. В случае же ошибок авторитарного субъекта, который часто имеет искаженное представление о том, что происходит в обществе, «платить» за них приходится другим, т. е. всему обществу, да и исправление их затягивается, так как правители далеко не всегда склонны к признанию собственных ошибок, что может, в конце концов, привести все общество к краху. История знает, разумеется, случаи и успешных авторитарных правителей, однако в современных условиях сверхсложного мира, с одной стороны, и более развитого в культурном, политическом и иных отношениях населения во многих регионах мира шансы на успех больше в обществах демократических, чем в иных (так, лидирующие в мире по уровню жизни населения и прочим параметрам страны, которые входят в Большую семерку, относятся к странам демократическим).

Общее благо – очень абстрактная концепция. Реально она распадается на сотни, тысячи, а то и больше конкретных решений по самым разным, но важным по-

⁵⁰ Положение о том, что «общая воля» есть не что иное, как фикция, кажется, давно уже стало общим местом гуманитарных наук, и в частности политологической литературы, в том числе учебной, где, например, отмечается: «так называемая общая воля, “классовый”, “национальный” или “общенародный” интересы представляют собой **вымысел, миф**, оправдывающие политическое господство одного лица или группы в том случае, если они определяются кем-то априори, без равноправного участия отдельных свободных личностей и рассматриваются как неоспоримые, надындивидуальные, внутренне непротиворечивые сущности, устанавливающие рамки дозволенного для политической активности граждан, границы демократии» (выделено мной. – А. С.) (Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – 2-е изд. – М., 1995. – С. 165).

водам (если брать поводы менее важные, то количество таких решений будет, с одной стороны, стремиться к бесконечности, а с другой – в какой-то момент уже перестанет быть общим и преобразуется в региональные, групповые и т. п. блага). О том, что те или иные субъекты приняли решение, действительно соответствующее общему благу, нельзя судить всегда с полной определенностью ни сразу, ни во многих случаях и потом, так как мы не можем быть уверены, что оно адекватно воплощалось в жизнь, что не возникли новые факторы, делающие вчерашнее благо скорее вредным для общества решением и т. д. Поэтому можно лишь презюмировать, что в случае, когда процедура принятия решения восходит своими истоками к честному демократическому выбору (главы государства, парламентариев, которые формируют иные органы власти, и т. д., и т. п.), принятое в его рамках решение отвечает общему благу. С этой – процедурной – точки зрения один человек – правитель – или узкая олигархическая группировка не могут провозглашать общие интересы по определению. (Исключения могут быть, но они редки и очевидны: например, все согласны с тем, что не надо отдавать Курилы или всю Сахалинскую область Японии, а другие области Дальнего Востока – Китаю и т. п., так как это противоречит общему благу народов России.) Общее благо формулируется только в адекватных ему процедурных формах, и поэтому авторитарная власть может лишь выдавать свои собственные интересы за «общее благо». Но без такой «работы» она не может рассчитывать на легитимность в обществе, и поэтому тогда, когда оппозиция говорит простые и очевидные для всех вещи, которые больше соответствуют общему благу, но не отвечают интересам власть имущих, последние стремятся заткнуть ей рот, обвиняя оппозицию в стремлении разрушить или, еще хуже, «продать» Родину врагу. И чтобы не допустить последнего, авторитарной власти приходится, якобы вынужденно, отрицать приоритет прав и свобод человека, чтобы спасти российскую государственность от нападков либералов, т. е. от гибели и разрушения.

Концепт «общего блага» в условиях авторитаризма используется как инструмент подавления оппозиции и гражданского общества в целом, как средство уничтожения открытой и честной публичной дискуссии, которая необходима для того, чтобы с ее помощью был найден общественный консенсус по поводу содержания и конкретного выражения действительного общего блага в каждой отдельной взятой области важнейших общественных отношений. Ибо просто так, т. е. безотносительно к какой-либо конкретной сфере отношений, к конкретному периоду в истории общества, географическому региону и массе других конкретизирующих «привязок», общее благо существовать не может: без таких уточнений оно превращается в пустую абстракцию и благое пожелание, чтобы «все было хорошо» (а что такое «хорошо», зависит от позиции субъекта оценки и от его интересов).

В условиях авторитаризма концепт «общего блага» необходим государственной власти для того, чтобы верхушка олигархического режима, присвоившая себе право определения его конкретного содержания, говорила обществу, в чем именно состоит это «общее благо», а если кто-то не согласен с таким его определением, то его преследуют, так как он, оспаривая «общее» благо, наносит вред всему обществу, угрожает самому существованию государственности (отождествление интересов общества и государства – ключевой признак авторитаризма и его «интеллектуальных телохранителей»⁵¹). И здесь авторитарной власти, разумеется, сильно мешает идея приоритета прав и свобод человека, которая требует демократического обсуждения содержания «общего блага», требует реального участия населения в решении государственных дел через имеющиеся конституционно-

⁵¹ Происхождение этого словосочетания как самоназвания интеллектуалов, стремящихся прославлять государство, дает Д. Боуз (см.: Боуз Д. Указ. соч. – С. 228–229).

правовые механизмы определения и конкретизации содержания этого общего блага. Конечно, организация публичного дискурса в условиях реальной демократии и процесс согласования интересов различных субъектов гражданского общества – задача не из легких. Это все равно что дирижировать большим симфоническим оркестром в процессе исполнения им сложной партитуры в противоположность одиноко звучащему в публичном пространстве барабану авторитарного правителя, под удары которого, строго определяющие границы «общего» интереса, должно дружно маршировать благодарное своему правителю общество.

«Общее благо» в условиях авторитарного общества, независимо от того, выражено оно авторитарной властью в законе или нет, является, по преимуществу, лишь чистой фикцией, демагогией, подменой общих интересов интересами правящей олигархической группировки. «Общее благо» здесь, как уже отмечалось выше, даже и не может быть точно известно, так как отсутствуют механизмы его определения за исключением явных случаев и (или) случайного совпадения (т. е. о том, в каком случае оно имеет место, а в каком – нет, можно только гадать).

Прав Ф. Хайек, который отмечал: «Но хоть и понятно, что общий, или общественный, или публичный характер законных целей правительственной власти подчеркивается, чтобы исключить ее применение в частных интересах, размытость используемых терминов позволяет почти все, что угодно, объявить предметом общего интереса и заставить очень многих служить целям, в которых они никак не заинтересованы. До настоящего времени не удавалось точно определить, что такое благосостояние общества или благо государства, а потому эти понятия можно наполнить любым содержанием, лишь бы оно отвечало интересам правящей группы»⁵². Без ограничения государственной власти правами человека и вытекающими из них демократическими процедурами она начинает действовать в своих собственных интересах, выдавая их за «общее благо».

В условиях демократии общее благо, которое еще не выражено в законе, – лишь предмет для публичных дискуссий различных политических сил, в результате которых поддержанные большинством избирателей и потому пришедшие к власти в процессе честных демократических процедур политические силы закрепляют общее для всех благо в законе; хотя и после этого никто не препятствует его дальнейшему обсуждению, уточнению и внесению соответствующих изменений в законодательство. Однако после того, как общее благо закреплено в законодательных и иных юридических формулировках (в иных источниках права), в этом процессе одновременно устанавливаются и границы приоритетным (в соотношении с полномочиями госаппарата) правам и свободам человека; «приоритет» этот, таким образом, необходимо и возможно противопоставлять только и исключительно полномочиям государственного аппарата в том смысле, что последний должен считать их «высшей ценностью», т. е. уважать и учитывать их в своей деятельности, и в различных спорных ситуациях отступать перед ними при строгом условии и во всех случаях, когда при этом не страдает «общее благо», но только закрепленное в законодательстве, главным образом в Основном законе (для России это – ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Содержащийся в правах и свободах личный интерес отдельного человека в таком случае в принципе не может противоречить закрепленному в законе общему интересу. Но личный интерес и права человека – совпадают ли они друг с другом или нет – совсем не одно и то же в категориальном смысле слова. Индивидуальный интерес может быть каким угодно: он может, в том числе, и противоречить общему благу. Однако в таком случае он, в большинстве случаев, не получит правовой защиты, не преобразуется в категорию прав и свобод человека, поскольку

⁵² Хайек Ф. Указ. соч. – С. 169–170.

ку личность в одиночку не может принять вообще никакой закон, в том числе и такой, который бы нарушал общее благо. Смешивать личный интерес, не закрепленный в законе, с правами человека, т. е. с наиболее важными личными интересами, закрепленными в законе, прежде всего в Основном Законе, или подменять первым последние совершенно недопустимо, хотя сделать это при желании совсем не сложно: ведь в обоих случаях мы имеем дело с личным интересом (но юридически признанным и юридически непризнанным, что оставляют за кадром критики либерализма).

Сам по себе процесс возведения личного интереса в правовую форму содержит в себе важнейшую стадию проверки его соответствия (или непротиворечия) общему благу, так как закрепляющие его юридические нормы формируются общественными же институтами, которые стоят на страже, прежде всего, общего блага. Жизнь сложна, многообразна и динамична, и как только те или иные ее изменения приводят к столкновению прав человека с общественным интересом, в работу вступает ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Поэтому об угрозах общему благу, а тем более государству со стороны прав и свобод человека не может быть и речи в принципиальном плане, а когда в отдельных случаях возникают какие-то коллизии, то они нейтрализуются при помощи соответствующих правовых, и в том числе судебных, механизмов.

В сформулированных выше двух парах элементов и их соотношениях друг с другом, третьего в каждом из этих пар не дано: либо мы отдаем приоритет правам и свободам человека, либо полномочиям государства. Либо мы отдаем приоритет общему благу (а либералы именно за общее благо и выступают в первую очередь, как блестяще показывает это в своей статье О. В. Мартышин), либо – интересам отдельной личности, что было бы в целом очень странно (но что поддержали бы разве что анархисты). Если же подменить местами некоторые из членов этих строго соотносимых оппозиций, или дуальностей, то вполне закономерно возникает нелепица, против которой вполне законно и восстает наш автор (правда, он сам же ее и создал, т. е. теоретически сформулировал): когда на место строгих правоотношений «право человека – обязанности и полномочия государства», ставится пара «приоритетного права человека и вынужденно подчиняющегося ему общего блага», т. е. не закрепленного в законе общественного интереса (и страдающего из-за этого общества, которое изнемогает под гнетом либеральной эгоистической личности), то вывод из такого искусственно сформулированного соотношения может быть только один: нельзя признавать права человека приоритетными, надо срочно их ограничивать, подчиняя интересам государства, ибо оно выражает (как мы понимаем, только с добавлением слова: «*якобы* выражает») общие интересы! Но ограниченные-то они оказываются в отношениях с государственной властью, а не с общим благом, так как в этом последнем соотношении они просто не существуют: здесь вступают в силу иные – социологические, экономические и т. п. закономерности, которые далеко не во всех отношениях равнозначны юридическим.

Таким образом, противопоставление «приоритета прав человека» общему благу – ошибочно, ибо это равносильно противопоставлению четкой юридической категории со строгим, закрепленным в законодательстве и других источниках права (в том числе в международном праве прав человека) содержанием, с одной стороны, аморфному социально-политическому и идеологическому образованию, с другой стороны. Общее благо реально формулируется лишь в ходе демократического политического процесса, и без дальнейшего своего преобразования в строгие законодательные формулировки оно существует лишь в виде прекрасноречивых пожеланий различных политических сил общества. В таком случае не совсем ясно, что и чему противопоставляется, и открывается путь для произво-

ла: права человека якобы противоречат какому-то там, не имеющему никаких строгих очертаний, общему благу.

Подводя итог, следует указать, что чисто логически невозможно доказать ущербность критикуемой О. В. Мартышиным идеи «приоритетности прав человека», сначала неправомерно приравняв права человека к личному интересу вообще и в особенности не закреплённому юридически, а потом легко показав абсурдность приоритета личного интереса перед общим благом (но кто же будет спорить с такими нелепыми сопоставлениями, предлагаемыми нам упомянутым автором!). С важностью и приоритетом общего блага согласятся, думаю, все, ибо о каком вообще приоритете личного интереса перед интересом общественным можно говорить? Такой приоритет, на самом деле, приведет к разрушению общества. Но личный интерес и права человека – это далеко не одно и то же! И, кроме того, о приоритете перед разными субъектами в обоих случаях идет речь.

Два указанных логических противоречия в аргументации О. В. Мартышина делают его тезис об ущербности и ложности концепции «приоритетности прав человека» неубедительным, необоснованным и недоказанным, т. е. ущербным и ложным, что подтверждает еще раз, но уже с другой стороны истинность оспариваемой им концепции. Здесь можно вспомнить и методологический инструментарий К. Поппера, который показал, что если не удалось фальсифицировать, т. е. опровергнуть, концепцию, то можно говорить о ее действительно научном статусе⁵³.

7. О тесно связанном с приоритетом прав человека персонцентризме. «Разгромив» приоритет прав человека путем подмены его категорией «личный интерес», который сторонники первого якобы ставят выше интересов общества, коль скоро они заявили о приоритете прав человека, автор продолжает: «У ложной идеи приоритета прав человека есть своего рода спутник – представления о “системоцентристском” и “персонцентристском” обществе. Им отдали дань многие отечественные юристы (А. В. Оболонский, первым или одним из первых в России выдвинувший эту идею, С. С. Алексеев и др.)»⁵⁴. И далее: «Реальность системоцентристского общества не подлежит сомнению. Таковы все традиционные общества прошлого и настоящего. Тоталитаризм, приносящий права человека в жертву государству, – наиболее жесткая форма системоцентризма XX в. Но вот персонцентристское общество не только проблематично, но и принципиально не осуществимо. Логически это вытекает из множественности центров. Любое общество – это соединение людей. Оно центристское, а не центробежное. Все различия – в степени и формах. Идея общества, в котором его участники обладали бы полной свободой, представляет собой анархическую утопию»⁵⁵.

Начну с того, что, действительно, А. В. Оболонский первый или одним из первых в России выдвинул эту идею, С. С. Алексеев придал ей фундаментальный вес и значение, а вот в числе «и др.» можно смело указать на автора этих строк, который представил наиболее развернутую теоретическую разработку этой концепции или, если выразить эту мысль нейтральным языком, является лидером по объему опубликованного в российской юридической литературе текста на тему персонцентристского и социцентристского типа государственно-правовых систем или правовых культур (главы в монографии, учебниках, докторская диссертация, статьи, введение в энциклопедический справочник и т. д.)⁵⁶. Нигде в указан-

⁵³ См.: Поппер К. Р. Предположения и опровержения : Рост научного знания : пер. с англ. – М. : АСТ : Ермак, 2004. – С. 35.

⁵⁴ Мартышин О. В. Указ.соч. – С. 41.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См.: Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. – Екатеринбург : Изд-во Уральской юридической академии : Изд-во Гуманитарного университета, 1996; *Он же*. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: проблемы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия,

ных работах (моих и работах моих коллег, которые пишут о человекоцентристской модели общества и соответствующей правовой системе) нет и намек на то, чтобы в них утверждалась «идея общества, в котором его участники обладали бы полной свободой...». Такая мечта, или претензия, на «полную свободу» – и здесь я полностью согласен с О. В. Мартышиным – «представляет собой анархическую утопию», если не сказать еще хуже – абсурдное и потому неосуществимое социально-политическое требование, за одним исключением, о котором пишет Р. Арон: «...ни один член общества не является полностью свободным от всех других (за исключением абсолютного тирана, если следовать идеальной гипотезе)...»⁵⁷

Либерализм и либералов давно уже и незаслуженно упрекают в стремлении к абсолютной свободе, анархии и распушенности, в стремлении к хаосу и нигилизму, поэтому его сторонники не устают повторять, что в либерале «нет ничего от анархиста и нигилиста, либерал не думает, что правительству нельзя доверить абсолютно ничего»⁵⁸, что либертарианство (современная версия либерализма) – это «не синоним распушенности и хаоса. В либертарианском обществе люди могут быть связаны *множеством правил и ограничений*. Однако лишь самое общее из них не выбирается добровольно: минимальная обязанность уважать естественные права всех остальных» (курсив мой. – А. С.)⁵⁹. Классик либерализма Л. Мизес писал: «Либерализм, следовательно, далек от того, чтобы оспаривать механизм государства, систему права и правительство. Хотя как-то связывать его с анархизмом является серьезным недоразумением. Для либерала государство представляется абсолютной необходимостью, так как на него возложены самые важные задачи: защита не только частной собственности, но и мира...»⁶⁰ Причем удивительно, хотя и понятно почему, но обвинения либералов в анархизме в большей мере исходят от ортодоксальных марксистов, и поэтому Т. Масарик имел все основания заявить: «Между тем марксисты, а именно ортодоксальные марксисты, видят в либерализме только брата-близнеца анархизма, придавая его анафеме»⁶¹.

Представленная в российской юридической литературе концепция персонцентристского общества и соответствующего ему типа государственно-правовой системы содержит признаки и характеристики как раз тех обществ, которые Карл Поппер называет «открытым обществом», а Адам Смит и Фридрих Хайек – «Великим обществом». Является ли такое общество во всех отношениях идеальным и беспроблемным «раем на земле»? Разумеется, нет! Оно даже и не стремится стать таковым, у него нет подобных интенций! Оно лишь пытается разрешать существ-

1996; *Он же*. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Типы правовой культуры и этапы правового развития // Вестник Гуманитарного университета. Серия «Право». – 2002. – № 1 (3). – С. 44–77; *Он же*. Персонцентристская правовая культура и уровень свободы в обществе: сравнение различных подходов // Коллизии свободы в современном обществе : материалы научно-практической конференции Гуманитарного университета (15–16 мая 2003 г.). – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003. – С. 224–252; Теория государства и права : учебник для вузов / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2004. – С. 317–323 (4-е изд.: 2011, 2013); Концептуальное введение: Право, личность, права человека: персонцентристский подход к праву и правовой культуре // Права человека : энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2009 (2012, 2013). – С. 25–41 и др. Авторы «Социокультурной антропологии права» приводят большой список литературы сторонников юридического либертарианства, которые развивают «персонцентристскую парадигму в юриспруденции» (см.: Социокультурная антропология права / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. – СПб. : ИД «Алеф-пресс», 2015. – С. 208).

⁵⁷ Арон Р. Указ. соч. – С. 151.

⁵⁸ Антисери Д., Мальцева С. А. Указ. соч. – С. 86.

⁵⁹ Боуз Д. Указ. соч. – С. 90. Говоря о том, что лишь самое общее ограничение не выбирается добровольно, автор имеет в виду, что «большую часть правил, связывающих нас в свободном обществе, мы принимаем посредством договора, т. е. по собственному выбору».

⁶⁰ Мизес Л. Указ. соч. – С. 58.

⁶¹ Масарик Т. Либерализм // О свободе : Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – С. 210.

вующие в обществе, и причем весьма многочисленные, противоречия между самими разнообразными уровнями общественных и личных интересов и потребностей на принципиально иных, чем социоцентризм, основаниях – исходя из первенства общественных интересов перед личными и из приоритета прав и свобод человека перед достаточно сильным и там госаппаратом, а также исходя из уважения человеческого достоинства и, разумеется, не просто не забывая об общем благе, но закрепляя и охраняя его в законах и других источниках права. Ибо если забывать об общественном благе, то страдать будет, в конечном счете, именно человеческое достоинство и права отдельного человека, так как одним из важнейших требований общего блага как раз и является уважение прав и свобод человека. Все это кажется вполне очевидным, и смешивать указанные выше дихотомии ошибочно.

Социоцентристские же общества и соответствующие им государственно-правовые системы (начиная с момента становления цивилизации) решают указанные противоречия иначе, исходя из иных – общинных, «общественных» и прочих «социальных» (как понимает их лишь узкая правящая олигархия или единоличный диктатор), религиозных, идеологическо-утопических и тому подобных социоцентристских идеалов и ценностей – светлое коммунистическое будущее, тысячелетний рейх, единая умма, «общее благо», «интересы народа», содержание которых, однако, определяется не в ходе честного политического процесса, а в посланиях авторитарного или тоталитарного правителя своему населению (национальные интересы или общественные интересы без кавычек – это и есть общее благо, но для этого должны быть соблюдены процедурные «тонкости» – честные демократические способы его определения и формулирования в законодательных и иных правовых текстах). Социоцентризм и общее благо (действительное общее благо) – это явления и соответствующие им понятия, которые в истории не часто совпадают, но даже если иногда и совпадают, то лишь частично и ненадолго (когда, например, интересы правящих групп и остального народа той или иной страны в чем-то совпадают – в ситуации внешней агрессии, природных и прочих катаклизмов, которые надо нейтрализовать в интересах всего общества, и т. д., и т. п.).

8. Методологические неувязки. Утверждение О. В. Мартышина о том, что «персоноцентристское общество не только проблематично, но и принципиально неосуществимо», не может быть высказано в рамках теоретического дискурса, и вот почему. Социоцентристское (синоним – системоцентристское) и персоноцентристское общество – это идеальные типы, по М. Веберу, т. е. определенные мыслительные конструкции, сформулированные в рамках одной концепции. Они – в рамках данной концепции – неразрывное целое, противопоставляемое друг другу и теоретически, и исторически, так как одно вырастает из другого, следует за ним. Первое зародилось вместе со становлением человечества (и поэтому возникшие в эпоху зарождения цивилизации государственно-правовые институты были социоцентристскими по своему типу) и существует поныне, ростки второго стали появляться в середине XVIII столетия и, пройдя два века своего становления, стали утверждаться в конце XX века; эти два типа будут существовать еще какое-то историческое время вместе и, весьма вероятно (исходя из теоретических предпосылок), что в отдаленной перспективе первое отомрет и останется лишь второе, так же как когда-то первое существовало без второго. Но такое утверждение на данном этапе развития науки – лишь гипотеза, предположение, некоторая догадка, требующая серьезной проработки и обоснования.

Те или иные типологические конструкции, а в данном случае дихотомии весьма распространены в гуманитарной литературе: например, открытое и закрытое общество, общество свободное и несвободное, Запад и Восток и т. д. Разумеется, что это – весьма «тощие» абстракции, но они помогают понять в самом пер-

вом и грубом приближении, о чем идет речь. Ведь известная нам марксистская «пятичленка» всего лишь в два с половиной раза менее тощая абстракция, чем предложенные выше дихотомии; она также помогает сориентироваться в истории, хотя и имеет массу противоречий и несоответствий действительной истории общества, если без оглядки привязывать ее буквально ко всем историческим периодам и ко всем географическим регионам мира.

Одним словом, вряд ли можно в рамках теоретического дискурса, признавая закрытое, несвободное, Восточное и (или) социоцентристское общество, отрицать существование или принципиальную возможность существования соответственно открытого, свободного (не абсолютно и полностью свободного, а просто свободного), Западного и (или) персоноцентристского общества. Это же не реально существующие общества, а идеальные типы, мыслительные, неразрывно связанные друг с другом конструкции, которые объединяют существенные признаки реально существующих в истории обществ и которым соответствуют более или менее конкретные классы таких «социоцентристских» и «персоноцентристских» обществ. Надо тогда разрушать всю конструкцию в целом и говорить, что невозможны ни социоцентристские (т. е. авторитарные и тоталитарные, несвободные и т. п.), ни персоноцентристские идеальные типы и невозможно себе представить, хотя бы отдаленно, какие-то похожие на эти идеальные типы конкретные общественные системы по таким-то и таким-то теоретическим основаниям.

Если внимательно читать очень интересную в целом статью О. В. Мартышина, то можно понять, каким образом автор облегчил себе задачу отрицания персоноцентристского общества. Он не стал анализировать сложившуюся в литературе концепцию, а придумал свое собственное «персоноцентристское» общество, которое формируется исходя из одного единственного признака – полной, абсолютной, ничем не ограниченной свободы («либерального» индивида-эгоиста, который ставит свои интересы выше общего блага). Такое общество – и здесь я полностью солидарен с автором – невозможно! Но оно и не является персоноцентристским в смысле, который подразумевается в российской литературе и который оформился уже в более или менее устоявшуюся концепцию. Эту концепцию, конечно, нужно еще развивать и разрабатывать дальше, находя и устраняя какие-то действительные, а не выдуманные недостатки, усиливая имеющиеся и находя новые положительные и выигрышные ее стороны и грани.

Аргумент автора о логической невозможности множественности центров и, следовательно, невозможности персоноцентристского общества можно признать верным лишь при условии, если трактовать эту «множественность» утрированно и гипертрофированно, т. е. как наличие абсолютно одинаковых по силе воздействия на дела общественного организма центров. Конечно же, такой математически чистой симметрии в обществе не бывает. Для опровержения данного тезиса достаточно лишь в сравнительном плане указать, что речь идет о том, например, что в авторитарном обществе существует один единственный центр – это правитель вместе с узкой верхушкой государственной власти, а в демократическом – персоноцентристском – обществе появляются и другие центры политической власти, которые по отдельности слабее государственной власти, но в своей совокупности или порой даже в некоторых сочетаниях друг с другом заставляют эту последнюю реально считаться с указанными институтами и представителями гражданского общества.

Традиционная концепция персоноцентризма и концепция «персоноцентризма» в трактовке О. В. Мартышина (будем предложенную им трактовку «персоноцентризма» как общества абсолютной, ничем не ограниченной свободы пометать кавычками) отличаются самым кардинальным образом – между ними нет вообще ни одного общего признака (кроме использования, по недоразумению, одинаково-

го наименования для разных предметов анализа). И тогда, признавая право на существование какого-то нового «персоноцентризма» в трактовке О. В. Мартышина, можно согласиться с утверждением автора, что считать таковым то, что К. Поппер называл «открытым обществом», т. е. «современные западные демократии, нет никаких оснований».

И далее опять слова автора: «Это либеральные общества (а не «персоноцентристские» в его смысле. – А. С.), гарантирующие права человека в той мере, в какой они совместимы с общественными интересами»⁶². Вот тут-то в полной мере и проявляются разногласия в использовании термина *персоноцентризм*, а именно: в устоявшемся в нашей литературе смысле этот термин именно и предназначен для описания «либеральных обществ, гарантирующих права человека в той мере, в какой они совместимы с общественными интересами». Это именно и есть «открытое общество» К. Поппера, это именно и есть современные западные демократии. Но все эти либеральные, демократические, открытые и т. п. общества не имеют никакого отношения к обществам, где нехорошие (но реально несуществующие, т. е. вымышленные автором) «либералы» требуют полной, абсолютной, ничем не ограниченной свободы индивида-эгоиста, который ставит свои интересы выше общего блага и которые О. В. Мартышин называет «персоноцентристскими» (в кавычках, так как в литературе лишь он один так странно и неверно определяет персоноцентризм).

Сделаем вывод. Соблюдение приоритета прав и свобод человека в деятельности государственного аппарата не только не угрожает российской государственности, но является необходимым условием развития Российского государства от авторитаризма к демократии, от социоцентристского его типа к персоноцентристскому.

⁶² Мартышин В. О. Указ. соч. – С. 41.

УДК 271(470.54)

Андреева Елена Владимировна

канд. ист. наук, замдекана по инновационной и методической работе факультета социальной психологии, доцент кафедры «Реклама» факультета социальной психологии, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Andreeva Elena Vladimirovna

Candidate of History, Deputy Dean on Innovations and Methodology, Associate Professor at Advertising Chair, Faculty of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ
УПРАВЛЕНИЯ В ПРАВОСЛАВНЫХ
МОНАСТЫРЯХ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ МОНАСТЫРЕЙ
ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ
(1885–1917 ГГ.))**

**ADMINISTRATIVE SYSTEM
FEATURES OF ORTHODOX
MONASTERIES IN THE RUSSIAN
EMPIRE AT THE TURN
OF THE 19TH–20TH CENTURIES
(THE EXAMPLE OF YEKATERIN-
BURG DIOCESE MONASTERIES
(1885–1917))**

Аннотация

В статье осуществляется анализ системы управления в православных монастырях Российской империи, в частности особенности управления православными монастырями Екатеринбургской епархии в конкретный исторический период 1885–1917 гг. Одной из причин быстрого роста православных обителей в начале XX в. в России автор считает механизм организационного выдвижения кадров. Именно повседневная управленческая деятельность руководителей – настоятелей и настоятельниц православных монастырей обеспечивала достижение главной цели – стабильного развития религиозных организаций в Российской империи.

Ключевые слова: община; монастырь; Синод; благочинный; Екатеринбургская епархия; архиерей; монастырский совет; настоятель; казначей; ризничий; эконо́м; духовник.

Abstract

The article analyses the administrative system of orthodox monasteries in the Russian Empire, particularly the peculiarities of monastery administrations at Yekaterinburg Diocese in the period from 1885 to 1917. The author considers the mechanism of organization stuff promotion as one of the reasons for rapid growth in the number of orthodox cloisters at the beginning of the 20th century. It was everyday managing activities of orthodox monasteries' abbots that met the objectives of sustainable development of religious organizations in the Russian Empire.

Keywords: community; monastery; Synod; archpriest; Yekaterinburg Diocese; archbishop; monastery council, abbot; treasurer; sacristan; steward; confessor.

В наши дни монастыри и православные обители усиливают свое влияние, пытаются стать центрами духовной и экономической жизни, какими они были до революции 1917 г. Многие монастыри были крупными хозяйственными корпорациями, хозяйственная деятельность монахов приносила стабильную прибыль православной организации.

В. В. Фадеев обращает внимание на то обстоятельство, что «от подбора, расстановки и работы с кадрами в решающей степени зависит эффективность работы подразделений организации, а также многие условия обеспечения безопасности организации в целом. Работа с кадрами – это важнейшая часть управленческой деятельности, сложное, ответственное и деликатное дело»¹. Поэтому необходимо

¹ Фадеев В. В. Использование особых методов психодиагностики в системе корпоративной безопасности // Прикладная юридическая психология. – 2010. – № 3. – С. 146.

перенимать эффективный опыт организации управления в православных обителях, учитывать особенности организационного выдвижения кадров в жизни российского общества для успешного развития любых организаций.

Традиционно жизнедеятельность уральских обителей рассматривалась с точки зрения популяризации их как мест религиозного поклонения и историко-культурных центров православия на Урале². Значимость организации управления в деятельности монастырей как дореволюционными, так и современными исследованиями не была представлена. В данной статье функционирование монастырей раскрывается как предметно-практическая деятельность, опирающаяся на основные принципы управления, разработанные еще А. Файолем: разделение труда, соотношение полномочий и ответственности (прав и обязанностей), дисциплинированность, инициативу, корпоративный дух (единство целей и ценностей) монашеской организации.

Система церковного управления в России строилась на сочетании власти церковных иерархов и светских бюрократов. Обер-прокурор Синода непосредственно назначался царем и имел неограниченные возможности влиять на высшие церковные структуры и, по существу, определял политику государства в отношении православной церкви. В его подчинении находились все консистории, которые руководили жизнедеятельностью епархий. В правовом отношении интересы российской церкви и православных религиозных организаций были защищены более чем тысячей статей в Своде законов Российской империи, который состоял из Регламента Духовной Коллегии, Устава духовных консисторий, Свода учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий, христианских и иноверных.

С 1799 г. была учреждена самостоятельная епархия в Перми. В 1833 г. в Пермской епархии появилось «викарианство» с пребыванием викарного епископа в Екатеринбурге, в его ведении находились три из пяти зауральских уездов – Екатеринбургский, Камышловский, Шадринский. В 1885 г. появилась самостоятельная Екатеринбургская епархия, в ведомство которой перешли монастыри Восточного Урала. Территория Екатеринбургской епархии состояла из пяти уездов Пермской губернии: Екатеринбургского, Ирбитского, Верхотурского, Камышловского и Шадринского.

Во главе Екатеринбургской епархии стоял архиерей. При нем имелось правительственное учреждение – Духовная консистория. По действующему в то время уставу «консистория есть присутственное место, через которое, под непосредственным начальством епархиального архиерея, производилось управление и духовный суд в поместном пределе православной российской церкви, именуемом епархией»³.

Официально консистория состояла из 3–4 духовных лиц (членов консистории) и канцелярии из светских чиновников во главе с секретарем, подчиненных обер-прокурору и архиерею. В епархии консистория ведала административными и судебными делами – как духовенства (по должностным проступкам), так и всего православного населения.

Для производства дел имела канцелярия, состоявшая из 4–5 столов (отделов). В функции первого стола входило все связанное с назначением и перемещением духовенства. Второй занимался делами постройки и освящения церквей и часовен. К третьему относились дела судебных судов и бракоразводные. Четвер-

² Андреева Е. В. Монастыри Екатеринбургской епархии: административно-экономическое и социально-культурное развитие (1861–1935 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2006.

³ Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. – М., 1992. – Т. 2. – С. 1451.

тый стол ведал финансами. Пятый был сверхштатным. При канцелярии находились на службе также архивариус, епархиальный архитектор, казначей и секретарь епископа. Возглавлял канцелярию секретарь духовной консистории. Все канцелярские должности, включая секретаря, занимали государственные чиновники, которых насчитывалось около 20 человек⁴.

С 1885 г. по высочайше утвержденным штатам Екатеринбургского епархиального управления, Екатеринбургской Духовной консистории положено было иметь трех столоначальников с годовым окладом содержания по 600 руб. каждому. Эта должность в то время соотносилась с IX классом.

С июня 1892 г. ситуация изменилась. Присутствие Екатеринбургской консистории составляли 4 члена, из них были трое штатных и один сверхштатный. Штатные члены возглавляли по одному из столов канцелярии. Сверхштатный же был прикомандирован к четвертому столу и помогал в ведении денежных дел⁵.

За монастырями непосредственный надзор осуществлял благочинный епархии. Избрание и определение доверенных лиц на места и должности благочинных зависели от усмотрения епархиального архиерея, которому консистория подавала список кандидатов с подробными о них справками. При благочинных могли быть помощники. И тех и других избирал епархиальный архиерей из монашествующих лиц.

Благочинному поручали контролировать столько монастырей, сколько он сможет сам наблюдать. Его наблюдению поручали от 10 до 30 окрестных церквей с их причтами. Если поручалось более пятнадцати церквей, расположенных на значительном расстоянии друг от друга, то ему полагался помощник⁶.

Через благочинных осуществлялся непосредственный контроль епархиального начальства за жизнедеятельностью монастырей и церквей епархии. Главной их обязанностью было проверять прихода-расходные экономические книги монастырей, знать о состоянии хозяйственной деятельности братии и представлять епархиальному начальству свои наблюдения в виде донесений и отчетов. В дальнейшем все донесения и отчеты благочинных рассматривались и обсуждались в консистории. Если в консисторию поступали сведения о каких-либо беспорядках или бесчинствах во вверенных обителях через жалобы, отчеты и донесения, то для разбирательства назначались особые лица, которые более подробно знакомились с жизнью братии монастыря, «обозревая монастырское хозяйство»⁷.

Благочинные обязаны были как можно чаще посещать монастыри, наблюдать за имуществом, постройками, ремонтом обителей и поведением братии; их задача состояла в том, чтобы помогать во всем настоятелям и, в особенности, настоятельницам монастырей воздействовать в нравственном отношении на братию, для чего они должны знать не только старших, но и послушников⁸.

Для того чтобы благочинные имели возможность руководить настоятелями, настоятельницами и братией, т. е. являлись действительными ответственными начальниками, им предписывалось все решения монастырских советов по каким бы то ни было делам, хозяйственным или административным, направлять епархиальному архиерею через благочинных⁹. Таким образом, изначально мы наблюдаем четкую церковную централизацию власти, соподчиненность настоятелей благочинным епархии, вертикальную иерархию органов управления на государственном и местном уровнях.

⁴ Лавринов В. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. – Екатеринбург, 2001. – С. 21.

⁵ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 59. Лл. 322–323об.

⁶ Устав духовных консисторий. – СПб., 1883. – С. 27.

⁷ Там же. – С. 47.

⁸ ГАСО. Ф. р-2788. Оп. 1. Д. 99. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 4.

Сильная степень централизации управления показывает концентрацию властных полномочий на верхнем уровне руководства религиозной организацией. Положительными явлениями централизации являются увеличение синергии, сплоченности коллектива, улучшение координации, предотвращение серьезных ошибок на низовых уровнях местного управления. Негативными сторонами централизации стали снижение оперативности управления, уменьшение возможностей адаптации к новым условиям работы.

Во главе мужского православного монастыря стоял игумен. В крупных мужских монастырях Российской империи он получал сан архимандрита. Обычно из архимандритов избирались высшие иерархи православной церкви – епископы, митрополиты, патриархи.

В штатных и общежительных обителях по-разному избирали настоятеля монастыря. В штатный монастырь назначали по определению епархиального архиерея с разрешения Синода. В женских штатных монастырях для управления назначалась настоятельница – игуменья. В начале становления монастырской жизни в общине руководство осуществляла назначенная старшая монахиня.

Согласно уставу общежительного монастыря, настоятель избирался братией. Порядок избрания предписывался указом Синода от 20 марта 1862 г.¹⁰ Определение Синода от 4 мая 1874 г. разъясняло, что участвовать в выборах настоятеля могли только монашествующие – принявшие постриг¹¹.

Одним из постановлений Поместного Собора 1917 г. стало «Определение о монастырях и монашествующих», которое подтвердило древний обычай избрания настоятелей и наместников братией для того, чтобы епархиальный архиерей, в случае одобрения избранного, представлял его на утверждение в Синод. Такой же порядок установили и для настоятельниц женских обителей.

Поскольку в основном к концу XIX в. все православные обители Восточного Урала были общежительными, то настоятель избирался из братии монастыря, в исключительном случае из другого, но тоже общежительного.

Настоятель монастыря не должен был быть моложе 33 лет и состоять ранее в браке. Избрание настоятеля происходило при благочинном монастырей или при другом доверенном лице от епархиального архиерея на общем собрании всей братии – монашествующих одного монастыря.

Если единогласного избрания не происходило, то каждому из монашествующих предоставлялось право по отдельности, посредством тайного голосования записками в своей келии, написать имя избираемого старца. Каждый участвующий в выборе (при участии всех мантийных монахов обители, исключение составляли опорооченные по суду и состоящие под следствием по обвинению в порочных делах) писал в своей записке имя одного кандидата. Так в свернутой или запечатанной записке все складывали в общую чашу, из которой при возобновленном собрании записки вынимались и зачитывались, и подсчитывали, кто и сколько получил голосов. Двое кандидатов, получивших наибольшее число избирательных голосов, отмечались в акте избрания, который представлялся благочинным монастырей на усмотрение епархиальному архиерею.

Если единогласия при избрании нового настоятеля среди братии не было достигнуто, то окончательное решение этого вопроса зависело от епархиального начальства. Епархиальный архиерей избирал настоятеля из трех или двух предложенных кандидатур, имевших сан священника и проживающих, как правило, в данном монастыре. Сведения об избранных братией кандидатах на должность настоятеля и о том, как происходило решение этого вопроса – единогласно или

¹⁰ Проволович А. И. Сборник законов о монашествующем духовенстве. – М., 1897. – С. 24.

¹¹ Там же. – С. 25–26.

спорно, с изъяснением и своего мнения епархиальный архиерей представлял на усмотрение Синода¹².

Часто настоятель избирался на третий день после смерти своего предшественника и носил это звание пожизненно. Но бывали случаи, когда престарелые настоятели монастырей просили епархиального архиерея из-за старости и болезней уволить их с этой должности. Обычно первая просьба не удовлетворялась, а после второй или третьей их отправляли за штат, и до смерти они оставались и содержались в стенах той обители, которая ранее находилась в их управлении.

При увольнении на покой настоятели были обеспечены в монастыре приличным помещением и содержанием по определению епархиальной власти. Архиереи, уволенные на покой без пенсии с назначением пребывания в монастыре, пользовались содержанием и столом от обители по определению Синода¹³.

Если рассматривать, по каким критериям братия выдвигала ту или иную кандидатуру в настоятели или в настоятельницы, то главным основанием для занятия столь важной должности в монастыре было не столько образование, сколько благонадежность, умение хорошо распоряжаться финансами, осуществлять руководство в той или иной деятельности, доверительное к нему отношение со стороны насельников. Поэтому, как правило, каждый из занимающих должность настоятеля или настоятельницы сумел проявить себя как руководитель, будучи казначеем, показав свои организаторские умения и экономическую смекалку.

Например, с переводом из Кыртомского в Верхотурский мужской монастырь настоятеля монаха Адриана и исправляющего должность казначея монаха Тигрия с 28 мая 1896 г. монастырская жизнь в Кыртомской обители приходит в уныние, число братии значительно сокращается. Благочинный священник М. Попов в своем рапорте в сентябре 1896 г. докладывал, что «послушники расходятся, заведенные мастерские (пимокатная, чеботарная, столярная, кузнечная) и заводы кожевенный и дегтярный прекращают свою деятельность, денежная корреспонденция на имя монаха Адриана на устройство обители не поступает. Вся община ходатайствует разрешить монаху Адриану вернуться в основанный им монастырь и проживать в нем в числе братии»¹⁴.

Хочу подробнее остановиться на фигуре последнего настоятеля Верхотурского Николаевского мужского монастыря и проследить его биографию. Вначале Константин Петрович Медведев поступил послушником 25 октября 1894 г. в Верхотурский Николаевский монастырь. В монашество пострижен 14 июня 1901 г. с именем Ксенофонт и уже 17 июня рукоположен в сан иеродиакона. С 5 ноября 1901 г. исполнял обязанности казначея, и 6 августа 1902 г. был рукоположен в сан иеромонаха. С 1903 г. утвержден в должности казначея и стал членом совета Верхотурского Николаевского монастыря. В 1904 г. стал настоятелем Далматовского Успенского монастыря.

С 8 июля 1905 г., вначале временно, исполнял обязанности настоятеля Николаевского монастыря и должность благочинного мужских монастырей Екатеринбургской епархии, но с 28 сентября 1905 г. вплоть до революции 1917 г. состоял в этих должностях. За это время в 1909 г. возведен в сан игумена, а в 1913 г. в сан архимандрита. От Синода награжден в 1906 г. золотым наперсным крестом. Благодаря усердной деятельности в должности заведующего Верхотурской церковно-приходской школой получил свидетельство с архипастырским благословением, а позднее был награжден Библией, выданной Синодом. В 1911 г. выдан братский нагрудный знак третьего вида от братства Святого Праведного Симеона.

¹² ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 454. Лл. 46–46об.

¹³ Там же.

¹⁴ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 559. Л. 71.

Примечательна судьба и последней настоятельницы Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря игуменья Магдалины. В монастырь Пелагея Досманова (в будущем – игуменья Магдалина) поступила 9 мая 1859 г., где 12 лет была занята на свечном производстве. В настоятельские кельи была переведена в 1871 г., позднее вела дела по хозяйственной части женского училища при монастыре. Благодаря успешной деятельности получила архипастырское благословение в 1879 г.

В 1893 г. пострижена в монашество и назначена казначеем Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря. В 1897 г. была утверждена в должности настоятельницы этой женской обители и возведена в сан игуменьи. За свою деятельность неоднократно удостоивалась высоких наград, четырежды золотыми наперсными крестами от Синода, от Екатеринбургской консистории и дважды от Кабинета его императорского величества. В 1906 г. награждена серебряной медалью Российского общества Красного Креста. В 1913 г. игуменья Магдалина получила право на ношение бронзовой медали в память 300-летия дома Романовых. После революции и закрытия монастыря основала у себя на квартире кружок ревнителей православия, за что игуменью Магдалину арестовывали восемь раз. За три дня до смерти ее поставили в схимонахини, и 16 июля 1934 г. она умерла в окружении «своих чад».

Все монахи или монахини беспрекословно подчинялись игумену или игуменье, а также исповедывались им. При встрече с игуменом монаху полагалось низко кланяться. К наместнику мужского монастыря обычно обращались: «отец», к настоятельнице – «матушка игуменья».

Настоятель монастыря выступал по отношению к подчиненной ему братии опытным руководителем, отсюда вытекали следующие его права и обязанности:

- представлять интересы монастыря вне его стен, председательствовать в монастырском братском совете и во всех случаях монастырской жизни возглавлять братство монашествующих;
- при содействии других должностных лиц обители руководить всей жизнедеятельностью монастыря: богослужениями, духовно-нравственной стороной, денежными и хозяйственными делами;
- принимать на монастырский искус «новоначальных»;
- не допускать в монастыре никакой деятельности без благословения и разрешения настоятеля;
- как можно чаще проводить общие и частные беседы с братией, касающиеся событий монастырской жизни и обязанностей монашеского звания;
- принимать паломников и других посетителей обители;
- служить примером в собственной жизни для всей братии монастыря, «поощряя ревностных и отечески наказывая ленивых и духовно немощных».

Из вышеописанного наглядно прослеживается патриархальный стиль руководства, который строится на основе представлений об организации как одной большой семье. Руководитель уподобляется отцу семейства, который заботится о своих подчиненных. От них же в ответ на «отеческую заботу» ожидается благодарность, верность и беспрекословное повиновение. Этот стиль предполагает обращение с подчиненными, как с «детьми», и их мотивацию через личную зависимость. Информация распространяется сверху в зависимости от «благожелательности» руководства, контроль осуществляется выборочно, по желанию и интуиции руководителя. Власть на длительное время никому не делегируется и концентрируется у начальника, который должен быть «строг, но справедлив».

Этот стиль руководства особенно характерен для традиционного общества, но широко распространен и сегодня, в том числе в России¹⁵.

Мировой специалист по проблемам лидерства Р. М. Стогдилл в 1970–1990 гг. попытался установить наличие и характер зависимости между отдельными чертами личности и успехом руководителя. В числе качеств, способствующих успеху руководителей, наиболее часто указывались в исследованиях энергичность, социальный статус, трудовая мотивация, доминирование, уверенность в себе, социальные навыки и ответственность. Индивидуальные качества руководителя Стогдилл объединил в шесть групп:

- 1) физические характеристики (возраст, внешний вид, рост, вес);
- 2) социальное происхождение (образование, социально-экономическое положение);
- 3) способности (интеллект, рассудительность, знания, умение выражать мысли);
- 4) личные особенности (приспособляемость, доминирование, независимость, оригинальность, уверенность в себе);
- 5) отношение к задачам (трудовая мотивация, ответственность, инициатива, упорство, ориентация на производственные задачи);
- 6) социальные способности и навыки (готовность к кооперации с другими, популярность, навыки общения)¹⁶.

Даже сегодня можно согласиться с утверждениями Стогдилла, что средний руководитель «превосходит среднего члена своей группы по следующим показателям»: 1) по развитию интеллекта; 2) по уровню образования; 3) по ответственности и надежности при выполнении заданий; 4) по активности и социальному участию; 5) по социально-экономическому статусу.

По данным характеристикам постараемся описать индивидуальные качества последних настоятелей монастырей Екатеринбургской епархии Российской империи. По архивным документам ГАСО и РГИА¹⁷ попытаемся получить информацию об этом. Из физических характеристик берем возраст. В мужских монастырях на рубеже XIX–XX вв. средний возраст настоятелей был 39 лет, а в женских обителях средний возраст настоятельниц – от 46 до 50 лет. В психологическом плане это этап середины «профессиональной карьеры», когда наступает период профессионального роста, мастерства, самоактуализации через идентификацию своей деятельности с трудовой организацией.

Если рассматривать социальное происхождение настоятелей, то из 13 руководителей монастырей 9 были из крестьян, 3 из мещан, 1 из купеческой семьи. Поэтому уровень образования настоятелей был средний: из 13 руководителей мужских и женских монастырей Екатеринбургской епархии – 4 получили домашнее образование, 3 окончили курсы народного земского училища, 3 получили образование в монастырях, 1 обучалась в монастырском училище, имеет свидетельство учительницы начальной школы, 1 окончила народную школу, 1 получила образование в приюте. В целом, все настоятели монастырей имели в активе образование и многолетнее служение в духовных обителях.

Обычно настоятелей и настоятельниц за многолетнее служение в священном сане, усердную педагогическую работу в духовных школах и другие церковные заслуги, такие как миссионерство и проповедничество, награждали наперсными крестами. Подробнее о деятельности и индивидуальных качествах настоятелей крупных монастырей Екатеринбургской епархии дает представление помещаемая ниже таблица.

¹⁵ Пугачев В. П. Руководство персоналом : учебник. – М. : Аспект Пресс, 2006. – С. 178–179.

¹⁶ Там же. – С. 168.

¹⁷ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 731, 688, 533, 734; РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 83, 42.

Таблица 1

**Исторические сведения о настоятелях и настоятельницах монастырей
Екатеринбургской епархии (на рубеже XIX–XX вв.)**

Название обители	Имя настоятеля	Возраст	Образование	Сословное происхождение	Год утверждения настоятелями	Награды
Верхотурский Николаевский мужской монастырь	Архимандрит Ксенофонт (Медведев Константин Петрович) ¹⁸	42 года в 1913 г.	учился в народном земском училище	из крестьян Полеской волости Екатеринбургского уезда	С 1903 г. утвержден казначеем и членом совета Верхотурского Николаевского монастыря. В 1904 г. стал настоятелем Далматовского Успенского монастыря. С 1905 г. до ареста в 1920 г. исполнял обязанности настоятеля Николаевского монастыря и должность благочинного мужских монастырей Екатеринбургской епархии	В 1906 г. награжден золотым наперсным крестом от Синода
Далматовский Успенский мужской монастырь	Иеромонах Максимилиан (Медведев Михаил Петрович) ¹⁹	34 года в 1908 г.	учился в народном училище	из крестьян Полеской волости Екатеринбургского уезда	В Верхотурском монастыре в 1904 г. был пострижен в монашество, через месяц назначен временно на должность казначея. В 1905 г. назначен казначеем и письмоводителем Далматовского Успенского монастыря, где позже с 1905 по 1917 г. был настоятелем	19.10. 1908 г. награжден набедренником
Кыргомский Крестовоздвиженский мужской монастырь	1) Иеромонах Виктор ²⁰ , 2) Игумен Пахомий (Панков Петр Семенович) ²¹	1) Нет данных 2) 57 лет в 1913 г.	1) учился в доме родителей 2) учился в доме родителей	1) из мещан 2) из мещан	1) 9 июня 1902 г. 2) 26 июля 1905 г. был казначеем Верхотурского монастыря. 12.04. 1906 г. командирован для временного управления Кыргомским монастырем, где 28.05.1910 г. утвержден в должности настоятеля	1) 29.08.1901 г. награжден набедренником 2) 24.07.1907 г. награжден набедренником. В 1913 г. награжден наперсным крестом от Синода
Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь	Игуменья Магдалина (Досманова Пелагея) ²²	66 лет в 1913 г.	начала обучение в доме родителей, закончила в монастыре	купеческая дочь из г. Ирбита	В 1893 г. пострижена в монашество и назначена казначеем Екатеринбургского женского монастыря, где в 1897 г. стала настоятельницей	Четырежды награждена золотыми наперсными крестами от Синода, от Екатеринбургской консистории и дважды от Кабинета Его императорского величества

¹⁸ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 731. Лл. 2–5.¹⁹ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 688. Л. 87.²⁰ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 553. Л. 129.²¹ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 731. Л. 120.²² Там же. Л. 142.

Верхотурский Покровский женский монастырь	Игуменья Таисия (Сы- чева Татьяна Петровна) ²³	53 года в 1913 г.	домашнее образова- ние	из крестьян Ека- теринбургского уезда Мамин- ской волости	В 1900 г. назначена казначеем Верхотурс- кой Покровской общи- ны. Как только жен- ская община была воз- ведена в монастырь, была назначена на- стоятельницей от 5.02.1907 г.	По указу Синода от 1.04.1913 г. награж- дена золотым на- персным крестом
Нижнетагильский Скорбященский женский монастырь	Игуменья Мария (Кру- зе Феозва Константи- новна) ²⁴	55 лет в 1913 г.	воспиты- валась в Пермс- ком при- юте	из мещан г. Перми	После переименова- ния богадельни в об- щину была назначена начальницей в 1902 г., а когда община стала монастырем, в 1904 г., исполняла обязаннос- ти настоятельницы	1 апреля 1913 г. награждена золо- тым наперсным крестом

Таким образом, из таблицы видно, что из 6 руководителей православных обителей пять первоначально исполняли обязанности казначеев, т. е. получили практический опыт управления экономическим хозяйством православных монастырей. Каждый из настоятелей монастырей за длительное служение в священном сане имел награды в виде набедренника или наперсного креста.

В целом черты эффективного руководителя достаточно относительно и зависят от особенностей трудового коллектива, решаемых задач, степени развития коммуникаций, состояния предприятия и отраслевой конъюнктуры, уровня производственной демократии и ряда других ситуационных факторов²⁵.

Важной проблемой, от которой зависит успех руководства, является реализация позитивных индивидуальных качеств человека в его повседневном поведении как руководителя, перевод этих качеств в устойчивые характеристики его практической деятельности, т. е. в эффективный стиль руководства.

Власть в организации имеет три формы проявления (иногда их называют «гранями власти»): 1) побуждение работников к действию (например, выполнение поручения, задания); 2) блокирование или предотвращение неугодных действий; 3) структурный контроль над ситуацией, побуждающий к определенным действиям без прямых указаний²⁶. Как конкретно на практике могла проявляться власть в духовной организации, можно проследить по деятельности основных должностных лиц монастыря.

Казначей, ризничий, благочинный и эконо́м назначались епархиальным архиереем по представлению настоятеля. Эти должностные лица составляли монастырский совет, помогающий настоятелю в управлении хозяйственными делами обители²⁷. В женском штатном монастыре монастырский совет состоял из настоятельницы, казначеи, ризничей, благочинной и заведующей трапезной (старшей в трапезном послушании). Эти должностные лица в начале XX в. избирались тоже тайным голосованием монашествующей братией обители из указанных лиц. Они как назначались, так и увольнялись при согласии настоятеля и епархиального архиерея. Таким образом, ответственность за развитие православных обителей лежала в основном на настоятелях и благочинных епархии.

Монастырский совет собирался по мере надобности, но не менее двух раз в месяц. На своих заседаниях он обсуждал все важные вопросы, касающиеся монастырской жизни, заслушивал доклады настоятеля, других должностных лиц, про-

²³ Тихон, игумен (Затекин). Свято-Покровский Верхотурский женский монастырь (исторический очерк). – Екатеринбург, 1998. – С. 15.; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 731. Л. 266.

²⁴ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 731. Л. 330; Монастырский благовест. – 1998. – № 12. – С. 8–9.

²⁵ Пугачев В. П. Указ. соч. – С. 169.

²⁶ Там же. – С. 127–128.

²⁷ Цыпин В. Русская церковь (1917–1925). – Издание Сретенского монастыря, 1996. – С. 114.

верял доходы и определял порядок расходования церковных сумм. После обсуждения он же издавал постановления о представлении достойных членов братства к рукоположению в сан священства или к пострижению в монашество указных послушников, либо о принятии в братство прошедших искус новоначальных. Постановления совета были обязательны для всех насельников общежительного монастыря. Таким образом монастырь выступал как самостоятельный объект управления, в котором присутствовали элементы демократии, когда руководитель стремится к выработке коллективных решений монастырского совета. Если с решениями совета были не согласны настоятель или настоятельница, то спорное дело переносилось до разрешения его епархиальным архиереем.

В малолюдных монастырях, где недостаточно было лиц, входящих в монастырский совет, настоятелям предоставлялось право ходатайствовать через епархиального архиерея о совмещении этих должностей в одном лице или о замещении некоторых из них монашествующими других обителей. В случае необходимости должности казначея и благочинного разрешалось занять монашествующим, не имеющим священного сана, а должности эконома и делопроизводителя – указными рясофорными послушниками.

Часто благочинный был первым помощником настоятеля, а иногда сам настоятель был благочинным, т. е. должность совмещалась. Он наблюдал за братией, которая должна была четко исполнять устав монастырской жизни, следил за благоповедением насельников монастыря и за порядком совершения богослужений. Поскольку вся жизнь в монастыре строго регламентировалась церковным уставом, то все монашествующие должны были соблюдать три главных принципа: равенство братии, послушание и четкое исполнение обязанностей. В ведении благочинного монастыря находилось попечительство о прибывающих в обитель паломниках и гостях²⁸. По необходимости, тем более если монастырь был крупным и многолюдным, он замещал настоятеля в решении таких важных вопросов, как хозяйственные и религиозные, особенно когда настоятель находился в отъезде.

Духовник занимался непосредственно духовным руководством братии, по возможности он удовлетворял религиозные просьбы прихожан и паломников, обращавшихся к нему за духовным советом. Он исповедывал как мирян, так и братию монастыря. Духовник для братии мужской обители избирался настоятелем со старшей братией и утверждался епархиальным архиереем. В женских монастырях для мантейных монахинь духовник назначался из монашествующих мужских обителей епархиальным архиереем. Каждый из братии по благословению настоятеля и братского духовника должен был исповедоваться обязательно у назначенного ему лично духовника, поэтому без разрешения настоятеля нельзя было переходить на исповедь к другому. Назначение епитимий в виде духовно-нравственного послушания предоставлялось тоже духовнику.

Особо важным лицом в монастыре был казначей. «Казначей монастыря есть лицо, избранное настоятелем с братией и утвержденное в этой должности епархиальным архиереем, должен быть иеромонахом, благонадежного поведения, испытанный в верности и бескорыстности, способный к расчетливости»²⁹. Он заведовал монастырской казной, вел счет доходам и расходам, записывая все это в прихода-расходные книги и имущественные монастырские описи, распределял все поступающие в монастырскую казну пожертвования, сохранял монастырские капиталы. Где не было в должности эконома, там казначей заведовал хозяйством монастыря.

«Казначей получал и отпускал для нужд монастыря денежную сумму, постоянно ее записывал с точностью и исправностью в прихода-расходные книги, со-

²⁸ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 61. Лл. 564–565об.

²⁹ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 224. Л. 30.

хранял деньги в монастырском казнохранилище, закрытом ключами, которые были у него, и опечатанном монастырской печатью, которая была у настоятеля. В казнохранилище мог находиться только в присутствии двух свидетелей, либо при духовнике и ризничем, или благочинном. Настоятель мог присутствовать, если сочтет нужным»³⁰.

В казнохранилище находились важные для обители документы: планы на земли и угодья, принадлежащие монастырю; процентные именные билеты денежных сумм, находящиеся в кредитных учреждениях; контракты; документы, планы и фасады монастырских строений; опись монастырского имущества³¹.

В начале каждого месяца казначей составлял отчеты о приходе и расходе прошедшего месяца, который сверял с приходо-расходными книгами, проверял с наличной суммой. После проверки отчет вместе казначеем подписывался двумя или тремя свидетелями – духовником, ризничим, благочинным и представлялся настоятелю, после просмотра им с его подписью сохранялся для годовой проверки приходов и расходов монастыря. После чего, с соблюдением всех правил отчетности, в конце года приходо-расходные книги передавались настоятелем для сверки благочинному, который докладывал о состоянии дел подотчетных ему обителей правящему архиерею.

Заранее составлялся план-смета, сколько и чего в году потребляется монастырем, чтобы наперед закупить товар, о чем заблаговременно сообщалось настоятелю. Каждый вечер казначей должен был отчитываться настоятелю о том, какие работы проведены в этот день, обсуждая, какими будет братия заниматься на следующий день, кого из братии назначить ответственным.

Только казначей имел право высыпать деньги из церковных кружек (один из доходов монастыря). Только у него от церковных кружек был ключ, а печать находилась у настоятеля. Он пересчитывал и записывал определенную денежную сумму при двух или трех свидетелях из старшей братии, назначаемых настоятелем.

По своему усмотрению казначей выдавал деньги на мелкие расходы лицам из братии, посылаемых за покупками, и с них требовал отчета и оставшихся денег, после исполнения ими поручения, о чем вносил запись в отчетность³².

Казначею подчинялись эконо́м, келарь, письмоводитель, трапезный, амбарный, свечник, лавочник, библиотекарь. Но это было только в том случае, если обитель была крупная, и таковые должности имелись при монастыре. Если монастырь только появился или был небольшим, то в нем существовали должности настоятеля, казначея, иногда духовника.

В отсутствие настоятеля управление монастырем поручалось казначею, который должен был руководствоваться правилами, изложенными для настоятеля, со всей ответственностью за сделанные им распоряжения³³. Эффективность управления духовной организацией во многом зависела от четкого разграничения компетенции подразделений управления, их ответственности и обеспечения в них нормальных рабочих взаимоотношений.

Все остальные насельники монастыря – монашествующие, послушники и временно пребывающие в стенах монастыря – составляли братию обители. Каждый из них должен был подчиняться церковному уставу и уставу своей обители, т. е. соблюдать монастырскую дисциплину.

В свободное от церковных служб время основными занятиями монахов были келейная молитва, чтение богословских книг и монастырская работа, под которой подразумевался труд в мастерских, на скотном или конном дворе, ремонт церков-

³⁰ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 224. Л. 30.

³¹ Там же. Лл. 30об–31.

³² Там же. Л. 31.

³³ Там же. Л. 32об.

ных зданий, полеводство, земледелие, огородничество, пчеловодство. Обычно монастырская работа проходила под руководством настоятеля, благочинного или эконома. Подобные административные и хозяйственные послушания существовали и в женских монастырях³⁴.

Процесс делегирования полномочий – передача другим из братии монастыря зон ответственности и авторства операций или согласования определенных трудовых действий – стал средством развития навыков иноков, а в дальнейшем определенной работой настоятеля с кадровым резервом обители.

Вопрос перехода братии из одного монастыря в другой, обычно для пополнения малых обителей, решался по церковным правилам. Прием в среду братства из других монастырей допускался по добровольному желанию и с согласия настоятеля с братским советом и архиерейного епископа. Исключение составляли монашествующие, признанные виновными по суду, после многократных увещаний для исправления их поведения, отправленные на епитимию в другие монастыри.

В соответствии с материалами проведенного исследования структура организации управления в монастырском хозяйстве представляет собой централизованную систему власти в лице настоятеля и монастырского совета. Спецификой такой организации управления является процесс делегирования полномочий и организационной ответственности. Поскольку делегирование – это процесс, посредством которого руководители помогают окружающим приобретать навыки использования власти, необходимой для принятия решений, имеющих отношение к ним самим и их работе, то такой подход к управлению в монастырском хозяйстве, структурированию ответственности и управленческих обязанностей дал возможность некоторым православным монастырям на Урале превратиться в самостоятельные эффективные хозяйства.

Первоначально на 1885 г. в составе Екатеринбургской епархии было 4 монастыря, а к революции 1917 г. обителей стало 14. Многие из обителей стали общезнаменными, увеличились их земельная собственность и капитал. Общероссийскую известность приобрел Верхотурский Николаевский мужской монастырь, получивший в дальнейшем название «Сибирская Лавра», во многом благодаря хорошей организации труда в монастырском хозяйстве, влиянию последнего настоятеля и масштабному паломничеству к святым мощам праведного Симеона.

Наиболее крупными в хозяйственном отношении, состоятельными в экономическом плане и влиятельными по своему положению в Екатеринбургской епархии на 1917 г. были два монастыря – Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский и Верхотурский Николаевский мужской (см. табл. 2).

Но более богатым, а самое главное, независимым в финансовых вопросах был только один – Верхотурский мужской монастырь. Именно этот монастырь на Урале приобрел общероссийскую известность благодаря следующим условиям: 1) умелой организаторской деятельности последнего настоятеля – архимандрита Ксенофонта, который длительное время (15 лет) был благочинным мужских монастырей Екатеринбургской епархии; 2) постоянному коллективу – содружеству монашествующих; 3) давней истории обители, ее благоустроенности, более длительному времени хозяйствования и умелому накоплению капитала, за счет постоянного паломничества, стечения богомольцев (до нескольких десятков тысяч человек) к святым мощам Симеона Праведного³⁵.

³⁴ См. подробнее: Андреева Е. В. Хозяйственная деятельность монастырей Восточного Урала и ее социальное значение // Вестник Гуманитарного университета. – 2013. – № 2 (2). – С. 85–94.

³⁵ Там же.

Из нижеследующей таблицы видно, что многие православные обители продолжали нелегально существовать в суровое советское время в качестве религиозных общин под разными названиями, даже в форме трудовой артели.

Таблица 2

Состояние монастырей Екатеринбургской епархии на 1917 г.³⁶

Название монастыря, год основания	Земельная собственность монастыря (кол-во десятин)	Кол-во монашествующих	Кол-во послушников	Год закрытия монастыря
Верхотурский Николаевский мужской монастырь, 1604	272	80	109	1925; некоторое время община существовала нелегально. (В 1928 г. территория монастыря была отдана под колонию для малолетних преступников, поэтому в 1929-м закрыли последний действующий Крестовоздвиженский храм. Большой Актайский скит закрыт в 1919 г., Малый Актайский скит с 1917 г. не действовал. После закрытия монастыря часть братии перебралась в Малый Актай в 1925 г., который закрыли в 1928-м)
Далматовский Успенский мужской монастырь, 1644	176	26	40	1923
Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь, 1809	720	136	846	1925. (Но Александро-Невский собор оставался действующим до 1930 г. После этого община монахинь существовала нелегально на квартире игуменьи Магдалины до 1934 г.)
Верх-Теченский Свято-Троицкий женский монастырь, 1868	292	55	363	1924
Каменский Преображенский женский монастырь, 1892	298	30	150	1921
Кыртомский Крестовоздвиженский мужской монастырь, 1893	160	27	28	1920-е
Красносельский Введенский женский монастырь, 1899	415	24	105	1924 (передали монастырские здания трудовой детской колонии «Прогресс»)
Колчеданский Покровский женский монастырь, 1901	147	22	147	1920-е
Нижне-Тагильский Скорбященский женский монастырь, 1904	128	6	150	1923
Казанско-Богородицкий, или Каслинский Казанский женский монастырь, 1904	354	25	108	1920-е
Верхотурский Покровский женский монастырь, 1907	140	13	203	1932 (после ареста монахинь по судебному делу «Историческая гниль»; с 1925-го существовал нелегально)
Верхотурский Успенский женский монастырь, 1913	152	5	156	1924

³⁶ Составлено автором по: Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). – М., 1975. – С. 198; ГАСО. – Ф. 603; Лавринов В. Указ. соч.

Бобровский Алексеевский женский монастырь, 1915	16	1	131	1928 (с 1924 г. существовал нелегально)
Сирбишинский Введенский женский монастырь, 1916	73	1	43	1935 (с 1924 г. существовал нелегально)
ИТОГО: 14	3 562	455	2 709	

Таким образом, очевидно, что значительную роль в монастыре всегда играл настоятель и старшая братия, и если они обладали хорошими организаторскими способностями, то такой монастырь пользовался большим доверием, популярностью и авторитетом как среди местного населения, так и по всей России.

Для системы управления в православных монастырях Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (на примере монастырей Екатеринбургской епархии) характерны следующие черты:

1) централизация церковной власти, обусловившая улучшение координации и предотвращение серьезных ошибок на низовых уровнях управления в конкретных монастырях;

2) патриархальный стиль руководства в монашеских обителях, обеспечивавший приток иноков и страждущих заботы паломников;

3) четкий механизм организационного выдвижения кадров через членство в братском совете, при достижении ими определенного возраста и накоплении духовного опыта, и распределения организационной ответственности через социальное признание, что приводило к руководству лучших наместников монастырей;

4) подлинная сплоченность трудового коллектива монашествующих, строившаяся на основе нравственных ценностей: послушания, равенства, нестяжательства, миролюбия;

5) установка на самообеспечение, самостоятельность в хозяйственной деятельности через механизм делегирования полномочий в трудовой среде, что привело к эффективному выдвижению управления монастырями организаторов и духовников, а благодаря их деятельности, в дальнейшем, к увеличению земельной собственности и капитала религиозных организаций.

УДК 94(3)

Гущин Валерий Рафаилович

канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник сектора исторических исследований научно-учебной лаборатории междисциплинарных эмпирических исследований Высшей школы экономики (г. Пермь)
E-mail: valerii2012@yandex.ru

Gouschin Valeriy Rafailovich

Candidate of History, Leading Researcher of the Laboratory of Interdisciplinary Empiric Investigations, Higher School of Economics (Perm)

РЕПЕТИЦИЯ «БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ»? АФИНЫ И СПАРТА В СЕРЕДИНЕ ПЯТОГО ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ* **THE 'GREAT WAR' REHEARSAL? ATHENS AND SPARTA IN THE MIDDLE OF THE FIFTH CENTURY B. C.**

Аннотация

Создание и усиление Афинского морского союза болезненно воспринимались Спартой и ее союзниками. Это привело к открытому военному противостоянию, известному как Первая Пелопоннесская война (460–446 гг. до н.э.). Особенностью этой войны была выжидательная позиция Спарты и редкость военных столкновений. Несмотря на определенный успех в финале этой войны, спартанцы предпочли не развить его, а заключить 30-летний мир с Афинами. Таким образом, для спартанцев данная война – вероятно, в отличие от афинян – вряд ли может быть названа репетицией последовавшей затем «большой» Пелопоннесской войны.

Ключевые слова: Афины; Спарта; V в. до н.э.; Пелопоннесский союз; Фукидид; Диодор.

Abstract

Athenian Maritime Union's establishing and strengthening provoked painful reaction of Sparta and its allies. This resulted in overt armed confrontation, known as First Peloponnesian War (460–446 B. C.). Remarkable features of this war were the wait-and-see position of Sparta and the rarity of military engagements. While there was the relative success at the end of the war, the Spartans preferred to avoid building on the result and to make 30-year peace with the Athenians. Thus, for the Spartans, we think (as distinct from the Athenians perhaps) the First Peloponnesian War was not the rehearsal of future Peloponnesian War.

Keywords: Athens; Sparta; V Century B. C.; Peloponnesian League; Thucydides; Diodorus.

Как известно, полномасштабным военным действиям, развернувшимся между афинянами и спартанцами, т. е. Пелопоннесской войне, предшествовал длительный период охлаждения во взаимоотношениях между двумя государствами. Противоречия между ними обнаружились и стали накапливаться уже в период Греко-персидских войн (см.: [4. С. 117–118]). Усиление Афин и достижение ими гегемонии на море болезненно воспринимались лакедемонянами. Если верить некоторым древним авторам, то спартанцы готовы были начать войну против афинян в ответ на создание теми Делосской симмахии. На одном из совещаний спартанской герусии, сообщает Диодор, ставился вопрос о начале боевых действий¹. Готовились к этому и афиняне, резонно опасавшиеся войны с лакедемонянами².

* Работа выполнена в рамках проекта «Кризисы и деформации античной гражданской общины» Научно-учебной лаборатории междисциплинарных эмпирических исследований Высшей школы экономики (Пермь).

¹ «В это время лакедемоняне, столь неразумно лишившиеся гегемонии, переживали тяжелый момент. Поэтому к отпавшим от них эллинам они относились враждебно и грозились подвергнуть их соответствующему наказанию. Герусия, собравшись, обсуждала вопрос о войне против афинян за возвращение гегемонии на море. Точно так же этот вопрос стоял и на созванном общим народном собрании» [Diod. XI.50.1–3]. Несмотря на готовность лакедемонян к активным действиям, решение о начале войны так и не было принято. Виной тому, судя по рассказу Диодора, стал геронт Этоймарид, пользовавшийся большим авторитетом, который сумел переубедить герусию и народ. Диодор датирует эти события 475 г. до н. э. (см. комментарии: [12. С. 111, примеч. 190]).

Но через некоторое время ситуация кардинально изменилась. Активной, если не сказать агрессивной стороной в рассматриваемых событиях стали афиняне и их союзники. Позиция лакедемонян оказалась совсем иной. Их «терпеливое» отношение к действиям афинян, направленным против союзников Спарты по Пелопоннесскому союзу, у современных исследователей вызывало и продолжает вызывать немало недоуменных вопросов. Так, Э. Холледей полагает, что лакедемоняне не стремились обострять отношения с афинянами и, возможно, не были готовы к полномасштабным военным действиям [13. С. 60]³. Дж. де Сен-Круа и Дж. Сальмон считают, что пассивность лакедемонян объясняется исключительно военными причинами, и в частности возникновением Афинского морского союза [27. С. 180–200; возражения см.: 14]. По мнению Д. Кагана, их сдержанность – результат влияния спартанского царя Архидама, который был личным другом Перикла [19. С. 77]. Лояльность Архидама сомнений, пожалуй, не вызывает, он и в дальнейшем проявлял себя как противник развязывания войны с Афинами [2]. Нельзя исключать и того, что спартанцы в это время вели войну с мессенцами и были заняты осадой Ифомы. Все это так, но лакедемоняне по непонятным для исследователей причинам отказывались от активных действий даже в тех обстоятельствах, когда им мог сопутствовать успех [14. С. 161–162].

Итак, активной стороной в этом конфликте выступают именно афиняне. В чем же тут дело? Причина тому – изменения внешнеполитического курса, что напрямую связано с внутренними переменами в Афинах. Для лидеров демократического крыла афинской политики, в частности для Фемистокла и Эфиальта, была свойственна ярко выраженная антиспартанская ориентация. Последний продемонстрировал ее во время дебатов в афинском народном собрании относительно посылки помощи лакедемонянам, ведшим борьбу с восставшими илотами [3. С. 18]. Хотя усилиями Кимона помощь лакедемонянам все же была оказана, в следующем (461-м) году афиняне разрывают союз с ними, чему предшествовало изгнание из Афин Кимона⁴. В какой-то мере, следовательно, изменение курса и внешнеполитическая активизация может считаться результатом удаления из Афин Кимона – политика проаристократической и проспартанской ориентации.

Впрочем, с меньшей долей вероятности можно предположить, что новая политика стала результатом прагматического расчета. Спарта увязла в затянувшейся Третьей Мессенской войне и не могла активно противостоять действиям афинян. Поэтому можно сказать, что новый внешнеполитический курс был следствием проведения Афинами политики, направленной против Спарты как главы Пелопоннесского союза (например: [27. С. 183 слл.]). Впрочем, на сей счет высказывались и иные суждения. Главный удар афиняне направляли, возможно, не против Спарты, которая была для них слишком серьезным соперником. По мнению Д. Льюиса, их основным противником на ближайшее будущее станут коринфяне [21. С. 12 слл.]⁵. Впрочем, сводить эту войну к конфликту Афин с Коринфом и Эгиной было бы неверно [4. С. 117].

Итак, после изгнания Кимона, высланного перед этим лакедемонянами, афиняне разрывают прежний союз со Спартой и заключают союзный договор с ее давним врагом – Аргосом ([Thuc. I.102.4; Paus. I.29.9, IV.24.7]; см. также: [4.

² «Афиняне, предполагая сперва, что будет большая война с лакедемонянами за господство на море, стали строить больше триер, собирали деньги и дружески обращались с союзниками. Когда стало известно о решении лакедемонян, они освободились от страха войны и все силы направили на укрепление своего города» [Diod. XI.50.8].

³ По этой причине, полагает он, спартанцы позднее отвергнут даже предложение Мегабиза, сулившего им деньги за вторжение в Аттику.

⁴ Изгнание Кимона, по мнению Дж. де Сен-Круа, выдавало решительный настрой афинян на конфликт с пелопоннесцами ([27. С. 183–184], см. также: [3. С. 15 и сл.]).

⁵ О том же говорит и Р. Сили [26. С. 268–269].

С. 120])⁶. Возможно, тогда же афиняне в союзе с аргивянами наносят при Эное поражение лакедемонянам, вознамерившимся атаковать Аргос ([Paus. I. 15.2]; см. также: [22. С. 96; 12. С. 153, примеч. 309])⁷.

Судя по сообщению Павсания, в Афинах в так называемом Пестром портике была выставлена картина, изображавшая бой афинян с лакедемонянами у Энои ([Paus. I.15.1]; см. также: [17. С. 41–57; 11; 25. С. 21 слл.]). Рядом с ней – что символично – находились картины, изображавшие события Троянской войны, битву с амазонками и Марафонскую битву [Paus. I.15.1–3]. По-видимому, битва при Эное была поставлена в один ряд с вышеперечисленными. Аргосцы также отметили эту победу, установив в Дельфах скульптурные группы «Семеро против Фив» и «Эпигонов», возможно имевшие какую-то символическую связь с битвой при Эное ([Paus. X.10.4]; см. также: [11. С. 238; 28. С. 222]). Однако в литературе до сих пор ведутся споры как относительно датировки этого сражения, так и о его реальности⁸.

Итак, в начале конфликта, возможно, имело место столкновение Афин и Спарты. Но в дальнейшем военные действия афинян будут преимущественно направлены против ее союзников⁹. Диодор, в частности, рассказывает о победе афинян над объединенными силами Коринфа и Эпидавра [Diod. XI.78.1]. А в 459 г. до н. э. афиняне в союзе с аргивянами организовали морскую экспедицию на Пелопоннес. Афиняне высадились в Галлиях – удобной морской гавани в южной части Арголиды [Thuc. I.105.1]. Возможно, первоначально они потерпели поражение, но позднее одержали морскую победу у Кекрифалеи, острова, расположенного вблизи Эгины ([Thuc. I.105.1; Diod. XI.78.2–3]; см. также: [4. С. 123; 12. С. 152–153, примеч. 309]).

Вскоре после этого вспыхнул конфликт с Эгиной. Не исключено, что причиной этого стал ее выход из Делосской симмахии [Diod. XI.70.3–5]¹⁰. Плутарх склонен считать если не инициатором, то вдохновителем конфликта Перикла, который призвал удалить Эгину как «соринку» с глаз Пирея (Plut. Per. 8). Впрочем, другие авторы связывают ведение военных действий на Эгине с именем стратега Леократа, сына Стройба, который, несмотря на помощь эгинцам коринфян и эпидаврян, сумел довести дело до победы, захватить 70 эгинских кораблей и скрыть укрепления [Thuc. I.105.2, 108.4; Diod. XI.78.4; 10. С. 74]. В итоге эгинцы, по свидетельству Диодора, были возвращены в Делосский союз и принуждены платить

⁶ В одной из работ мы высказали сомнения в том, что выслан был именно Кимон (см.: [3. С. 23–25]). Павсаний, кстати, отмечает, что афиняне заключили союз с аргосцами, возвращаясь из-под Ифомы, откуда они были высланы по подозрению в связях с восставшими мессенцами [Paus. I.29.9]. Если с доверием отнестись к словам Павсания, роль Кимона в этом может вызвать еще большее сомнение.

⁷ В. М. Строгеецкий датирует эти события 460 г. до н. э. [4. С. 117].

⁸ Начнем с того, что битву упоминает только Павсаний [Paus. I.15.2, X.10.4], а вот Фукидид в рассказе о событиях, предшествовавших Пелопоннесской войне, о ней ничего не говорит. Это даже позволило Д. Льюису сомневаться в реальности самой битвы [20. С. 117, примеч. 77]. Кроме того, Геродот доносит до нас спартанское предание, согласно которому лакедемоняне одержали победы в пяти битвах подряд – от Платей до битвы при Танагре [об этих спартанских битвах см.: 4а, § 7], т. е. от 479-го до 457 г. до н. э. Видимо, битву при Эное следует датировать более поздним временем – после битвы при Танагре [Herod. IX.35; 17. С. 53]. Дж. Тэйлор считает ее начальным эпизодом Архидамовой войны [28]. Наконец, не все ясно с маршрутом движения афинян к Эное [17. С. 53–54]. Однако Р. Мейгтз и П. Грин с доверием относятся к сообщению Павсания [22. С. 96; 12. С. 152].

⁹ Хотя действия афинян и не приводили к столкновению с лакедемонянами, они расцениваются исследователями как направленные и против Спарты [13. С. 54].

¹⁰ Диодор датирует эти события 464/463 г. до н.э., что можно расценить как ошибку, либо считать их продолжением начавшегося ранее конфликта (см. комментарии.: [12. С. 139, примеч. 269]).

форос, однако военные действия продолжались в течение девяти месяцев ([Diod. XI.78]; см. также: [4; 12. С. 153, примеч. 310]).

После этих событий к союзу афинян и аргосцев присоединяется Фессалия [Thuc. I.102.4; Diod. XI.79.1–3]. А некоторое время спустя – возможно, в 459/458 г. до н. э. – к Афинскому морскому союзу присоединяются Мегары, конфликтовавшие с коринфянами. И вновь не может не удивлять отсутствие реакции на произошедшее со стороны Спарты, поскольку Мегары и Коринф были членами Пелопоннесского союза [21. С. 13–14]¹¹.

Когда мегаряне отложились от пелопоннессцев, коринфяне и пелопоннессцы, судя по сообщениям Фукидида и Диодора, организовали масштабную экспедицию в Мегары [Thuc. I.105.3–4; Diod. XI.79.2]. «После этого на помощь эгинцам пелопоннессцы переправили 300 гоплитов (которые раньше были на службе у коринфян и эпидаврийцев). Они захватили также горную цепь Герании, откуда коринфяне с союзниками вторглись в Мегариду. Афиняне теперь, как думали коринфяне, уже не смогут помочь мегарцам (ведь большая часть их войска находилась на Эгине и в Египте). Если же афиняне все же захотели бы выручить мегарцев, то им пришлось бы покинуть Эгину. Тем не менее афиняне не отозвали своего войска с Эгины, а набрали новый отряд (из оставшихся в городе по возрасту) и отправили его под начальством Миронида в Мегары ([Thuc. I.105.3–4, пер. Г. Стратановского, ср.: Diod. XI.79.2]; см. также: [4. С. 123–124; 12. С. 155, примеч. 314]). Диодор подчеркивает, что Миронид в ту пору был известен своей доблестью. Другим стратегом был Леократ, сын Стройба ([Diod. XI.79.1–3]; см. также: [10. С. 75–76]).

В. М. Строгеецкий называет это всеобщей мобилизацией [5. С. 182]. Возможно, к участию в военных действиях привлекли тех, кому было больше пятидесяти, либо юнцов, не достигших призывного возраста, что, видимо, было вызвано отчаянным положением афинян. Об этом эпизоде в одной из своих речей подробно рассказывает Лисий [Lys. II.48–53]. Когда коринфяне и их союзники заняли Геранию, афиняне не захотели никого отзываться обратно. «Надеясь на свое мужество и презирая наступающих врагов, люди пожилые и не достигшие еще военного возраста захотели одни начать борьбу» [Lys. II.50–51]. В итоге – «воины, потерявшие силы и еще не достигшие расцвета сил, победили в сражении все неприятельское войско...» [Lys. II.52; ср.: Diod. XI.79.3]. Итак, афиняне одерживают победу и занимают Мегары, где размещают свой гарнизон и начинают там строительство Длинных стен [Thuc. I.103.4]. А через некоторое время афиняне одерживают еще одну победу – близ местечка Кимолия [Diod. XI.79.4].

Безусловно, все это следовало расценивать как объявление Афинами войны Коринфу и, надо думать, Пелопоннесскому союзу в целом, включая Спарту. Однако лакедемоняне, как и во время разразившегося между Коринфом и Мегарами конфликта, никак не отреагировали на эти события [13. С. 55].

Столкновение между Афинами и Спартой произойдет только в 457 г. до н. э. Афиняне и их союзники – аргивяне и фессалийцы на 50 кораблях с 14 тысячами воинов двинули свои контингенты против возвращавшихся из Дориды лакедемонян [Thuc. I.107.5; Diod. XI.80.1]. Сражение произошло на территории Беотии – у Танагры.

Есть смысл сказать несколько слов о предыстории. Лакедемоняне, возглавляемые Никомедом, вели военные действия против фокидян, конфликтовавших с жителями Дориды, которых спартанцы считали близкими себе по родству.

¹¹ Д. Каган объясняет это влиянием спартанского царя Архидама, который кроме того, что имел ксенические связи с Периклом, был противником войны с Афинами [18. С. 77]. Именно поэтому, полагает он, не Архидам, а Никодем будет возглавлять спартанский контингент в битве у Танагры [Там же. С. 78].

«...Фокидяне совершили вторжение в Дориду, древнюю родину лакедемонян с городами Бзем, Китинием и Эринеем, и даже овладели одним из этих городов. Тогда лакедемоняне во главе с Никомедом, сыном Клеомброта (который правил вместо несовершеннолетнего царя Плистоанакта, сына Павсания), явились на помощь дорийцам с 1500 своих гоплитов и 10 000 союзников. Заставив фокидян пойти на соглашение и отдать город, лакедемоняне собрались в обратный путь [Thuc. I.107.2; ср.: Diod. XI.79.4–6]¹². Несомненно и то, что их целью была помощь фиванцам, а также установление контроля над дельфийским святилищем, который в ту пору находился в руках у тех же фокидян [25. С. 75 слл.].

Подробнее о причинах похода в Беотию афинян и лакедемонян мы узнаём от Диодора. Судя по его сообщению, Фивы после отражения нашествия Ксеркса утратили гегемонию в Беотийском союзе и вынуждены были обратиться за помощью к лакедемонянам [Diod. XI.81.1–3]. Последние, по мнению Р. Сили, готовы были помочь фиванцам восстановить гегемонию – не исключено, что в обмен на присоединение к Пелопоннесскому союзу [26. С. 270]. Кроме того, высказывалось предположение, что Танагра, возможно, побуждаемая Афинами, заявила о своих претензиях на лидерство в Беотийском союзе [13. С. 59, примеч. 32; 25. С. 83]¹³. Если это так, то мы находим объяснение появлению лакедемонян у Танагры, что было явным отклонением от их маршрута¹⁴.

Но накануне сражения в Афинах сложилась весьма напряженная ситуация. Фукидид рассказывает, что некоторые из афинян, стремившиеся упразднить демократию в своем полисе и приостановить строительство Длинных стен, завели тайные переговоры с лакедемонянами [Thuc. I.107.1–5]¹⁵. Если считать эту информацию подлинной, то строительство Длинных стен явилось отражением недовольства если не процессами демократизации, то усилением роли флота. Заговорщики понимали, что Длинными стенами Афины прочно привязывались к морю, следствием чего могло стать усиление низов афинского общества – фетов.

Дополнительную интригу битве при Танагре придает прибытие Кимона, ранее изгнанного из Афин по закону об остракизме. По словам Плутарха, когда «лакедемоняне, возвращаясь из Дельф, освобожденных ими от фокидян, расположились лагерем у Танагры и афиняне выступили, чтобы дать им решительный бой, Кимон в полном вооружении появился среди своих сограждан по филе Энеиде, готовый вместе с ними сражаться против лакедемонян. Однако Совет пятисот, узнав об этом, запретил военачальникам принимать его, напуганный криками недругов Кимона, утверждавших, будто тот хочет возмутить войско и ввести лакедемонян в город» [Plut. Cim. 17]. Можно предположить, что стратеги готовы были разрешить Кимону встать в строй, т. е. фактически санкционировать прекращение изгнания, и лишь вмешательство Совета 500 не позволило ему присоединиться к войску. Мы знаем, кстати, что одним из стратегов был Миронид, сын Каллия [10. С. 75]¹⁶, который вскоре громко о себе заявит.

¹² Диодор называет Никомеда сыном Клеомена, тогда как Фукидид – сыном Клеомброта [комментарии: 15. С. 169; 12. С. 156, примеч. 318].

¹³ Претензии Танагры на лидерство находят подтверждение и в нумизматическом материале [15. С. 171–172].

¹⁴ Мы благодарим П. Родса, обратившего наше внимание на этот факт.

¹⁵ Э. Бэдиан сомневается в историчности сообщаемых Фукидидом фактов [7. С. 213]. А для С. Хорнблоуэра это сообщение служит подтверждением наличия антидемократических настроений в Афинах [15. С. 170–171].

¹⁶ Кимон не стал обострять ситуацию и, по-видимому, покинул Танагру. «Кимон удалился, – продолжает Плутарх, – моля Эвтиппа из дема Анафлист и других своих товарищей, над которыми в наибольшей мере тяготело обвинение в приверженности к Спарте, твердо стоять в бою и подвигами своими оправдаться перед согражданами. А те, взяв его доспехи, поместили их посреди своего отряда, тесно сплотившись друг с другом, и сто человек их пало в ожесточенном бою, оставив в афинянах чувство глубокой скорби и раскаяния в том, что несправедливо их обвиняли» [Plut. Cim. 17].

«В битве, которая произошла при Танагре в Беотии, победу одержали лакедемоняне с союзниками (причем обе стороны понесли тяжелые потери). Потом лакедемоняне вступили в Мегариду и, опустошив поля и вырубив плодовые деревья, возвратились домой через Геранию и Истм» [Thuc. I.108.1–2].

По мнению Диодора, окончательный результат битвы остался не до конца ясным: поэтому спартанцы и афиняне затеяли спор из-за победы. С наступлением ночи они заключили четырехмесячное примирение [Diod. XI. 80.6]¹⁷.

Итак, согласно Диодору, битва закончилась кратковременным перемирием. А если принять версию Фукидида, победа досталась лакедемонянам, правда ценой значительных потерь¹⁸. Быть может, поэтому спартанцы вновь не выказывали особого желания продолжать военные действия против афинян и развивать свой успех. Впрочем, сдерживающим фактором могло быть и перемирие, если оно действительно имело место и было заключено сразу после битвы. А вот в этом у нас есть основания сомневаться. Не исключено, что некое кратковременное перемирие – результат путаницы, связанной с заключением впоследствии так называемого Пятилетнего мира, о чем мы скажем ниже¹⁹.

Противоречит версии о перемирии и то, что афиняне не смирились со своим поражением. Шестьдесят два дня спустя афинский стратег Миронид взял реванш за недавнее поражение, одержав победу при Энофитах и подчинив практически всю Беотию [4. С. 127]. Подробности этой экспедиции мы узнаем от Диодора: «Афиняне, стремясь нарушить замысел лакедемонян, собрали значительное войско и избрали стратегом Миронида, сына Каллия. Он, собрав среди граждан воинов, сообщил им день, в который намеревался выступить из города. Когда назначенный день наступил и некоторые воины не прибыли вовремя, он взял тех, которые собрались к намеченному сроку, и выступил в Беотию. Некоторые начальники и друзья советовали ему подождать тех, кто задержался. Миронид же, будучи проницательным и решительным стратегом, отказался ждать, заявив, что поскольку они самовольно опоздали к моменту выступления, то и в битве себя будут вести подло и трусливо, поэтому еще большая возникает опасность для родины, а те, которые пришли к назначенному сроку, и в битве строй не оставят, что

17]. В биографии Перикла упомянутые события описываются несколько иначе. «Тем временем спартанцы с большим войском сделали вторжение в Танагрскую область; афиняне тотчас собрались в поход против них. Кимон вернулся из ссылки и выступил в одном отряде с членами своей филы: он хотел делом снять с себя обвинение в приверженности к спартанцам, деля опасности с согражданами. Но друзья Перикла собрались и прогнали его как высланного. Вот почему, по видимому, Перикл в этой битве сражался особенно храбро, не щадя жизни, и отличился перед всеми. В этом сражении пали и все до единого Кимоновы друзья, которых Перикл обвинял вместе с Кимоном в приверженности к спартанцам» [Plut. Per. 10]. Здесь очевидно выпячивание роли Перикла, не допустившего возвращения Кимона. Если соотнести два приведенных отрывка, то следует предположить, что приверженцы Перикла (а возможно, и он сам) были членами Совета 500, которые выступили против возвращения Кимона. Правда, Р. Сили считает эту информацию недостоверной именно потому, что Совет 500, по его мнению, не мог вмешиваться в дела стратегов [26. С. 275]. Определенно в данном случае лишь то, что Перикл, скорее всего, участвовал в битве, хотя мы не знаем, был ли он тогда стратегом. Р. Девелин, впрочем, допускает, что Перикл и в этом году мог быть избран стратегом [10. С. 76].

¹⁷ Некоторые древние авторы отмечают, что после этих событий афиняне, опасавшиеся активизации военных действий, отозвали из ссылки Кимона, который должен был содействовать заключению мирного договора со Спартой [например: историк Феопомп, FgrHist 115 F 88; Plut. Cim. 17.6, Plut. Per. 10.3–4; Nep. Cim. 3.3; Andoc. III. 3]. Однако, даже если предположить факт досрочного возвращения Кимона, его статус (atimos), полагает П. Грин, исключал возможность личного участия в подобных делах [12. С. 158, примеч. 323]. И. Е. Суриков полагает, что Кимон был возвращен из ссылки в 457 г. до н. э. [6. С. 137].

¹⁸ «Соперничество тех и других было так велико, что с обеих сторон было много убитых» [Diod. XI.80.6].

¹⁹ Допускает это и В. М. Строгоцкий [4. С. 127].

и случилось в действительности» [Diod. XI.81.4–5]²⁰. А затем, «пройдя по всей Беотии, он разорил и опустошил ее территорию и, разделив всю добычу между воинами, всех обеспечил большими богатствами» [Diod. XI.81.5]²¹. Укрепления Танагры были срыты, Беотийский союз распущен, а в Фивах, возможно, установлен демократический режим [23. С. 58]. Аристотель замечает, что «демократия была упразднена в Фивах, когда там после битвы при Энофитах государственные порядки пришли в расстройство» [Arist. Pol. V.1302b29].

Следующий год (456-й) стал удачным для другого афинского стратега – Толмида. «В это время Толмид, поставленный во главе флота, – пишет Диодор, – соревнуясь с Миронидом в доблести и славе, стремился совершить нечто значительное. Поскольку никто прежде не совершал нападения на Лаконику, Толмид призвал демос опустошить территорию спартиатов. И обещал с помощью 1000 гоплитов, которыми собирался укомплектовать триеры, разорить Лаконику и лишить спартиатов их славы» [Diod. XI.84.2–3]. Афиняне, по словам Диодора, согласились с этим²², после чего Толмид начал уговаривать наиболее крепких молодых людей записываться добровольно, а не идти служить согласно набору [Diod. XI.84.4]. Благодаря этой уловке, ему удалось набрать отряд численностью свыше трех тысяч человек, из которых он уже выбрал требуемую тысячу гоплитов [Diod. XI.84.5].

С пятьюдесятью триерами и четырьмя тысячами гоплитов Толмид поплыл в Мефону, расположенную в Мессении, затем спалил расположенные в Гитие лакедемонские корабельные верфи и опустошил окрестную территорию [Diod. XI.84.6]²³. Затем он подчинил города в Кефаллении и, переправившись на другой берег, с ходу захватил Навпакт, куда поселил мессенцев, освобожденных лакедемонянами по окончании Третьей Мессенской войны [Diod. XI.84.7]²⁴.

Это было явным успехом афинян. Впрочем, упомянутые события имели и другую сторону. Завершив войну с мессенцами, спартанцы развязали себе руки и вновь стали представлять серьезную угрозу для афинян. Уже одно это могло кардинально изменить ситуацию в Греции. Но события стали развиваться еще более стремительно и не столь благоприятно для Афин.

Вообще, начало пятидесятых было временем наиболее впечатляющих побед афинян как в Греции, так и за ее пределами. И это особенно встревожило персов, направивших в Лакедемон Мегабаза, который должен был с помощью денег склонить пелопоннесцев к вторжению в Аттику. Однако, судя по сообщению Фукидида, эта миссия окончилась неудачей и Мегабаз лишь зря потратил деньги [Thuc. I.109.2]²⁵. О неудаче этой миссии рассказывает и Диодор, который, впро-

²⁰ Этот рассказ раскрывает механизм набора воинов «по каталогу» [ek katalogou]. Надо думать, что в ходе подобного набора первыми должны были выступать представители высших классов Солоновой классификации. Об особенностях военного набора в Афинах (см.: [8. С. 398–422]).

²¹ Диодор превозносит Миронида и ставит его в один ряд с Фемистоклом, Мильтиадом и Кимоном. «Кажется, что это сражение превзошло все то, что было ранее совершено афинянами – замечает он, – ибо битва при Марафоне, победа над персами при Платеях и другие знаменитые деяния афинян уступают той битве, в которой Миронид победил беотийцев» [Diod. XI.82.1]. Историк сокрушается, что ни один из его предшественников не оценил совершенного Миронидом: «Хотя эта битва, – продолжает он, – оказалась столь знаменитой, тем не менее никто из историков не описал ни способа ее проведения, ни расстановку сил» ([Diod. XI. 82. 4]; см. также: [23. С. 58]).

²² Речь, по-видимому, идет о народном собрании, на котором обсуждался этот вопрос.

²³ П. Грин полагает, что речь шла не о мессенской Мефоне, а о Метане, интерес к которой проявляли аргосцы [12. С. 163, примеч. 340].

²⁴ Д. Льюис склонен доверять сообщению и датировке Диодора [21. С. 20].

²⁵ С. Хорнблauer резонно замечает в этой связи, что лакедемоняне еще не были готовы к тому, о чем накануне войны с Афинами скажет Архидам: «Я советую только пока не браться за оружие, а сначала отправить послов с жалобами, не угрожая открыто войной, но и не проявляя готовности пойти на уступки. А тем временем самим нам следует готовиться к войне, привлекая союз-

чем, относит данные события к 461/460 г. до н. э., что вряд ли может быть принято [Diod. XI.74]. Он добавляет к сказанному Фукидидом некоторые любопытные детали: «Лакедемоняне денег не приняли и вообще отказались разговаривать с послами персов» ([Diod. XI.74.6]; также см. комментарии к данному месту: [12. С. 146, примеч. 287])²⁶.

Но затем ситуация кардинально изменяется. Вначале – в 455/454 г. до н. э. неудачу в Фессалии терпит Миронид [Thuc. I.111.1]. По сообщению Фукидида, афиняне попытались вернуть на родину изгнанного из Фарсала Ореста – сына фессалийского царя Эхекратида²⁷. После этого в морскую экспедицию отправляется Перикл, взявший с собой тысячу воинов. Вначале ему сопутствует успех и он разбивает сикионцев в сухопутном сражении [Thuc. I.111.2], но затем, взяв в качестве подкрепления ахейцев, терпит неудачу в Акарнании, не сумев захватить Эниады [Thuc. I.111.2; Diod. XI.88.1–2]²⁸.

Другими словами, в конфликте с Пелопоннесским союзом наметился неблагоприятный поворот, угрожавший ослаблением афинян. Вот тогда-то и было решено заключить пятилетний мир со Спартой. «Афиняне, – рассказывает Фукидид, – прекратили войну в Элладе и под предводительством Кимона пошли в поход на Кипр» [Thuc. I.112.2]. Впрочем, дело могло быть еще и в возвращении из ссылки лаконофила Кимона, который и стал инициатором заключения перемирия со спартанцами ([Diod. XI.86.1]; см. также: [12. С. 165, примеч. 351]). Хотя Диодор датирует перемирие 454/453 г. до н. э., в действительности оно было заключено, скорее всего, в 451 г. до н. э. (см.: [12. С. 165, примеч. 351; 15. С. 179]).

Исследователи отмечают, что заключение мира создавало кризисную ситуацию внутри Афинского морского союза. И действительно, теперь отпадала необходимость в организации, созданной для продолжения борьбы с Персией. Однако афиняне не собирались распускать союз, который эволюционировал в Афинскую архэ. Последнее не могло не вызвать недовольства союзников, не желавших выплачивать взносы в союзную казну ([22. С. 152 слл.]; см. также: [26. С. 282 слл.]).

В это же время между Афинами и Спартой имел место заочный обмен ударами – так называемая Вторая Священная война. Согласно Фукидиду, в 449 г. до н. э. спартанцы вели военные действия против фокидян. Они отняли у них контроль над святилищем Аполлона и передали его дельфийцам [Thuc. I.112.5]. Од-

никами как эллинов, так и варваров, чтобы получить откуда-нибудь помощь кораблями или деньгами. Ведь людям в нашем положении, стоящим перед такой угрозой со стороны афинян, нельзя поставить в упрек, что они принимают помощь не только от эллинов, но и от варваров. А тем временем и мы успеем закончить наши военные приготовления» ([Thuc. I.82.1]; см. также: [15. С. 175]).

²⁶ В. М. Строгоцкий считает, что посольство прибыло в Лакедемон незадолго до битвы у Таннагры [4. С. 129]. Не исключено также, что спартанцы все же взяли деньги. Судя по сообщениям афинских ораторов, их привез в Лакедемон некий Артмий из Зелеи, за что подвергся атимии в Афинах [Dem. IX.41, XIX.271; Aesch. III. 258].

²⁷ «Изгнанный из Фессалии Орест, сын фессалийского царя Эхекратида, убедил афинян вернуть его на родину. Афиняне вместе с беотийцами и фокидянами (бывшими тогда их союзниками) выступили в поход на Фарсал в Фессалии. Они захватили небольшую часть вражеской земли, именно столько, чтобы при этом не слишком удаляться от своего лагеря (ибо фессалийская конница их постоянно тревожила). Взять же город афиняне не смогли. Вообще, поход постигла неудача, и, ничего не добившись, афинянам пришлось возвратиться назад вместе с Орестом» ([Thuc. I.111.1]; см. также: [16. С. 97]).

²⁸ Судя по сообщению Диодора, экспедиция Перикла была успешной, несмотря на неудачную попытку взятия Эниад [12. С. 169, примеч. 362]. После этого он отправляется к Херсонесу Фракийскому, на территории которого, судя по сообщению Диодора, возникла афинская клерухия [Diod. XI.88.3]. В то же самое время Толмид основал еще одну клерухию – на Наксосе [Diod. XI.88.3].

нако после того, как спартанцы удалились, сюда пришли афиняне и возвратили дельфийский храм фокидянам²⁹.

Именно в эти годы Перикл превратился в одного из самых влиятельных лидеров Афин – в демагога, в трактовке Аристотеля [Arist. Ath. Pol. 27.1]. Его выдвижение на первый план сказалось и на внешней политике Афин. Перикл, по-видимому, оппонировал тем, кто наиболее прославился во время конфликта с Пелопоннесским союзом – в частности, Мирониду и Толмиду. Поэтому резонно было бы ожидать определенного снижения военной активности со стороны Афин. Этому немало поспособствовала гибель в Беотии одного из активных участников конфликта с пелопоннесцами – Толмида. Его смерть, как мы полагаем, стала тем важным обстоятельством, которое выдвинуло Перикла на первый план афинской политики. Утихли военные действия, однако это никак не сказалось на значении самой должности стратега, которая продолжала оставаться ключевой.

Предыстория этих событий такова. В 447-м или в начале 446 г. до н. э. в Беотии произошли кардинальные перемены, повлекшие за собой ослабление там позиций Афин. Спустя какое-то время беотийские изгнанники захватили Орхомен, Херонею и ряд других пунктов Беотии. Афиняне выставили тысячу своих гоплитов и отдельные отряды союзников против этих городов. Стратегом был Толмид, сын Толмея ([Thuc. I.113.1]; см. также: [4. С. 151]).

«Как стратег, Перикл славился больше всего своею осторожностью: он добровольно не вступал в сражение, если оно было опасно и исход его был сомнителен; тем военачальникам, которые рискованным путем получали блестящий успех и возбуждали общий восторг как великие полководцы, он не подражал и не ставил их себе в образец; он неизменно говорил согражданам, что, насколько от него зависит, они навсегда останутся бессмертны. Так, он увидел, что Толмид, сын Толмея, полагаясь на прежние успехи и ввиду необыкновенного почета за свои военные подвиги, в совсем не подходящий момент предпринимает вторжение в Беотию. Он уже успел склонить самых храбрых и честолюбивых юношей принять участие в походе в качестве добровольцев; их было тысяча человек, не считая остального войска. Перикл старался удержать его от этого предприятия и отговорить в Народном собрании...» [Plut. Per. 18]. Впрочем, ни Плутарх, ни сам Перикл не уточняют, в чем именно состояли упоминаемые здесь неблагоприятные обстоятельства. Можно, впрочем, предположить, что речь идет о стремлении сохранить некую стабильность в Греции в связи с перемирием со Спартой.

Несмотря на противодействие Перикла, Толмиду удалось провести свое решение, и афиняне отправили его в Беотию с набранным из молодых людей отрядом добровольцев – с тысячей гоплитов и какими-то отрядами союзников. Работа Перикла подтвердилась уже через несколько дней. Афинянам удалось взять лишь Херонею, обратив ее жителей в рабство и поставив там гарнизон [Thuc. I.113.1], а вот в битве при Коронее афиняне были наголову разбиты, Толмид и многие славные граждане погибли [Plut. Per. 18, ср.: Diod. XII.6.1–2]. Очевидно, что в ходе операции погибли преимущественно знатные афиняне – *agathoi*, как сообщает Плутарх. В обмен на пленных и тела павших воинов афиняне вынуждены были заключить договор с беотийцами, по которому они отказывались от своих притязаний на Беотию [Thuc. I.113.2–3].

На этом военные неудачи афинян не заканчиваются. 446 г. до н. э. будет насыщен неприятными для них событиями. Причем всплеск неудач совпадает со временем завершения пятилетнего перемирия со Спартой. Спартанцы, надо думать, времени зря не теряли.

²⁹ В этой связи любопытно, что афиняне вновь выступили на стороне фокидян. В первый раз они оказались их вольными или невольными союзниками в 457 г. до н. э. – во время битвы при Танагре. Тогда лакедемоняне конфликтовали с фокидянами, оказывая поддержку жителям Дориды.

В этом году происходит восстание на о. Эвбея ([Thuc. I.114.1; Plut. Per. 22]; см. также: [26. С. 291; 4. С. 152 сл.])³⁰. На подавление восстания на остров был направлен Перикл. Но, как только он переправился туда, было получено известие о восстании в Мегарах. Восставшие, призвав на помощь коринфян, сикионян и эпидаврян, уничтожили афинский гарнизон за исключением тех, кто укрылся в Нисее [Thuc. I.114.1–2]. По сообщению Диодора, мегаряне заключили соглашение с лакедемонянами [Diod. XII.5.2], частью которого, возможно, была договоренность о вторжении Плистоанакта в Аттику. Несмотря на это, афиняне отправляют в Мегары войско, которое, по словам сицилийского историка, одержало победу над восставшими, разграбив попутно территорию мегарян [Там же]. Однако не исключено, что события развивались для афинян не столь успешно³¹.

За этими событиями последовало вторжение в Аттику лакедемонян. «Тотчас после этого, – рассказывает Плутарх, – пришло известие о том, что Мегара стала во враждебные отношения к Афинам и что пелопоннесская армия под командой спартанского царя Плистоанакта стоит у границ Аттики. Перикл поспешно вернулся с Эвбеи, чтобы вести войну в Аттике. Вступить в сражение с большим храбрым войском гоплитов Перикл не осмелился, несмотря на их вызов. Но он заметил, что Плистоанакт, еще совсем молодой человек, пользуется советами главным образом Клеандрида, которого эфоры, ввиду молодости Плистоанакта, назначили наблюдателем и помощником. Перикл вошел с ним в тайные переговоры, в скором времени подкупил его и уговорил увести пелопоннесцев из Аттики. Когда войско отступило и было распущено по городам, раздраженные спартанцы наложили на царя большой денежный штраф, которого он не мог уплатить, а потому добровольно удалился из Спарты; а Клеандрид бежал из отечества и был приговорен к смертной казни» ([Plut. Per. 22]; см. также: [22. С. 178; 4. С. 152–153])³².

Плистоанакт, по словам Фукидида, дошел до Элевсина и Фрии, опустошив тамошние поля, но дальше пелопоннесцы не пошли [Thuc. I. 114. 2, ср. у него же: II. 21. 1]. Тогда Перикл с войском вновь переправился на Эвбею и покорили весь остров. «Итак, Перикл опять обратился против повстанцев и, прибыв на Эвбею на пятидесяти кораблях с пятью тысячами гоплитов, привел города к покорности. Из Халкиды он изгнал так называемых «гиппоботов», богачей, пользовавшихся особенной славой, жителей Гестиеи заставил всех выселиться из своей области и на место их поселил афинян: так непреклонен был он только к ним за то, что они, захватив афинский корабль, перебили всех бывших на нем людей» [Plut. Per. 23; Thuc. I.114.3].

Возвратившись домой, афиняне принимают решение заключить с Пелопоннесским союзом так называемый Тридцатилетний мир, условием которого был отказ афинян от Мегариды, Трезены и Ахайи ([Thuc. I.115.1; Andoc. III.6]; см. также: [4. С. 156–157])³³. Так заканчиваются длительные военные действия, оказавшие значительное влияние не только на Афины и Спарту, но и на всю Грецию.

И что же в итоге? Спартацы, вяло проведя дебютную часть партии, в ходе всего конфликта не выказывали никакого желания ввязываться в серьезный кон-

³⁰ Восстание могла спровоцировать и ранее выведенная Толмидом на о. Эвбея афинская клирухия ([Thuc. I.97.2]; см. также: [15. С. 184]).

³¹ Одна из надписей содержит информацию об афинском контингенте, выведенном из Мегар. Этот контингент, возглавлявшийся стратегом Андокидом, включал представителей трех фил ([Meiggs & Lewis № 51]; см. также: [22. С. 177 слл.]).

³² Во всем этом, возможно, ощущается отголосок усилившихся к концу конфликта с Афинами агрессивных настроений со стороны спартанцев [15. С. 186].

³³ Дед оратора Андокида был одним из тех, кто принимал участие в заключении этого договора [Andoc. III.6]. Кроме него авторами договора, по словам Диодора, были Каллий и Харес [Diod. XII.7].

фликт с Афинами. Хотя они заметно оживились в эндшпиле, но и тут повели себя осторожнее, чем позволяла ситуация. В этом смысле исследуемые нами события вряд ли могут быть названы репетицией будущей Пелопоннесской войны – по крайней мере, со стороны Спарты. Быть может, после Третьей Мессенской войны лакедемонян если не пугала, то крайне беспокоила перспектива масштабного столкновения с таким сильным оппонентом, как Афинский морской союз. И эту позицию они сохраняют вплоть до начала Пелопоннесской войны. Достаточно упомянуть спартанского царя Архидама, решительно выступавшего против втягивания в конфликт с Афинами [2]. К этому можно добавить и часто звучавшие упреки пелопоннесских союзников в бездействии и медлительности лакедемонян³⁴.

А вот афиняне – или, лучше сказать Перикл, – изменяют свою позицию. Если ранее, по словам Плутарха, он славился своей осторожностью [Plut. Per. 18], то накануне Пелопоннесской войны повел себя более агрессивно и даже дерзко. Именно он будет склонять афинян начать войну с лакедемонянами, предрекая ее успешное завершение [1]. Итог ее, как известно, оказался совершенно иным.

Источники

- Aesch. – Эсхин. Против Ктесифонта о венке / пер. М. Гаспарова // Ораторы Греции. – М., 1985.
- Andoc. – Андокид. Речи / пер. Э. Д. Фролова. – СПб., 1996.
- Arist. Ath. Pol. – Аристотель. Афинская полития / пер. С. Радцига. – М.; Л., 1936.
- Arist. Pol. – Аристотель. Политика / пер. С. Жебелёва // Аристотель. Сочинения. – М., 1984. – Т. 4.
- Dem. – Демосфен. Речи. – М., 1996. – Т. 3.
- Diod. – Диодор. Историческая библиотека. Перевод и комментарии отдельных глав XI–XII книг / пер. В. М. Строгеецкого // Строгеецкий В. М. Полис и империя в классической Греции. – Н. Новгород, 1991. – С. 190–217.
- FgrHist – Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. – Berlin : Leiden, 1923–1958.
- Lys. – Лисий. Речи / пер. С. И. Соболевского. – М., 1994.
- Meiggs & Lewis – Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C. : Revised edition. – Oxford, 1989.
- Paus. – Павсаний. Описание Эллады / пер. С. П. Кондратьева. – М., 1994. – Т. 1–2.
- Plut. – Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 2 т. – М., 1994. – Кимон / пер. В. В. Петуховой; Перикл / пер. С. И. Соболевского.
- Thuc. – Фукидид. История / пер. Г. Стратановского. – М., 1981.

Литература

1. Гушин В. Р. Перикл и начало Пелопоннесской войны // Para bellum. – 2002. – Вып. 15. – С. 5–19.
2. Гушин В. Р. Архидам и начало Пелопоннесской войны // Исседон : альманах по древней истории и культуре. – Екатеринбург, 2002. – Т. 1. – С. 53–62.
3. Гушин В. Р. Остракизм Кимона // Cathedra : исторический альманах. – 2007. – Вып. 2–3. – С. 15–29.
- 3а. Зайков А. В. Роль чужаков в спартанской политике: случай с Тисаменом Элидским // История : электронный научно-образовательный журнал. – 2012. – Вып. 8 (16). – URL: <http://history.jes.su/s207987840000451-5-1>
4. Строгеецкий В. М. Полис и империя в классической Греции. – Н. Новгород, 1991.
5. Строгеецкий В. М. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. (478–431 гг. до н. э.). – СПб., 2008.
6. Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. – М., 2006.

³⁴ С резкими упреками в адрес лакедемонян выступили накануне войны коринфяне [Thuc. I.70.2–9]. Они склонны были обвинять лакедемонян в отсутствии мужества (anandria) и даже трусости (см.: [9. С. 40]).

7. Badian E. From Plataea to Potidaea. – Baltimore, 1993.
8. Christ M. Conscription of hoplites in Classical Athens // *Classical Quarterly*. – 2001. – Vol. 51, № 2. – P. 398–422.
9. Connor W. R. Thucydides. – Princeton, NJ., 1984.
10. Develin R. Athenian Officials. 684–321 B. C. – Cambridge, 1989.
11. Develin B. The Battle of Oinoe Meets Ockham's Razor? // *Zeitschrift für Papyrology and Epigraphik*. – 1993. – Bd. 99. – P. 235–240.
12. Green P. Diodorus Siculus. Book 11–12.37.1. Greek History 480–431 B.C. The Alternative Version. Translated with Introduction and Commentary. – Austin, 2006.
13. Holladay A. J. Sparta's role in the first Peloponnesian War // *Journal of the Hellenic Studies*. – 1977. – Vol. 97. – P. 54–63.
14. Holladay A. J. Sparta and the First Peloponnesian War // *Journal of the Hellenic Studies*. – 1985. – Vol. 105. – P. 161–162.
15. Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. 1. – Oxford, 1991.
16. Hornblower S. The Greek World. 479–323 B. C. – London, 2002.
17. Jeffery L. H. The Battle of Oinoe in the Stoa Poikile: A Problem in Greek Art and History // *Annual of the British School of Athens*. – 1965. – Vol. 60. – P. 41–57.
18. Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War. – Ithaca & N.Y., 1989.
19. Kagan D. Pericles of Athens and the Birth of Democracy. – N.Y., 1991.
20. Lewis D. M. Mainland Greece, 479–451 B. C. // *The Cambridge Ancient History*. – Vol. V. – Cambridge, 1992. – P. 96–120. (Русский перевод: Кембриджская история древнего мира. Т. V : Пятый век до нашей эры / пер. А. В. Зайкова. – М., 2014. – С. 129–195).
21. Lewis D. M. Selected Papers in Greek and Near Eastern History. – Cambridge, 1997.
22. Meiggs R. The Athenian Empire. – Oxford, 1972.
23. Podlecki A. J. Pericles and his circle. – London, 1998.
24. Salmon J. Wealthy Corinth: A History of the City to 338 B. C. – Oxford, 1984.
25. Schreiner J. H. Hellanikos, Thucydides and the era of Kimon. – Aarhus, 1997.
26. Sealey R. A History of the Greek City – States. 700–338 B. C. – Berkeley & Los Angeles, 1976.
27. Ste Croix G. E. M., de. The Origins of the Peloponnesian War. – London, 1972.
28. Taylor J. G. Oinoe and the Painted Stoa: Ancient and Modern Misunderstandings? // *American Journal of Philology*. – 1998. – Vol. 119, № 2. – P. 222–243.

|| Мир культуры:
субъекты, институты, практики

УДК 811.161.1:316.77

Борисова Ирина Николаевна

д-р филол. наук, профессор, завкафедрой русского и иностранных языков, руководитель Центра социокультурной адаптации мигрантов, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: myirena@list.ru

Borisova Irena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor, Head of Russian and Foreign Languages Department, Director of Migrants' Social and Cultural Adaptation Center, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**КОНЦЕПТ «СКРОМНОСТЬ»
В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ
СОЗНАНИИ¹**

**THE CONCEPT OF «MODESTY»
IN RUSSIAN LANGUAGE
CONSCIOUSNESS**

Аннотация

В статье дается систематическое описание *скромности* как регулятивного ценностного концепта. На основе анализа данных русских словарей и повседневной коммуникативной практики доказывается высокая степень концептуализации категории *скромность* в русской лингвокультуре; обосновывается ее интерпретация как коммуникативной константы; формулируются коммуникативно-прагматические принципы ее речеповеденческой реализации в русской коммуникативной практике.

Ключевые слова: языковое сознание; коммуникативная культура; концепт; скромность; коммуникативная константа; коммуникативное поведение.

Abstract

The article provides a systematic description of «modesty» category as a regulative axiological concept and interprets it as a communicative constant. Based on the analysis of Russian dictionaries data and social communicative practices the high extent of «modesty» category's conceptualization in Russian linguistic culture has been proved. The pragmatic principles of the category's realization in the Russian communicative practice are also formulated.

Keywords: language consciousness; communicative culture; concept; modesty; communicative constant; communicative behaviour.

Развитие исследований в области аксиологической лингвистики, дающих возможность выявить коммуникативные константы культуры, характеризуется научной парадигмой, в которой «сосюрская дихотомия “язык – речь” сменяется противопоставлением языкового сознания и коммуникативного поведения» [5. С. 13]. Национальные культурные ценности закрепляются в установках коммуникативной культуры и в способах их речевой реализации. «К основным ценностям русского этноса могут быть отнесены, к примеру, такие, как соборность или общинность бытия, историческая терпеливость и оптимизм, доброта и всепрощение, скромность, бескорыстие, второстепенность материального, гостеприимство, любовь к большому пространству и дикой природе и нек. др.» [15. С. 20].

Ценностные концепты, находящие отражение в этических оценках и регулирующие отношения и поведение людей в социуме, обладают особой значимостью в картине мира каждого народа: «в основе этих концептов лежат различные смысло-жизненные ориентиры, выступающие в качестве базовых координат бытия» [5. С. 16]. Через них осуществляется координация языкового сознания и коммуникативного поведения. К таким культурным константам, характеризующим образ мысли, поведения и образ жизни индивида, относится и *скромность* – социально-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Соглашение № 14-01-00398а, проект «Прагматические и лингвокультурологические константы неформального русского общения».

этический регулятив, «содержание которого сводится к признанию приоритета общества по отношению к индивидууму» и означает «осознанное стремление и умение человека не выдвигать себя в центр внимания, сохраняя самоуважение» [9. С. 3].

Как коммуникативная константа и компонент русского коммуникативного идеала *скромность* базируется на одноименном этическом концепте, который является фрагментом русской ценностной картины мира.

1. Концепт *скромность* в историко-культурной ретроспективе

Формирование русского этического концепта *скромность* как конститuentы русского коммуникативного и риторического идеала исторически происходило в русле общекультурных тенденций. В процессе исторического развития концепт *скромность* испытал влияние соборной древнерусской общинной народной культуры, христианской культуры с ее идеалами смирения, терпения и прощения, а также светской дворянской элитарной культуры с ее куртуазностью, повышенным вниманием к этикету, вежливости. Кстати, в психологической интерпретации *скромность* как черта вполне согласуется и с определением русского национального характера как интровертивного с этической доминантой [6].

Образ скромного и обычного – «простого»² – человека в русской художественной культуре и идеологии отмечен особой значимостью: он являлся предметом пристального внимания выдающихся русских писателей, а в тоталитарную эпоху разрабатывался как идеологема [10] советского образа жизни, претерпев переоценку в посттоталитарный период перестройки под влиянием стандартов индивидуалистской англосаксонской культуры, стихийно внедряющихся вместе с принципами рыночной экономики. *Скромный* в его контекстном синонимическом репрезентанте *простой* до настоящего времени имеет высокую частотность среди качеств самохарактеристики русских [3. С. 130–151].

В русской литературе XIX в. образ «простого»³ человека приобретает новые смысловые, эмоционально-оценочные и этические приращения благодаря образам «маленьких» людей, созданных в творчестве А. С. Пушкина (Самсон Вырин из «Станционного смотрителя»), Н. В. Гоголя (Акакий Акакиевич в «Шинели» и др.) и «униженных и оскорбленных» Ф. М. Достоевского (Макар Девушкин в «Бедных людях» и др.).

Гендерная интерпретация русской скромности получила художественное воплощение в образах тургеневских девушек с этической доминантой скромности, способности к безграничной любви и самопожертвованию. Характеризатор «тургеневская девушка» стал нарицательным. Ср. фрагмент речи ведущей Лолиты Милявской из ток-шоу «Без комплексов» на телеканале ОРТ: [Лолита, жен., 42] *А вот вы / извините / вы совсем вот так вот скромно... э... так вот приинкли / как тургеневская девушка*» [НКРЯ].

² Идеографическая синонимия прилагательных *скромный* и *простой* зафиксирована в словарях синонимов: ср. в «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи»: СКРОМНЫЙ, бесхитростный, немудрый, непритязательный, неприхотливый, нехитрый, простой, разг. простецкий; СКРОМНОСТЬ, безыскусность, бесхитростность, непритязательность, неприхотливость, простота [СТСРЯ]. Это подтверждается данными И. С. Просвириной о высокой частотности синонима *простой* к слову *скромный* [13. С. 53]. Качество *простой* как контекстный синоним к определению скромного человека в значении «обычный, рядовой, не выдающийся, как все» используется в значении: «6. Ничем не выделяющийся из остальных, самый обыкновенный, обыденный», получая дополнительные смыслы от ЛСВ-4 (простой в коммуникации) «4. Добродушный, не церемонный. || Бесхитростный, простодушный; добрый и щедрый (разг. и обл.)» и ЛСВ-5 (интеллектуально несложный): «5. Глуповатый, недалекий по уму (разг.)» [ТСЕ].

³ Здесь: простой – в функции относительного прилагательного: «7. только полн. формы. Принадлежащий к непривилегированному классу, сословию (дореволюц.; первонач. недворянский) [ТСЕ].

В тоталитарную эпоху смысловые и оценочные доминанты концепта *скромность* деформировались в идеологеме «простой советский человек». Скромность как черта личности в советское время подвергается идеологизации и фиксируется как социально и идеологически облигаторное качество образцового советского человека в п. 7. «Морального кодекса строителя коммунизма»: «7. Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни» [12]. Традиция идеологической интерпретации образа заложена уже в учебниках по истории для младших классов, в которых вождь пролетарской революции В. И. Ленин мифологизирован как квинтэссенция «простого человека».

Вот фрагмент воспоминаний современницы вождя врача Е. А. Нечкиной из Полного собрания сочинений В. И. Ленина, написанный в стереотипном для советского времени идеологическом ключе: «Меня часто спрашивают: каким был Ильич? Не задумываясь, я всякий раз отвечаю: простым и скромным»; «Навечно остались в моей памяти встречи с Владимиром Ильичом, его светлый образ, душевная простота» [1. С. 244]. Или фрагмент из воспоминаний С. К. Гиля «Шесть лет с Лениным»: «Владимир Ильич был категорически против личной охраны, торжественных встреч и всяческих чествований. Он никогда и ничем не выделялся из толпы, одевался чрезвычайно скромно, в обращении с сотрудниками и подчиненными был естественно прост. <...> – До чего прост, до чего добр! – говорили ходоки. – Вот это – человек! – Мне неоднократно приходилось наблюдать, как тихо и незаметно появлялся Владимир Ильич на многолюдных митингах, как скромно пробирался он на сцену или подмостки, хотя уже через минуту тысячи рук восторженно аплодировали ему, узнав, кто этот небольшого роста человек в старомодном пальто и обыкновенной кепке» [2].

Навязанный советской идеологией образ Ленина многократно растиражирован впоследствии литературой соцреализма. Ср.: *Ленин прост – как материя, / как материя – сложен* (А. Вознесенский. Лонжюмо); *Ленин, внешне, весь в словах, как рыба в чешуе. Был он прост и прям, как всё, что говорилось им. Героизм его почти совершенно лишён внешнего блеска, его героизм – это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигент-революционера* (М. Горький. Очерк «В. И. Ленин»); *Глядел скромней из самых скромных. / Застенчивый, простой и милый, / Он вроде сфинкса предо мной. / Я не пойму, какою силой / Сумел потрясть он шар земной? / Но он потряс...* (С. Есенин. Гуляй-поле).

Фразеологический характеризатор *простой как Ленин* в функции положительной оценки человека используется и в постсоветскую эпоху: *Простой, как Ленин, – так характеризует Зубкова Виктор Павлович. – Но мы с ним только по соседски общались, не более.* Это же речение, но уже в ироническом употреблении, вынесено автором в заголовок цитируемой статьи: «Простой, как Ленин. “МК в Питере” нашел семейное гнездышко и гараж Зубковых–Сердюковых» [14].

Заданные идеологией и официальной пропагандой стандарты были впоследствии отшлифованы советской литературой в русле кампании «Сталин – это Ленин сегодня», или «Сталин – простой великий человек»: для иллюстрации достаточно отзыва известного грузинского режиссера Михаила Чиаурели из сборника «Встречи со Сталиным» (1939), который писал о «необычайной, без тени снисходительности, простоте Сталина» [16].

В посттоталитарную эпоху образ простого человека деформировался в образ «совка», за которым скрывается, по мнению Л. Гудкова, типаж определенного социального человека с синдромом социальной недееспособности и комплексом жертвы [3. С. 53].

В настоящее время концепт *скромность*, как и вся русская концептосфера, испытывает деформирующее воздействие англосаксонской культуры. Вместе с

заимствованием новых жанровых форм и коммуникативных событий (русские версии американских сериалов, ток-шоу, реалити-шоу; презентация; резюме и под.) происходит проникновение инокультурных коммуникативных стратегий самопрезентации в различные сферы общения. Так, стремление занять вакантную должность в конкурентной ситуации трудоустройства порождает необходимость при самопрезентации собственных достижений («манеры, в которой личность заявляет о своих достоинствах, достижениях» [15. С. 110]) стратегии саморекламы, для русского коммуникативного сознания находящейся за рамками концепта *скромность*: *Скромный человек сам свои заслуги не оценивает* [СД]. Ср. сопоставительные наблюдения И. А. Стернина: «В русском коммуникативном поведении самопрезентация достижений носит сдержанный характер. В США принято прибегать к агрессивной самопрезентации – *я лучший специалист, я преуспеваю, у меня все было, есть и будет отлично*. Американец легко и просто назначает себе высокую цену как профессионалу, запросто утверждает, что он все прекрасно знает» [15. С. 110]. Подобные нарушения лингвокультурных скриптов наиболее заметны в современных публичном и институциональном дискурсах. Необходимость вербализации позитивной самооценки в русской коммуникативной практике регулярно сопровождается превентивными речевыми поступками, которые свидетельствуют о том, что говорящий осознает *границы* русского концепта *скромность*. Ср. фрагмент из радиоинтервью с Леонидом Агутиным:

Журналист. Серьезно. Я знаю / что есть чем гордиться. Ты во многих чартах на первом месте.

Агутин. Ну я вообще скромный человек и считаю / что...

Журналист. Вот сейчас надо немного саморекламы сделать

Агутин. *Скромность людей украшает* / да / но не сегодня. Поэтому / да / есть чем гордиться [НКРЯ].

Для сравнения приведем соответствующий русскому лингвокультурному скрипту пример самопрезентации В. Новодворской из дискуссии с В. Алкснисом в эфире радиостанции «Эхо Москвы»: [Новодворская, жен] *А я отнюдь не самый эффективный и способный человек в этой стране / тем более что я бизнесом не занимаюсь / я просто скромный журналист* [НКРЯ].

Укорененные в русской ментальности и транслируемые из поколения в поколение в непринужденном межличностном общении коммуникативные практики скромности противостоят инокультурной интервенции и размыванию границ этого ценностного концепта.

2. Скромность как русский ценностный концепт

Не претендуя на сколько-нибудь полное описание концепта *скромность*, невозможное в рамках заданного объема, попытаемся выделить лишь его релевантные для русского общения черты как единицы ментальности – «миросозерцания в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющего интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [7. С. 15] – с опорой на данные лексикографической практики (словарей толковых, синонимов, антонимов), ассоциативного опроса и специальных исследований.

Ядро концепта *скромность* составляет понятие о социально одобряемом качестве личности. Словарь по этике определяет скромность как «моральное качество, характеризующее личность с точки зрения ее отношения к окружающим и самой себе», как форму «осознания личностью своих обязанностей перед обществом и окружающими людьми» [СЭ]. Контекстные реализации концепта *скромность* в спонтанной диалогической коммуникации в одном ряду со значимыми для гово-

рящих позитивными характеристиками человека также свидетельствует о прочной укорененности в современном языковом сознании скромности как одобряемого качества личности: *А там мой первый наставник здесь по заводу. И Анатолий Фёдорович Паниковский / они мне вообще вложили всё / но это мой эталон скромности. Он очень скромный / вот я ещё таких людей никогда не встречал / очень скромен / вот он всё время работает / он всё время занят / он ходит. Он сам технолог / вот / литейного цеха / но я таких людей очень редко встречал. Ходит он всё время / но я не знаю / когда он спит / когда он отдыхает / и он всё время с металлом / с металлом* [НКРЯ]; *И вместе с тем это был человек очень скромный и никогда не преувеличивавший своих познаний* [НКРЯ].

В толковых словарях русского языка лексема *скромный* преимущественно определяется через отсутствие оппозитивных данному качеству проявлений: 'лишенный тщеславия, высокомерия' [БТС], 'лишенный высокомерия и заносчивости' [СУ]. В словарных дефинициях часто используются конструкции с отрицанием: 'не хвастливый' [СОШ]; 'не выставляющий напоказ своих достоинств, заслуг; непритязательный, не предъявляющий больших требований; не бросающийся в глаза, не привлекающий особенного внимания; незатейливый, небогатый' [БТС]; 'не имеющий обыкновения подчеркивать свои достоинства, хвастать своими заслугами; без претензий на роскошь, богатство или особое изящество' [ТСЕ]; 'такой, что не стремится выказывать свои качества, достоинства, заслуги; не слишком развязный' [СУ]; 'невзыскательный за себя; не ставящий личность свою наперед, не мечтающий о себе' [СД], а лексема «скромность» как 'невзыскательность в отношении себя, незаносчивость, нехвастливость' [ЭСП]; 'невыказывание своего превосходства, невзыскательность в требованиях к условиям жизни и отношениям', которое 'выражается в отсутствии хвастовства, развязности, в сдержанности выражений, суждений, в редком обращении с просьбами' [ОДК].

Можно предположить, что лексикографическая тенденция дефиниционной негативности объясняется несколькими причинами. Во-первых, скромность онтогенетически, в процессе социализации, усваивается ребенком как совокупность запретов на определенные личностные проявления в коммуникации. Во-вторых, в обыденном сознании скромность отражена как культурная ценность и имплицитная норма русского коммуникативного поведения, вследствие этого она воспринимается как нейтральный нормальный фон, а фигурой являются (замечаются, т. е. негативно оценочно маркируются) в первую очередь отступления от нее. В-третьих, скромность избегает нарочитой демонстрации ('демонстрация скромности' – оксюморон), и можно предположить, что ее основным коммуникативным показателем в дискурсе является именно нулевая выраженность оппозитивного качества – отсутствия нескромности. Именно поэтому словари в негативных конструкциях фиксируют отсутствие нескромности как стандартное и регулярное проявление скромности, что подтверждает статус этой константы как русской коммуникативно-этической нормы и вполне согласуется с определением культуры Ю. М. Лотманом как системы норм и запретов [11].

Тот факт, что лексикографическая практика описания *скромности* основывается на фиксации в словарях табу-проявлений (девиантных качеств и поступков), не соответствующих представлению русских о скромности, позволяет квалифицировать доминирующую дефиниционную стратегию как *ограничительную*, мотивированную стремлением исследователей провести границу между личностными, поведенческими, коммуникативными, мировоззренческими проявлениями скромности и нескромности. Та же тенденция наблюдается в описательных характеристиках русского национального характера и речевого поведения. Ср.: «Русский человек не стремится любым способом произвести впечатление, выделиться, обратить на себя внимание. Если в какой-либо среде появляются люди, активно

стараясь привлечь в себе внимание своим поведением, общественное мнение их осуждает – это считается нескромным» [15. С. 209].

Стратегии лексикографов согласуются с зафиксированный в этимологических словарях внутренней формой слова, несущей в себе образ *края, границы, ограничения*: «Производное от *krom-; ср. кромы мн. “ткацкий станок”, которое связано с д.-в.-н. (h)rama “рама, станина”, первонач. “тот, кто держится в рамках, сдержанный” [ЭСФ]; «Древневерхненемецкое – (h)rama (рама, граница). Общеславянское – krom (рама, кромка, грань). Чешское – skrovny (скромный, умеренный). Польское – skromny. Слово “скромный” известно в русском языке с XVII в. Слово заимствовано из польского, где skromny, предположительно, восходит к чешскому skrovny (скромный, умеренный, незначительный, первоначально – маленький, скудный, немногочисленный). Славянское skromny – производное от основы krom-, восходящей к древневерхненемецкому (h)rama (рама, граница), откуда первоначальное значение слова – «тот, кто держится в рамках, сдержанный» [ЭСС]; «Заимствование из польского, в котором skromny образовано с помощью предлога с – и существительного *kroma* (“граница”) в творительном падеже. Буквальное значение – “ограниченный”» [ЭСК]. В синонимических репрезентациях концепта в современном русском языке представлены все этимологически зафиксированные смыслы.

Таким образом, лексикографическая практика отражает прототипический смысл концепта, т. е. лингвокультурные представления о скромности как ограничительной регулятивной категории поведения, в том числе коммуникативного, и словари в общем виде очерчивают границы скромности. Эти ограничивающие параметры представлены в виде отрицательно оцениваемых девиантных характеристик, включенных в дефиниции толковых словарей: *стремление выказывать свои качества, достоинства, заслуги; высокомерие и заносчивость, развязность* [СУ]; *подчеркивание своих достоинств, хвастовство своими заслугами* [ТСЕ]; *проявление гордости, бесстыдства* [ССАб]; *выказывание тщеславия, предъявление больших требований, стремление выделяться, кичливость* [ASIS]; *грубость* [Психологос]. О поведенческих табу как ограничителях концепта *скромность* свидетельствуют и словари антонимов, в которых отступления от нормы скромности отмечены негативной коннотацией. Ср., например, глаг.: *бахвалиться, возгордиться, выёживаться, выпендриваться, выпячивать себя, выступать, заноситься, задаваться, кичиться, хвалиться, хвастать(ся)*; прил.: *бесстыдный, высокомерный, гордый, заносчивый, наглый, нахальный, непристойный, неприличный, несдержанный, развязный, самоуверенный, самонадеянный, самолюбивый, себялюбивый, тщеславный, хвастливый*; сущ.: *неумеренность, гордыня* и др.

Нежелательность описанных девиаций русским языковым сознанием обобщена в поведенческой установке *избегать крайностей* – «быть как все», фиксируемой в речи устойчивыми сочетаниями императивного характера: *не высовывайся, не выделяйся, не привлекай внимания, не переходи границы, не выпендривайся; будь как все; инициатива наказуема* и под. Наличие *как все* в самопрезентационном высказывании может считаться лексическим маркером скромности: *Скромность его. Он был такой как все; Дед работал / как все / но не водителем такси / ну грузчиком в магазине / что-то ещё делал такое. Эт просто я наряжаюсь / а ходила я как все / в платье; Вы знаете / я росла в то время / когда чувство стабильности было нам при рождении дано / и мы делали так / как все; Я готова / как все / вот если все решат / я с удовольствием; Ну вот я / говоря / мне было проще / до какого-то возраста жил как все. Мне повезло с профессией* [НКРЯ].

Словари синонимов дают представление о разветвленных синонимических связях лексических номинаций концепта. В информационной базе синонимов ASIS *скромный* имеет 77 синонимов, *скромность* – 43. Сплошная выборка из раз-

личных словарей синонимов позволяет выявить объектные области приложения характеристики *скромный* к человеку, объединенные *общей идеей самоограничения* с категориальными идентифицирующими семами 'ограниченный', 'умеренный', 'воздержанный', 'сдержанный':

- в нравственной сфере: *благонравный, кроткий, смиренный, стыдливый, целомудренный; строгий в нравственном отношении;*

- в отношении соблюдения приличий и этикета: *благопристойный, вежливый, воспитанный, деликатный, приличный, пристойный, тактичный, чинный;*

- в общении и отношении к собеседнику: *безыскусственный, безыскусный, бесхитростный, беспритязательный, конфузливый, некичливый, нехвастливый, простой;*

- по внешним проявлениям: *неяркий, негромкий, тихий, неброский, простой, недорогой (по отделке, убранству);*

- в сравнении с подобными: *невывделяющийся, невыдающийся, посредственный;*

- в отношении к быту и достатку: *непритязательный, неприхотливый, малопритязательный, невзыскательный, экономный, отличающийся нетребовательностью;*

- в проявлении эмоций: *беспафосный, сдержанный;*

- по объему занимаемого пространства: *малый, небольшой;*

- по положению в пространстве: *крайний, нецентральный.*

Данные словарей поддерживаются результатами ассоциативного опроса [РАС]. Зафиксировано 103 реакции на стимул *скромный*, из них различных – 51, одиночных – 41, отказов – 5. Среди синтагматических реакций на прямое значение доминирует объект оценки с категориальной семой 'человек' (всего 60): *человек 20, мальчик 12, парень 11, друг, малый, юноша 2, брат, враг, девочка, знакомый, идиот, мужик, политик, симпатяга, скоморох, сосед, старик, тесть, тихоня, труженик, я 1*. Среди них по три с ярко выраженной позитивной (*друг, симпатяга, труженик*) и негативной (*враг, идиот, тихоня*) оценкой. По одной негативной реакции на интенсивность качества (*до ужаса*) и на образ действия (*намеренно*). Синтагматических реакций на объект оценки – предмет, объект вещного мира – 10: среди них 7 реакций на коммуникативно значимые феномены: *поступок 1, вид 1, наряд 2, подарок 2, костюм 1*; остальные – *доход, завтрак, морковь 1*.

Приведенная выборка позволяет констатировать: 1) эссенциальное для русской культуры доминирование позитивных коннотаций одобрения в синонимических номинациях проявлений скромности; 2) широкий диапазон коммуникативно релевантных качеств человека, оцениваемых в терминах скромности; 3) высокую соотнесенность проявлений скромности с морально-этическими нормами и этикетными предписаниями.

И. С. Просвирнина считает, что тенденция дефиниционной негативности в словарных толкованиях этой лексемы свидетельствует о низкой степени концептуализации скромности в русской лингвокультуре: (в сравнении с китайским концептом) «в ядре русского концепта основная понятийная характеристика не выражена, хотя образ и оценка скромного поведения представлены» [13. С. 53]. Однако на основании анализа лексической синонимии можно констатировать достаточно высокую степень концептуализации *скромности* в русской лингвокультуре: 16 синонимических репрезентантов позитивной выраженности понятийной характеристики из 37 номинаций выборки.

О высокой степени концептуализации *скромности* в этноязыковом сознании красноречиво свидетельствуют приведенные в «Русском ассоциативном словаре» обратные ассоциативные реакции, т. е. стимулы, вызывающие реакцию *скромный*.

Всего таких стимулов – 156, из них различных – 44, единично встречающихся – 31. Абсолютно доминируют (115) парадигматические синонимические реакции, позитивно характеризующие человека, в которых *скромный* является гиперонимом по отношению к стимульным словам: *застенчивый* 34, *стеснительный* 30, *тихий* 19, *стыдливый* 15, *робкий* 5, *кроткий* 4, *молчаливый* 3, *немногословный* 2, *несмелый* 2; только единичный стимул (*забитый* 1) имеет отрицательную коннотацию. Парадигматические антонимические обратные реакции (всего – 11) демонстрируют негативную оценку девиантов скромности: *гордый* 4, *заносчивый* 3, *блатной* 1, *высокомерный* 1, *наглый* 1, *надменный* 1, *упрямый* 1. Оппозиция *обычный* 1 vs. *выдающийся* 1, *известный* 1 по шкале *скромность* подтверждает наши наблюдения о значимости в русской культуре производного концепта «простой человек».

«Ограничительные девианты» в словарных толкованиях *скромности* могут быть прагматически интерпретированы как регулятивные коммуникативные установки запретительного характера, очерчивающие границы общепринятого понятия о скромном коммуникативном поведении. Они фиксируют нежелательность речевых поступков, которые могут быть оценены собеседником как нескромные. К таким коммуникативным поступкам и проявлениям в диалоге, по данным словарей, могут быть отнесены:

- стремление к коммуникативному доминированию и превосходству над собеседником (высокая самооценка, самоуверенность, самовосхваление, самолюбование, хвастовство);
- несанкционированное вторжение в личностную сферу коммуникативного партнера («неудобные» вопросы, табуированные темы и под.);
- открытое выражение негативных оценок коммуникативного партнера (неодобрение, осуждение, вышучивание, насмешка, колкость, ирония, издевательство, оскорбление и под. унижение КП);
- открытое выражение сильных отрицательных эмоций, направленных на коммуникативного партнера (*злиться*, *ругаться*, *накричать*, *грубить*, *быть в ярости* и под.);
- категоричность в выражении суждений (*утверждать*, *заявлять*, *вещать*, *проповедовать* и пр.);
- настойчивость, назойливость и неумеренность в просьбах (*заставлять*, *настаивать*, *требовать*, *приказывать*, *вымогать*, *клянчить*, *канючить* и под.).

В практике общения наличие таких поступков в речевой партии коммуниканта позволяет квалифицировать его манеру самопрезентации как нескромную, в то время как их отсутствие (нулевая речевая репрезентация) как культурную норму.

Таким образом, концептуализация скромности в языковом сознании русских как категории ограничения коммуникативных проявлений личности дает достаточно отчетливые прагматические ориентиры для коммуникативной практики, как в продуктивной (построение собственного коммуникативного поведения, соответствующего коммуникативному идеалу), так и в рецептивной (оценке чужих коммуникативных проявлений) речевой деятельности.

3. Биполярная организация русского концепта *скромность*

Анализ связей слова *скромный*, зафиксированных в [РАС], позволяет судить об оценочном потенциале концепта. Выборка коннотативно маркированных реакций на стимул *скромный* свидетельствует о том, что качества, ассоциируемые со скромностью (ее наличием или отсутствием), как и репрезентирующие эти качества объекты, оценочно интерпретируются русскими информантами. Амбивалентными условимся считать качества, которые в различных коммуникативных

ситуациях могут оцениваться информантами и как положительные, и как отрицательные.

Среди прямых ассоциатов (всего различных – 51) оценочных синонимических реакций зафиксировано 22: *застенчивый* с частотностью 4 и 21 единичная реакция. Из последних с положительной коннотацией – 6: *интеллигентный, милый, симпатяга, труженик, умный, честный*; с отрицательной коннотацией – 7: *грустный, идиот, комплексы, ненормальный, сутулый, тихоня, пропащий*. К негативно-оценочным можно отнести еще 3 реакции: на крайнюю степень проявления признака – *до ужаса*; на интенциональное, демонстративное проявление качества – *намеренно*; отрицание самого существования качества – *не бывает*. Противопоставленные качества-ассоциаты – 2: *бойкий 1, непосредственный 1*. Зона потенциально амбивалентной оценки скромности конституируется четырьмя различными прямыми реакциями: *застенчивый 4, тихий 1, стыдливый 1, такой 1* (всего реакций – 7).

Для полноты картины приведем обратные реакции (44), из которых оценочных различных насчитывается 29. Из них синонимических различных с положительной коннотацией – 6: *кроткий 4, экономный 2, милый 1, хороший 1 серьезный 1, точный 1* (всего – 10); с отрицательной – *забитый 1*. Зона потенциально амбивалентной оценки формируется 12 различными реакциями: *застенчивый 34, стеснительный 30, тихий 19, стыдливый 15, робкий 5, молчаливый 3, немногословный 2, несмелый 2, неизвестный 1, обычный 1, проще 1, разный 1* (всего – 114). Противопоставленные различные отрицательно маркированные качества-ассоциаты – 11. Из них антонимические негативно-оценочные реакции исключим как качества-девианты находящиеся за границами концепта: *блатной 1, гордый 4, заносчивый 3, высокомерный 1, знаменитый 1, известный 1, наглый 1, надменный 1*. В зоне противопоставления остаются позитивное качество *энергичный 1* и амбивалентное *упрямый 1*.

Обобщение количественных данных приводит к следующим результатам. Среди прямых и обратных реакций-ассоциатов, находящихся в зоне концепта *скромность* (антонимические негативно оцениваемые ассоциаты были исключены из рассмотрения как девианты-ограничители), выявлено:

- позитивно оцениваемых различных – 11, всего реакций – 16;
- негативно оцениваемых различных – 8, всего реакций – 8;
- в зоне амбивалентной оценки различных – 14, всего реакций – 122;
- противопоставленных позитивных – 3.

Полученные данные, в частности сопоставимое количество различных позитивных (11) и негативных (8) оценочных интерпретаций качеств и реалий в поле концепта, красноречиво свидетельствуют о биполярности концепта *скромность* в русской лингвокультуре. Преобладание абсолютного количества позитивных (с учетом повторяющихся) реакций над негативными в 2 раза (16 к 8) подтверждает вывод об общекультурной оценке скромности как положительного этического качества личности.

Обширность зоны потенциально амбивалентных ассоциатов *скромности* (абсолютное количественное преобладание амбивалентных ассоциатов – 121 – над позитивными и негативными), с нашей точки зрения, свидетельствует о ситуативном характере возможной оценки: в применении к одному человеку (например, девушке) застенчивость может быть милой и очаровательной, но это же качество будет стремиться к отрицательному полюсу оценки участника конкретной ситуации, где требуется решительность и общительность. Амбивалентность оценки скромности в ассоциативном эксперименте подтверждается контекстами живой речи: А. *А нам с Настей больше всех другой мальчик понравился / с краю сидел который...* – Б. *Ага / поняла//* – В. *Ну / он какой-то скромный слишком. Такой за-*

битый / молчаливый какой-то. Как его зовут? Леша / да? [НКРЯ]; Президентом Академии наук тогда был академик Карпинский / замечательный геолог / обаятельный старик / маленького роста / очень приятный собеседник / чарующий своей скромностью и простотой [НКРЯ].

Количественный анализ зоны амбивалентности позволяет выделить наиболее частотные ассоциаты-амбиваленты скромности; среди прямых и обратных реакций регулярно повторяются: застенчивый 38, стеснительный 30, тихий 20, стыдливый 16, робкий 5, несмелый 2, молчаливый 3, немногословный 2. Они могут быть качественно интерпретированы как крайние проявления скромности, способные помешать в достижении целей, самовыражении, социальных контактах, в конечном итоге – достижении успеха в жизни, ограничивая таким образом возможности личности.

Осуждение крайних проявлений скромности фиксируется в [РАС] ассоциатом негативной оценки до ужаса (1). В коммуникативно-прагматическом отношении эти качества характеризуют низкую общительность человека, могут являться причиной его коммуникативных неудач. О. В. Кошманова отмечает, что в русской культуре «осуждается чрезмерная скромность, граничащая с робостью» [9. С. 3–4]. Е. И. Зиновьева также констатирует, что негативная оценка *скромности* связывается с *застенчивостью*, которая «часто рассматривается как высшее или крайнее проявление скромности, ее следствие: «*Скромный, даже застенчивый*» (Катерли Н. Брызги шампанского // Звезда, 2000) [4. С. 6]. На биполярность концепта указывает и возможность амбивалентной оценки при употреблении характеризующих номинаций *скромница* и *скромник*: *стоит в уголке, строит из себя скромницу, а сама...* (ср. негативная оценка ассоциата *намеренно* в [РАС] как неискренности и демонстративности в проявлении скромности): *ага/ скромник нашелся* – в ирон. употреблении).

Биполярность концепта проявляется в его способности к речевому развертыванию в двух оценочно-интерпретационных направлениях «скромность как сила – достоинство» и «скромность как слабость – комплекс». Их психологическая мотивация сформулирована О. В. Кошмановой: «Первая ветвь образования базируется на самосознании индивида, характеризующемся сформированным морально этическим кодексом, самоуважением и готовностью принять ответственность за свои действия, позитивной социальной идентичностью и закрепленным социальным статусом (взаимосвязи с «высокой интеллектуальной деятельностью», «трудолюбием»). Второе направление вытекает из отсутствия гармонии в воображаемом и реальном статусе индивида, неуверенности, страха, неспособности завязывать интерперсональные контакты и боязни социальной оценки» связывается с низкой профессиональной реализацией, отсутствием таланта [9. С. 16–17].

Интересно противопоставление в [РАС] стимула *скромный* позитивным ассоциатам *бойкий, энергичный и непосредственный*, которое обнаруживает оценку *скромности* как качества, препятствующего активности и открытому, искреннему самовыражению. Это подтверждается наблюдениями Е. И. Зиновьевой о «противопоставлении в контекстах таких свойств личности как *тихий, скромный, застенчивый* и *сильный, смелый, боевой, активный* [4. С. 6]. Ср. в контексте диалога: *А / ну уже когда идёшь воспитателем / ну ведь не будешь же сидеть и скромничать / я не умею [НКРЯ].*

На биполярный характер категории скромности указывает и организация синонимического ряда с негативной коннотацией крайних проявлений скромности: *прибедняться, скромничать* содержат компонент «отрицательная оценка поведения субъекта (более резкая в случае *прибедняться*)» в культурном скрипте: *Х скромничает <прибедняется>, говоря о Р = 'Х* сделал или имеет хорошее Р; говоря о Р, Х преуменьшает его ценность; говорящий считает, что Х знает истин-

ную ценность Р и преуменьшает ее с целью понравиться адресату своей скромностью или вызвать у него сочувствие к себе, причем неискренность субъекта отрицательно оценивается говорящим» [НОСС. С. 1030]. Выбор говорящим одного из двух синонимов оценки коммуникативного поведения человека определяется мотивировкой его речевых действий, что фиксируется словарем: желание понравиться адресату своей скромностью, услышать его похвалы или соблюсти этикет в случае *скромничать*; желание вызвать жалость или снисхождение у адресата в случае *прибедняться*. Таким образом, манипулятивность (неискренность и демонстративность), как и крайние проявления скромности, оценивается в русской коммуникативной культуре отрицательно: «Оба синонима содержат и н т е р п р е т а ц и ю говорящим речевых актов субъекта. Они указывают на то, что субъект, с точки зрения говорящего, с л и ш к о м н и з к о оценивает то, что он сделал или имеет, обнаруживая излишнюю скромность или неискренность, вследствие чего его поведение оценивается говорящим о т р и ц а т е л ь н о» [Там же].

Все вышеизложенное позволяет констатировать наличие в русской культуре, наряду с ограничительными параметрами концепта, достаточно отчетливых позитивных представлений о мере, или норме, проявления скромности в рамках описываемого концептуального поля. Для нас важно, что мера «указывает предел, за которым изменение количества влечет за собой изменение качества объекта и наоборот. М.– это своего рода зона, в пределах которой данное качество может модифицироваться, сохраняя при этом свои существенные характеристики» [ФЭС]. Философами отмечается взаимосвязь в термине «мера» семантических признаков ‘соразмерность’ и ‘нормативность’, очерчивающих представления о количестве, которое соответствует определенному качеству: «Эта соразмерность может содержать в себе те или иные нормативные черты. Так, когда говорят о М. в области морали, то понимают под этим то, что можно назвать “умеренностью” или “мерностью”. Человек, умеренный в этом смысле, – значит человек “скромный”, “воздержанный”, “нераспущенный” [ФЭ].

Исходя из этого социально одобряемая русская общекультурная мера/норма скромности – по данным словарей – концептуализируется в имплицитных правилах и запретах:

1) спонтанные естественные и этикетные проявления скромности в поведении в целом одобряются; речевые проявления, находящиеся за границами концепта, нежелательны;

2) поведенческие проявления скромности должны быть искренними, непритворными и отражающими реально наличествующее этическое качество личности: манипулятивные мотивы (вызвать жалость, понравиться, спровоцировать похвалы в свой адрес) преднамеренной демонстрации скромности осуждаются;

3) крайние, даже искренние, проявления скромности (самоуничижение до потери достоинства, ср. глаг. *лебезить*) нежелательны;

4) включение в речь позитивной самооценки и упоминание о личных достижениях нежелательно, равно как и демонстрация согласия с похвалой / комплиментами в свой адрес;

5) скромность в большей мере должна быть коммуникативно проявлена женщинами, а не мужчинами, молодыми, а не зрелыми людьми;

6) скромность оценивается как позитивное качество личности, если не идет в ущерб социальной, профессиональной, коммуникативной и пр. деятельности человека, не препятствует его самореализации.

Этими основными культурными принципами и определяются границы одобряемого в русской лингвокультуре скрипта скромности как «ценностно маркированной программы поведения» [5. С. 121]. Вполне возможно, что проявление этих принципов в различных сферах общения (официальной / неофициальной), жанрах

(разговор по душам / ссора) и конкретных ситуациях (случайная встреча друзей / праздничное застолье) варьируется, но в пределах их общекультурной идентичности.

В целом можно заключить, что концептуализация скромности в языковом сознании русских как категории ограничения коммуникативных проявлений личности в поведении дает достаточно отчетливые прагматические ориентиры для этнокультурно одобряемой коммуникативной практики как в продуктивной (построение собственного коммуникативного поведения, соответствующего коммуникативному идеалу), так и в рецептивной (оценке чужих коммуникативных проявлений) речевой деятельности. Все вышесказанное позволяет интерпретировать концепт *скромность* как коммуникативную константу культуры, т. е. лингвокультурную конститuentу русского коммуникативного идеала.

Коммуникативная константа – исторически сложившийся и постоянно воспроизводимый в лингвокультуре ценностный концепт, закрепленный в представлениях о коммуникативном идеале и коммуникативной норме; категория дискурса, выполняющая функцию регулятора коммуникативной практики во всех сферах и регистрах общения.

Источники

ASIS – Тришин В. Н. Словарь синонимов ASIS. 2013. – URL: <http://www.trishin.ru/left/dictionary>

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – URL: http://gufo.me/content_kuznec/skromnyj-137677.html

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Корпус устной речи. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-spoken.html>

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – 2-е изд., испр. и дополн. – М. : Языки русской культуры, 2000.

ОДК – Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). – Екатеринбург, 2000. – URL: <http://www.psyoffice.ru/slovar-s162.htm>

Психологос – Козлов Н. И. Психологос: энциклопедия практической психологии. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/skromnost>

РАС – Караулов Ю. Н. и др. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. – Т. 1: От стимула к реакции: ок. 7 000 стимулов. – М. : Астрель : АСТ, 2002. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>

РИС – Русский идеографический словарь. – URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx> <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=221>

СД – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 1863–1866.

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М. : Азъ Ltd., 1992.

СРК – Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.

СРС – Словарь русских синонимов. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims

ССАб – Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. – М. : Русские словари, 1999. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims

ССАл – Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 2001.

ССБ – Словарь синонимов русского языка / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – URL: http://syn_ru.academic.ru/124

ССЕ – Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л. : Наука, 1970.

СТСРЯ – Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2007. – URL: http://syn_tesaurus.academic.ru

СУ – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2000. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov>

СЭ – Словарь по этике / под ред. И. Кона. – М. : Политиздат, 1981. – URL: <http://ethics.academic.ru>

ТСЕ – Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. 2000. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>

ФЭ – Философская энциклопедия : в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. – М. : Советская энциклопедия, 1960–1970.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – URL: <http://terme.ru/dictionary/180>

ХШ – Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы : хрестоматия / сост. И. В. Шалина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.

ЭСК – Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. – СПб. : ООО «Виктория плюс», 2004. – URL: <http://krylov.academic.ru/3430>

ЭСПП – Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. – URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru

ЭСС – Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. – М. : Русский язык от А до Я : ЮНБЕС, 2003. – URL: <http://semenov.academic.ru>

ЭСФ – Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. – М. : Прогресс, 1964–1973. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer>

Литература

1. Воспоминания медиков о В. И. Ленине // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 54. – М., 1964. – С. 176–181.

2. Гиль С. К. Шесть лет с Лениным. Воспоминания. – URL: <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php>

3. Гудков Л. Комплекс «жертвы». Особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Мониторинг общественного мнения. – 1999. – Май–июнь. – № 3 (41). – С. 47–60.

4. Зиновьева Е. И. Застенчивый в русской ментальности (лингвистический портрет прилагательного) // Ментальность и изменяющийся мир : коллективная монография: к 75-летию проф. В. В. Колесова / отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь : Рибэст, 2009. – С. 5–12. (Серия «Славянский мир». Вып. 1).

5. Карасик В. И. Аксиологическая лингвистика: перспективы развития // Ментальность и изменяющийся мир : коллективная монография: к 75-летию проф. В. В. Колесова / отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь : Рибэст, 2009. – С. 13–20. (Серия «Славянский мир». Вып. 1).

6. Касьянова К. О русском национальном характере. – М. : Ин-т национальной модели экономики, 1994.

7. Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004.

8. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности : в 2 т. – СПб. : Златоуст, 2014.

9. Кошманова О. В. Концепт «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007.

10. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.

11. Лотман Ю. М. Феномен культуры // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 463. – Тарту, 1978.

12. Моральный кодекс строителя коммунизма. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

13. Просвирнина И. С. Концепт «скромность» в русской и китайской лингвокультурах : Сопоставительный лингвокультурологический анализ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Вып. 5 (90). – 2014. – С. 52–56.

14. Простой, как Ленин. «МК в Питере» нашел семейное гнездышко и гараж Зубковых–Сердюковых. – URL: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2007/09/26/79201-prostoy-kak-lenin.html>

15. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. – М. : Флинта : Наука, 2006.

16. Романова О. Кампания по мифологизации образа Сталина: «Простой великий человек» и «Сталин – это Ленин сегодня». – URL: <http://urokiistorii.ru/media/film/2010/09/1-chiaureli>
17. Советский простой человек : Опыт социального портрета на рубеже 90-х / под общ. ред. Ю. А. Левады. – М. : Мировой океан, 1993.

УДК 159.96

Белоусова Елена Валентиновна

канд. культурологии, доцент кафедры философии, биоэтики и культурологии, Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург)
Email: elena-valentinovna@mail.ru

Belousova Elena Valentinovna

Candidate of Culturology, Associate Professor at the Chair of Philosophy, Bioethics and Culturology, Ural State Medical University (Ekaterinburg)

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К МАГИИ

PSYCHOANALYTIC APPROACH TO THE MAGIC

Аннотация

В статье исследуется психоаналитический подход к объяснению магии. На примере теоретических трактовок магии в психоанализе и культурной антропологии анализируется смысловая связь магии и психоанализа.

Ключевые слова: магия; психоанализ; принцип «всемогущества мыслей»; «магически-галлюцинаторный» период; символы; магическая защита; комплекс шаманства.

Abstract

The article presents the study of psychoanalytic approach to explain magic. The semantic ties between magic and psychoanalysis are analyzed on the basis of theoretical issues of psychoanalysis and cultural anthropology.

Keywords: magic; psychoanalysis; the «omnipotence of thought» principle; the period of «magical hallucinatory» omnipotence; symbols; magical defense.

*Ах, человек вечно возвращается!
Маленький человек вечно возвращается!..
А вечное возвращение даже самого маленького человека! –
Это было неприятно моей ко всякому существованию!
Ах, отвлечение! Отвлечение! Отвлечение! –
Так говорил Заратустра, вздыхая и дрожа...
Ф. Ницше*

Тема данной статьи связана, прежде всего, с несомненным интересом основателя психоанализа к магии. Замечая, что не спекулятивная любознательность, а практическая необходимость двигала примитивным человеком, Фрейд обращается к анализу магии как анимистической техники и указывает, что в ней происходит ошибочное выдвигание идеального перед реальным. Безумство магических предписаний заключается во власти ассоциации идей. Словами Дж. Дж. Фрэзера З. Фрейд поясняет эту мысль: первобытные люди ошибаются, принимая ряд своих мыслей за ряд явлений природы. Поэтому кажущуюся власть над мыслями они ошибочно переносят на власть над вещами. Принцип, господствующий в магии, в технике анимистического образа мыслей, состоит во «всемогуществе мыслей» [7. С. 100–109].

Название «всемогущество мыслей» З. Фрейд позаимствовал у высокоинтеллектуального, страдающего навязчивыми представлениями больного. «Первичные навязчивые мысли невротиков по природе своей в сущности носят магический характер. Если они не представляют собой колдовства, то – противодействие колдовству, с целью предупредить возможную беду, с которого обыкновенно начинается невроз. Всякий раз, как мне удавалось проникнуть в тайну, оказывалось, что это ожидаемое несчастье имеет своим содержанием смерть. И защитные формулы навязчивости имеют свою параллель в формулах колдовства, магии», – заявляет З. Фрейд [Там же. С. 109–110].

Эту мысль З. Фрейда затем развивает его ученик и последователь Ш. Ференци, замечая, что невротики с навязчивыми состояниями, какими бы они ни были просвещенными и образованными, как бы сильно ни противились их здравый смысл и знания, все равно убеждены, что их желания необъяснимым образом сбываются. Больной вынужден мыслить определенными магическими формулами или выполнять какое-то определенное действие: иначе того или иного человека (чаще всего кого-то из близких) постигнет несчастье. Это эмоциональное суеверное убеждение невозможно поколебать, даже если подобные опыты порой приводят и к прямо противоположным результатам. Ференци, размышляя о психогенезе подобного убеждения, приводит к выводу, что невроз навязчивых состояний есть регресс душевной жизни на ту детскую ступень развития, на которой между желанием и поступком еще не включилась мыслительная деятельность, способная затормозить или отсрочить этот поступок, взвесить его последствия; вместо этого тотчас за желанием следует действие, направленное на исполнение этого желания. Таким образом, у младенца мы обнаруживаем не всемогущество мыслей, а всемогущество желаний, неразрывно связанных с движением. Как это возможно? Так как ребенок не имеет никаких твердых познаний о реальном соотношении причин и следствий, о существовании и деятельности людей, ухаживающих за ним, то он начинает чувствовать, что обладает магической способностью – может реализовать фактически все желания, просто представив себе их удовлетворение. (Период магически-галлюцинаторного всемогущества.) [6. С. 46–48]. Как тут не вспомнить определение магии, данное Э. Кассирером: «По своей основной форме магия – не что иное, как примитивная “техника” исполнения желаний» [1. С. 232]?

К защитным формам невроза навязчивых состояний можно отнести ритуалы, например при мизофобии (навязчивом страхе загрязнения) – ритуалы поддержания чистоты (мыть руки определенное число раз). Ритуалы для невротика являются защитой от опасности, подобно магическим заклинаниям для архаического человека. Как неразрывно связаны слово и действие в первобытной магии, так же при этом неврозе невозможно отделить навязчивые мысли (обсессии) от «защитных» ритуалов (компульсий). Следует заметить, что наиболее эффективные методы лечения этого невроза не являются психоаналитическими и сами могут содержать элементы «магического мышления». Например, методы изоляции больного от возможности выполнять ритуалы или «остановки мысли» в когнитивно-поведенческой терапии. Последний включает окончательный шаг своеобразной «магической визуализации»: при возникновении негативного образа представить его в позитивном аспекте (например, при боязни утонуть представить, что на тебе спасательный жилет, рядом лодка с людьми, для жизни нет ни малейшей опасности). Видимо, подобным образом воздействует известная реклама средства для мытья унитаза.

Судьбу «всемогущества мыслей» З. Фрейд, в соответствии с позитивистской установкой классического психоанализа, прослеживает от магической к религиозной и, далее, к научной фазе. З. Фрейд считает, что в научном мирозерцании нет больше места для могущества человека, он сознался в своей слабости и подчинился смерти. В доверии к могуществу человеческого духа, считающегося с законами действительности, еще жива некоторая часть примитивной веры в это всемогущество [7. С. 144]. Следует заметить, что «всемогущий контроль» относится в психоанализе к примитивным архаическим защитами, формирующимся у младенца в первые два года жизни. Вторичную психологическую защиту – «уничтожение сделанного» сам Фрейд называл «негативной магией».

В связи с вышеизложенным становится понятным выделение знаменитым антропологом Б. Малиновским *культурно-компенсирующей (психологической)*

функции как основной функции первобытной магии. Функция магии заключается в ритуализации человеческого оптимизма, в поддержании веры в победу надежды над отчаянием. В магии человек находит подтверждение того, что уверенность в своих силах, стойкость в испытаниях, оптимизм одерживают верх над колебаниями, сомнениями и пессимизмом» [3. С. 89].

О защитной роли символов культуры в человеческой психике неоднократно говорил К.-Г. Юнг. Следует сказать об одном важном различии позиций Фрейда и Юнга относительно магических символов. Важной причиной разрыва Фрейда с Юнгом было разное отношение к магии и оккультизму: Фрейд говорил о «черной грязной яме оккультизма» и подчеркивал, что с эзотеризмом психоанализ не имеет ничего общего (психоаналитики являются «неисправимыми механицистами и материалистами»). В свою очередь, Юнг характеризовал позицию Фрейда как «поверхностный позитивизм». А. М. Руткевич в предисловии к сборнику «Архетип и символ» замечает, что «обращение Юнга к мифологии, религии, искусству не было прихотью. Одним из первых Юнг приходит к мысли о том, что для понимания человеческой личности – здоровой или больной – необходимо выйти за пределы формул естествознания. Не только медицинские учебники, но и вся история человеческой культуры должна стать открытой книгой для психиатра. К биохимическим и физиологическим нарушениям можно отнести лишь незначительную часть психических заболеваний. Болеет личность, которую, в отличие от организма, можно понять лишь через рассмотрение ее социально-культурного окружения, сформировавшего ценности, вкусы, идеалы, установки. Индивидуальная история вливается в жизнь того или иного сообщества, а затем и всего человечества» [5. С. 17]. Понимая это, Юнг был против сведения всех затруднений взрослого человека к его ранней предыстории, детству, решительно разойдясь в этом вопросе с З. Фрейдом.

Говоря о роли символов, Юнг отмечает, что когда врач обнаруживает интерес к символам, то прежде всего интересуется «естественными» символами в отличие от символов «культурных». Последние сохраняют в себе еще много от своей первоначальной нуминозности (сакральности, божественности) или «колдовского» начала. Нуминозность символов – это их способность вызывать живой эмоциональный отклик, «пленять, впечатлять, озарять и вдохновлять». Известно, что они могут вызывать глубокий эмоциональный резонанс у некоторых людей, и такой психический заряд заставляет их действовать во многом тем же самым образом, как и в случае суеверий или предрассудков. Они относятся к тем же факторам, с которыми вынужден считаться психолог, и было бы глупо игнорировать их лишь потому, что в рациональных понятиях они выглядят абсурдными и несущественными.

Обратив внимание на тождество содержания сновидений, галлюцинаций, речений «общающихся с духами» медиумов и символов древних религиозно-мифологических учений, Юнг пришел к выводу, что повсюду мы имеем дело с «вечными праформами» – архетипами, или коллективным бессознательным. Коллективное бессознательное есть результат жизни рода и является основанием психической жизни всех людей, в нем как бы отложились наиболее общие характеристики психики, типичные реакции на окружающую среду, установки поведения и мышления.

К.-Г. Юнг сравнивал архетипы с системой осей кристалла, которая как своего рода поле задает его форму. В психике «веществом» является внешний и внутренний опыт, соединяющийся с унаследованными формами, или архетипами. В чистом виде архетип не входит в сознание, ибо в любом представлении материя и форма синкретичны. Ближе всего к самим архетипам стоит опыт видений мистиков, бреда психотиков, сновидений – сознательная переработка здесь мини-

мальна, но даже спутанные, воспринимаемые как нечто странное, чуждое, страшное, непонятное образы суть образы сознания – человек обречен на сознание. В мифологии, сказках, мировых религиях, тайных учениях вроде гностицизма или алхимии, искусстве происходит шлифовка образов, превращающихся в прекрасные и общезначимые символы. «У человечества никогда не было недостатка в могущественных образах, которые были магической защитной стеной против жуткой жизненности, таящейся в глубинах души. Бессознательные формы всегда получали выражение в защитных и целительных образах» [8. С. 138]. В истории медицины как особой сферы культуры издавна складывалась своя символика. Например, Юнг считал кадуцей эмблемой гомеопатической медицины – змея обозначает одновременно яд и лечебное снадобье.

Юнг утверждает, что все стремления человечества направлялись на укрепление сознания. Этой цели служили ритуалы, «representations collectives», догматы; они были плотинами и стенами, воздвигнутыми против опасностей бессознательного, этих *perils of the soul*. Первобытный ритуал не зря включал в себя изгнание духов, освобождение от чар, предотвращение недобрых предзнаменований, искупление, очищение и аналогичные им, т. е. магические, действия [Там же. С. 142].

Не случайно многие мистики, иллюминаты, провидцы близки к безумию: «священный огонь» опасен. Символы предохраняют психику от вторжения архетипов; возникает организованный космос, мир становится упорядоченным и осмысленным, в нем всё стоит на своих местах, имеет цель и смысл. Так человечество существовало на протяжении всей своей истории: менялись мифы и религии, но «космос» сохранялся, люди жили без мучительных сомнений. Символы проецировались на Вселенную: в том числе и собственную душу человек находил в упорядоченном символическом универсуме, идет ли речь о первобытном анимизме или учениях мировых религий.

К.-Г. Юнг подчеркивал, что современный человек, увлекаясь теософией, учениями Востока, магией, стремится к покою в период беспокойства, стремится к безопасности в век опасностей. Новые формы существования рождаются в нужде и бедствиях, а не из идеалистических требований или благих пожеланий, писал философ. Таким образом символы магии, магические ритуалы продолжают играть свою психотерапевтическую роль в современном обществе и культуре.

Своеобразный синтез структурализма и психоанализа для рассмотрения магии создает К. Леви-Стросс. Из анализа лечебной магии он сделал вывод о природе магии вообще, он рассматривал магию как психологическое и социально-психологическое воздействие на человека. Леви-Стросс дал следующее определение: *магия – это система, обладающая большей объяснительной силой*. Какова бы ни была конкретная форма магии, она всегда содержит три важнейших элемента. В магическом действе наличествуют произносимые или распеваемые *заклинания, ритуал* или церемония и тот *человек*, который обладает официальным правом совершать обряд и произносить заклинанья.

Магия – это превращение в сказку действительности, которая сама по себе остается неизвестной, осуществляется благодаря совместному действию трех видов опыта: во-первых, опыта самого шамана, который, если он действительно шаман по призванию, испытывает специфические состояния психосоматического свойства; во-вторых, больного, который действительно чувствует улучшение или не чувствует его; в-третьих, зрителей, которые участвуют во врачевании, испытывая при этом воодушевление и получая интеллектуальное и эмоциональное удовлетворение, служащее основой коллективного согласия с верностью лечения, что, в свою очередь, ведет к следующей его фазе.

Эти три неразрывно связанных между собой элемента К. Леви-Стросс называет *комплексом шаманства*. Истинная причина успеха шамана кроется в поведе-

нии группы. Великий шаман Квесалид не потому стал великим колдуном, что он излечивал своих больных, он излечивал их потому, что стал великим колдуном. Пользуя своего больного, шаман разыгрывает перед аудиторией спектакль. К. Леви-Стросс заимствует у психоанализа основной термин, отмечая, что шаман занимается *отреагированием*. Известно, что в психоанализе отреагированием называется тот решающий момент лечения, когда больной вновь интенсивно переживает исходную ситуацию, приведшую к его заболеванию, что в конце концов приводит к окончательному преодолению болезни. В этом смысле шаман представляет собой профессионального отреагирующего.

Сравнивая магию и психоанализ в группе, К. Леви-Стросс замечает, что магия находит способ нового приспособления группы через посредство больного к уже существующим ранее задачам, в то время как психоанализ возвращает больного группе посредством внесенных решений. Однако опасность параллелизма между психоанализом и магией всегда сохраняется. К. Леви-Стросс заключает: «Если анализ привел нас к правильным выводам, то в магическом поведении следует видеть реакцию на ситуацию, которая сознанием воспринимается аффективно, но сущность которой лежит в сфере интеллекта. Только история символических функций позволяет объяснить то, что для человеческого интеллекта вселенная всегда недостаточно значима, а разум всегда имеет больше значений, чем имеется объектов, которым их можно приписать. Разрываемый между этими двумя системами – системой означающего и системой означаемого, человек с помощью магического мышления обретает третью систему, в которую вписываются противоречивые дотоле данные. Но эта третья система, как известно, возникает и развивается в ущерб познанию» [2. С. 191]. Если следовать интерпретации К. Леви-Стросса, то *магия – это ошибка коллективного опыта человечества*.

Леви-Стросс не принимал концепцию К.- Г. Юнга, выделившего такие всеобщие архетипы и, следовательно, символически содержательные выражения человеческой сущности, как Тень, Персона, Anima/Animus, Младенец, Старик. Форма явно превалирует над содержанием в концепции знаменитого антрополога. К. Леви-Стросс резко критикует концепцию К.-Г. Юнга об «архетипах коллективного бессознательного», заявляя, что общими могут быть только формы, но не содержание.

Но словарь так же важен для понимания магического мифа, как и структура, и символ включает в себе не только единичное содержание, но и всеобщее, или, говоря словами Гегеля, «конкретно-всеобщее». Магический ритуал не может быть сведен к структуре еще и потому, что выражает целостный жизненный опыт первобытного человека, а не только процесс познания и упорядочивания бинарных оппозиций. Но если в генезисе первобытной магии действие предшествовало слову, то в современной – слово предшествует действию. Вернее сказать, для первобытного человека магия была неразличимым единством действия-слова (подобным образом для больного шизофренией существует неразрывное единство слова-действия). Психоанализ может быть рассмотрен как разновидность современной вербальной секулярной магии, «перезагрузка» мифомагического мышления. Можно согласиться с А. М. Руткевичем в том, что психоанализ представляет собой «Erloesungswissen человека современной технической цивилизации, который с немалым трудом приспособливается к жизни в мегаполисах. Древние верования и ритуалы либо ушли, либо существуют на задворках современного общества. Вероятно, сохраняющаяся популярность психоанализа связана с тем, что он представляет собой своего рода мифологию, но эта мифология по необходимости приобретает наукообразную форму» [4. С. 15]. Тема вечного возвращения вплетена своеобразной красной нитью в ткань этой мифологии. Ф. Ницше считал свою мысль о Вечном возвращении «чудодейственной», но смысл, кото-

рый он вкладывал в нее, до сих пор остается полем дискуссий. Психопанализ предложил свою версию, куда более подходящую для массовой культуры, чем многозначная философия Ницше.

Литература

1. Кассирер Э. Философия символических форм. – Т. 2 : Мифологическое мышление / пер. с нем. С. А. Ромашко. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2002.
2. Леви-Строс К. Колдун и его магия // Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.
3. Малиновский Б. Магия, наука, религия / пер. с англ. А. П. Хомик под ред. О. Ю. Артёмовой. – М. : Рефл-бук, 1998.
4. Руткевич А. М. Научный статус психоанализа // Вопросы философии. – 2000. – № 10. – С. 9–15.
5. Руткевич А. М. Предисловие // Юнг К. Г. Архетип и символ. – М. : Ренессанс, 1991.
6. Ференци Ш. Ступени развития чувства реальности // Ференци Ш. Теория и практика психоанализа / пер. с нем. И. В. Стефанович. – СПб. : ПЕР СЭ : Университетская книга, 2000.
7. Фрейд З. Анимизм, магия и всемогущество мысли // Фрейд З. Тотем и табу : сб. / сост. и авт. предисл. П. С. Гуревич. – М. : Олимп : ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998.
8. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. 1988. – № 1. – С. 133–152.

УДК 396

Фоминых Елена Александровна

канд. филос. наук, старший преподаватель
кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Fominykh Elena Aleksandrovna

Candidate of Philosophy, Senior Lecturer
at the Humanities Chair, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

ЗОЛУШКА: «ЖИВАЯ» СКАЗКА

**CINDERELLA:
A «LIVING» FAIRY TALE**

Аннотация

В статье на примере сказки о Золушке рассматривается проблема смерти сказок, которую поднимает ряд исследователей. Запись и адаптация традиционной сказки уничтожает ее исходный смысл, искажает образ героини. Золушка является выражением традиционной модели женской социализации. В 90-х гг. XX в. современные женские романы о Золушке и экранизации сказки демонстрируют изменения в образе героини, которые принимают феминистские ценности и делают Золушку более активной и самостоятельной. Эта тенденция указывает на то, что сказка выражает существующие социальные проблемы, она продолжает меняться и жить.

Ключевые слова: сказка о Золушке; традиционные сказки; адаптация сказки; традиционная модель женской социализации; женские романы о Золушке.

Abstract

The article uses the example of the Cinderella fairy tale to examine the problem of fairy tales' death announced by some researchers. Recording and adaptation of the traditional fairy tale kill her original sense and misrepresent the image of the protagonist. Cinderella presents the paradigm of traditional feminine socialization. During the 1990s modern Cinderella romance novels and screen versions of the fairy tale show changes of the protagonist's image, make Cinderella more active and independent. This tendency points out that the fairy tale expresses existing social problems; it changes and stays still alive.

Keywords: «Cinderella» fairy tale; traditional fairy tales; adaptation of fairy tales; paradigm of traditional feminine socialization; Cinderella romance novels.

Золушка – одна из самых популярных волшебных сказок, к сюжету которой постоянно обращаются создатели кинолент и литературных произведений. Ее не обходят вниманием и интерпретаторы сказок, которые обнаруживают все новые возможности для анализа и критики. Судьба сказки в современной культуре волнует многих исследователей, которые полагают, что интерпретации пагубны для нее. Эта проблема будет представлена в данной статье.

М. А. Дескам (Descamps), рассматривая сказки как послание из бессознательного, утверждает, что это живой носитель мудрости, который отражает душу народа и меняется вместе с ним. Сказка должна рассказываться устно, записать ее – значит убить, остановить ее развитие. Когда сказки начинают читать, вместо того чтобы слушать, меняется их аудитория: из повествования, адресованного взрослым, передаваемого особым человеком в особой обстановке, они превращаются в истории на ночь, развлечение или страшилки для детей [3].

Впрочем, и с записанными сказками происходят трансформации. Так, Т. Уиндлинг (Windling), описывая историю «Красавицы и Чудовища», констатирует, что первоначальный текст Мадам де Вельнев, пройдя несколько адаптаций под пером различных авторов, в течение XIX в. постепенно очищается от нежелательных деталей и превращается из салонной истории для взрослых в «сказочку для малышей» [8]. Аналогичная судьба постигает и многие другие сказки.

© Фоминых Е. А., 2015

В интерпретации для детей Дж. Б. Барлетт (Bartlett) изображает Золушку как утонченную и покорную девушку, которая встречает принца «с опущенными глазами и опущенными руками» [7]. Часть исследователей связывает покорность героини с христианским учением о смирении и оценивает достаточно нейтрально, учитывая исторический контекст эпохи [2]. В то же время у других специалистов она вызывает критику. Так, М. Колбеншлаг (Kolbenschlag) рассматривает сказку о Золушке как типичное воплощение темы «rags-to-riches» (от бедности к богатству), восходящей к этике протестантизма. Она отмечает, что эта же идея социальной мобильности находит выражение в новом виде индивидуальной фантазии – в жанре новеллы, где также часто встречаются героини, полностью повторяющие судьбу Золушки. С другой стороны, в личном плане сказка представляет собой «басню о социализации», в которой описывается типичная для подростка проблема: соперничество с братьями и сестрами. Исследователь далее рассуждает о том, что Золушка добровольно принимает свое приниженное положение, свою бесполезность и ждет спасения, которое должно стать наградой за ее стойкость в страданиях – узнаваемая парадигма традиционной женской модели социализации. Героиню постоянно унижают, исключают из участия в значимых событиях, поручают самую грязную работу, однако она не устраивает подросткового бунта, она полностью усвоила сознание жертвы. М. Колбеншлаг пишет: «Парадокс принятия состояния своей бесполезности сочетается с полной убежденностью в собственной значимости и героизме ее роли – это часть страшного послания волшебной сказки» [5]. Подобная интерпретация является далеко не единственной, в психологии даже возник термин «комплекс Золушки» (The Cinderella Complex), который описывается К. Даулинг (Dowling) как «желание быть спасенной» [4]. Она полагает, что потребность в зависимости – это нормальное явление для обоих полов, однако женщинам с детства внушают, что они должны быть зависимыми, в конечном счете это делает современное общество нездоровым.

В то же время существует другой подход. Так, Дж. Йолен (Yolen) утверждает, что подобные мнения о Золушке верны только в отношении специфичного образа, сложившегося в американской культуре. Традиционная сказка вовсе не является повествованием в духе «rags-to-riches», в действительности это история о возвращении своего законного положения и богатства: «riches-to-rags-to-riches». Главная героиня вовсе не бедная служанка, которая становится принцессой, а достаточно состоятельная девушка (в некоторых версиях принцесса), она спасается из тяжелой унижительной ситуации, в которой оказалась [9]. Искаженные, адаптированные версии сказки, получившие широкое хождение, привели к неверным интерпретациям образа героини в целом, огромную роль в этом сыграла мультипликационная версия «Золушки» студии «Дисней», вышедшая в 1950 году. Выводы, сделанные Дж. Йолен, разделяются большим количеством исследователей и стали расхожей цитатой. Она пишет: «До недавнего времени Золушка никогда не была пассивной мечтательницей, ожидающей спасения. Предшественницы девушки, перепачканной золой, были стойкими, активными героинями, которые брали жизнь в свои руки и прилагали усилия к своему спасению...», и далее: «Фильм Уолта Диснея устанавливает новый образ Золушки – беспомощной, бесталанной, жалкой и бесполезной героини, которая вынуждена спасаться, раз за разом разговаривая с мышами и птицами, поскольку она находится “не здесь, в мире грез”. Это Золушка, которую ее принц не узнает до того момента, пока она волшебным образом не облачается обратно в свое бальное платье, украшенное лентами и драгоценными камнями. Бедная Золушка. Бедные мы» [10].

Оценить критику Дж. Йолен помогает сравнение мультфильма с вышедшим в 1947 году советским фильмом «Золушка» с Яниной Жеймо в главной роли. Здесь представлена сказочная страна, король которой себя позиционирует именно в ка-

честве «сказочного короля», он на равных общается с лесником, отцом Золушки, к нему на бал приходит волшебник; гонцы, разыскивающие исчезнувшую красавицу, надевают сапоги-скороходы; а сестру мачехи съел людоед, отравился ее ядовитым характером и умер. Здесь обозначение «прекрасная незнакомка» – это практически и имя, и титул, которые не требуют дальнейшего выяснения, кем является гостя, ведь ее узнал король именно как «прекрасную незнакомку». И все же Золушка в этом фильме представлена совершенно иной, чем в диснеевском мультфильме: она много и тяжело работает, ей никакие волшебные друзья не помогают, за исключением случая, когда мачеха дает ей невыполнимое задание, чтобы не дать пойти на бал, однако и здесь большую часть работы выполняет она сама. Собственно, даже не на бал собиралась Золушка, поскольку думала, что ее не пригласили, хотя она этого заслуживала; поэтому в качестве утешения девушка решила: когда все уедут, побежать в королевский парк, посмотреть на праздник через окно. И еще у нее золотые руки: она шьет за ночь балльные платья для мачехи и ее дочерей, зашивает королю воротник, так что дыра становится незаметной, и, когда мачеха угрожает сжить со света ее отца, одевает на ногу сестры Анны свою туфельку, которая той «невозможно мала». В этом фильме социальная дистанция между Золушкой и принцем размыта: она дочь лесника, который в то же время является приятелем короля и от него получает личное приглашение на бал, включающее и Золушку, ей просто не сообщают об этом, а отец считает, что она просто еще мала. Здесь не работает модель «rags-to-riches», скорее подходит «riches-to-rags-to-riches» с той оговоркой, что речь идет не о богатстве, а о равном праве на заслуженный праздник, которого девушку лишили (особенности социального контекста советской эпохи). Так мы видим, что в одно и то же время в разных культурах возникают серьезно отличающиеся образы Золушки, к которым не всегда применимы одни и те же интерпретации.

В контексте рассматриваемого вопроса особый интерес представляет статья Э. МакКроссэна (McCrossan), посвященная женскому роману, популярность которого она вслед за Беттельхаймом (Bettelheim) усматривает в близости сюжетов с известными сказочными мотивами. Автор проводит анализ 59 романов, написанных в 1990-х гг. и позже, и обнаруживает в них все элементы сказки о Золушке: она добрая, трудолюбивая и настойчивая, временами наивная, зачастую обладает непривлекательной внешностью; ее несчастья, как правило, связаны со смертью, произошедшей в семье; девушка подавлена и лишена надежд; некто наподобие доброй крестной подталкивает ее к изменениям, хотя нередко она сама является их инициатором; Золушка отправляется на бал, все детали ее наряда и манера поведения соответствуют высшему классу; принц оценивает сперва ее внешнюю, а потом внутреннюю красоту; возникает конфликт, непонимание; конфликт разрешен, и принц принимает собственную ценность Золушки. Эти романы она называет «женскими романами о Золушке» [6].

Э. МакКроссэна полемизирует с критиками женского романа, который обвиняется в навязывании женщине патриархальных устоев, и присоединяется к исследователям, которые полагают, что огромная популярность этого жанра указывает на его способность выражать реальные социальные проблемы. Вопрос, который является наиболее значимым в современном обществе, она формулирует следующим образом: как может женщина осуществить желание выйти замуж и иметь семью и в то же время сохранить свою независимость и идентичность? Ответу на этот запрос и посвящены романы про современных золушек.

Одним из значимых пунктов критики Золушки является ее пассивность, ожидание внешнего источника трансформации ее жизни, принца. Однако, по наблюдениям Э. МакКроссэна, в большинстве женских романов трансформация героини происходит до встречи с принцем, функция которого заключается лишь в том,

чтобы «опознать ее как принцессу» [6]. Золушка узнает, что ей необходимо делать, чтобы получить социальное признание. В то же время она учится принимать и отвергать качества принца, основываясь на собственных ценностях и предпочтениях, а также осознает, чего однозначно не будет менять в себе самой.

Второй момент, который отмечает исследователь, состоит в том, что героиня уже обладает теми характеристиками и ценностями, которые сперва делают возможной ее трансформацию, а потом и узнавание принцем. В этом контексте добрая Крестная выступает как сила, обеспечивающая реализацию справедливости: она помогает Золушке гармонично раскрыть ее внутренние качества через культурные атрибуты. Знаки, указывающие на низкий социальный статус, заменяются на знаки принадлежности к высшему классу.

Героини, описанные в женских романах до 1990-х годов, отличаются подчиненным положением, мужчины явно доминируют над ними, вступление в брак приводит к отказу от карьеры. Принятие обществом феминистских идеалов привело к тому, что романы, созданные в более поздний период, до некоторой степени ассимилировали эти ценности. Теперь золушки могут бояться потерять независимость, а потом стать инициаторами отношений, при этом принцы проходят параллельно свой путь трансформации.

Полемизируя с А. Вульф, Э. МакКроссээн подчеркивает, что в современных романах пропагандируется внутренняя красота, в то время как внешняя уходит на второй план. Героини сохраняют свою карьеру и финансовую независимость. Кроме того, меняется возраст героинь: из юных неопытных девушек они превращаются в молодых женщин с багажом жизненного опыта, при этом разрыв в возрасте с мужскими персонажами сокращается, что делает возможным равные, партнерские отношения между ними.

Э. МакКроссээн делает вывод, что современные золушки обладают теми же чертами, что и героиня классической сказки: добротой, нравственностью, внутренней красотой, готовностью трудиться, упорством, огромным желанием быть собой, той, кем она хочет быть [6].

Знаменательно, что изменения, отмеченные Э. МакКроссээн в современных женских романах о Золушках, можно также отнести к киноверсиям сказки того же периода. Это «История вечной любви» (Ever After, США, 1998), где сюжет сказки трансформирован и подается как история подлинной Золушки, жившей в XVI в.; «Золушка» («Aschenputtel», Германия, 2011) – экранизация версии братьев Гримм; «Золушка» («Cinderella», США, 2015) – ремейк мультфильма фирмы «Дисней» (1950). Героини во всех этих фильмах много работают, обладают разной степенью инициативности (данный порядок соответствует убыванию этого качества). Они встречают принца еще до бала и ведут себя с ним довольно дерзко, что и делает их привлекательными в глазах мужских персонажей; при этом принц также еще не узнан как принц. Золушки из «Истории вечной любви» и немецкой сказки подвергаются серьезному унижению, при этом помогают своим слугам, которых третирует мачеха, изображают покорность, однако отлично все понимают и временами огрызаются, хотя бы в сторону. Героиня «Истории вечной любви» еще и образованна, она покоряет принца тем, что цитирует Т. Мора. На фоне этих Золушек принцы меркнут: они во многом уступают своим возлюбленным и по приспособленности к жизни, и по человеческим качествам. В результате даже хеппи-энд этих историй кажется сомнительным. Что касается фильма 2015 года, то он лишь отчасти исправляет характер Золушки из мультфильма; она продолжает общаться с птичками и мышками, которые ей помогают, постоянно твердит о том, что «надо быть сильной и верить в добро», ей не приходится проходить через унижения (мачеха скорее жесткая женщина с непростой судьбой, чем злая ведьма), поэтому

характер героини выглядит несколько плоским и добродетельно-скупным на фоне аналогичных персонажей других киноверсий.

Другая группа фильмов про Золушку рисует современных девушек, попавших в сложную ситуацию в собственной семье: «Золушка 80» (Италия, Франция, 1984), «Золушка» (Великобритания, 2000), «Золушка» (Италия, 2011). Героини этих фильмов обладают яркой индивидуальностью, они трудолюбивы и настойчивы. Детали их историй во многом различаются: в «Золушке 80» непростая домашняя ситуация (Золушка – внебрачная дочь, принятая на воспитание законной женой) дополняется конфликтом с отцом; у героини «Золушки» 2011 года появляется богатая бабушка по материнской линии, она выполняет функцию феи, но параллельно является конкурентом принца в бизнесе; Золушка британского фильма отправляется на бал не ради танца с принцем, а с целью помешать мачехе (травящей ее отца в прямом смысле) найти нового мужа, собственно, и принца она не замечает, пока он, заинтересовавшись ею, не начинает петь и не уводит ее с общего праздника.

Особо можно выделить группу из трех американских фильмов: «История Золушки» (A Cinderella Story, 2004), «Еще одна история о Золушке» (Another Cinderella Story, 2008), «История Золушки 3» (A Cinderella Story: Once Upon a Song, 2011). Это типичные молодежные фильмы, где главная героиня является изгоем и соревнуется за любовь принца с первой красавицей и главным чарлидером, последняя сперва не воспринимает Золушку всерьез, а потом начинает активно плести интриги против нее. Принц является, конечно, звездой школы и капитаном футбольной команды или музыкальной звездой, которая вдруг решила доучиться. Золушка активна и находчива, она постоянно выкручивается из передряг и надеется на лучшее будущее.

Параллельно выходят детские версии Золушки. Начнем с итальянского мультфильма «Золушка» (1995) – совсем детской версии. Здесь главная героиня и принц изображены детьми десятилетнего возраста; вместо бала – праздник цветов, на котором выбирают не невесту наследнику престола, а самую красивую девушку – королеву праздника цветов; первое знакомство героев происходит на улице, где они сталкиваются и падают в лужу; авторы добавили также политический переворот в королевстве, организованный коварным министром, которого в конце концов побеждают принц и Золушка; бал, на котором происходит потеря туфельки, организован в честь возвращения трона королю. Весь фильм герои говорят о дружеских отношениях, поэтому довольно нелепо выглядит финал, когда Золушку делают принцессой, и король с королевой передают ей и принцу престол. В любом случае, героиня обладает достаточно деятельным характером, добротой и отзывчивостью.

Позднее появляются два мультфильма фирмы «Дисней», сиквелы «Золушки» 1950 года: «Золушка 2: Мечты сбываются» (Cinderella II: Dreams Come True, 2002) и «Золушка 3: Злые чары» (Cinderella III: A Twist in Time, 2007). Мультфильмы вышли с разницей всего в пять лет, однако значительно отличаются друг от друга. «Золушка 2: Мечты сбываются» рассказывает о жизни Золушки после замужества и может быть описана словами Э. Берна, размышлявшего об этом вопросе в 1964 году: «Вскоре она сделала удивительное открытие: самыми интересными для нее людьми оказались судомойки и служанки, занятые на кухне. Сначала она хранила это в секрете, стараясь найти извинительный предлог, чтобы подольше побыть на кухне. Но потом, не удержавшись, стала давать служанкам дельные советы, свидетельствующие о глубине ее познаний в этой сфере... Ей нравилось надевать старое платье, сидеть с бедными женщинами, говорить с ними и помогать им» [2]. Кроме того, диснеевская Золушка продолжает общаться с мышами и птичками. Как складываются ее отношения с принцем, не ясно, он появляется лишь пару раз,

чтобы засвидетельствовать, что любит ее. Совсем иная ситуация в «Золушке 3: Злые чары»: видимо, авторы решили переиграть старую версию и ради этого даже отменили события «Золушки 2». В этом мультфильме сестра Анастасия украла у феи волшебную палочку, а злая мачеха повернула время вспять, и вновь повторился день примерки туфельки, которая магическим образом подошла Анастасии. Принц был заколдован и думал, что именно эта девушка его избранница, а Золушку выгнали из дома и даже пытались выслать из страны. В конечном счете любовь победила, и Золушка с принцем вновь сыграли свадьбу. Таким образом была сделана попытка пересмотреть «Золушку» 1950 года и показать, что героиня все же боролась за свое счастье, ей даже лицо нарисовали более живым.

Справедливости ради стоит отметить, что среди экранизаций сказки «Золушка» до 1990-х гг., в отличие от романов, рассмотренных Э. МакКроссэна, нет такого единообразия характеров, и отнюдь не всегда Золушки оказываются смиренными, готовыми находиться в подчиненном положении по отношению к мужским персонажам. Напротив, стоит отметить итальянский фильм «Жила-была, Золушка по-итальянски» (*C'era una volta... / More than Mirracle*, 1967), где главные герои оба обладают невыносимым характером и даже дерутся за лошадь при первой встрече; а также чешскую сказку «Три орешка для Золушки» (*Tri orisky pro Popelku*, 1973), где образ активной и остроумной девушки сближается с подачей Золушки, ставшей характерной для более позднего времени.

Как видно, в настоящее время существует несколько способов рассказывать сказку о Золушке: детский рассказ об идеальной дружбе и любви; молодежная версия со всеми подростковыми проблемами и отсутствием сцен жестокости; версии взрослых девушек и женщин, которые отвечают на запрос о том, как обрести счастливую семейную жизнь, не утратив своей индивидуальности. Эта тенденция окончательно сформировалась на рубеже XX–XXI вв., она наглядно демонстрирует, что сказка продолжает жить, ее сюжет регулярно воспроизводится в разных жанрах, для разной аудитории и всякий раз отвечает потребностям общества и фиксирует его изменения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гибель сказки, объявленная рядом исследователей фольклора, все же не произошла. Сказка доказала свою жизнеспособность: она трансформировалась, получила многообразные интерпретации в различных жанрах и продолжает оставаться носителем жизненного опыта, к которому стремятся прикоснуться ее многочисленные почитатели.

Литература

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди [Электронный ресурс]. – URL: http://knigger.org/berne/the_psychology_of_human_relationships/ (дата обращения: 26.11.2015).
2. Дяловская Н. Г. Любимые женские образы волшебных сказок [Электронный ресурс]. – URL : http://www.raduga-nte.de/index.php?nma=astudium&fla=stat&cat_id=22&nums=1003 (дата обращения: 24.02.2015).
3. Descamps M. A. Psychanalyse des contes de fées [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.europsy.org/marc-alain/contedefee.html> (дата обращения: 19.11.2015).
4. Dowling C. The Cinderella Complex [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.womens-wellbeing-and-mental-health.com/the-cinderella-complex.html> (дата обращения: 24.11.2015).
5. Kolbenschlag M. A feminist's view of «Cinderella» // Kolbenschlag M. Kiss Sleeping Beauty Good-Bye: Breaking the Spell of Feminine Myths and Models. – Harper Collins, 1979. – URL: http://sutterfield.weebly.com/uploads/1/2/6/8/12686139/kolbenschlag_article.pdf (дата обращения: 23.11.2015).
6. McCrossan E. The Cinderella Romance Novels // The Cinderella Bibliography. – Rochester, New York : The Robbins Library, University of Rochester, 2002. – URL: <http://d.lib.rochester.edu/cinderella/text/cinderella-romance-novels-introduction> (дата обращения: 20.11.2015).

7. Peck R. A. Modern Children's Editions and Adaptations // The Cinderella Bibliography. – Rochester, New York : The Robbins Library, University of Rochester. – URL: <http://d.lib.rochester.edu/cinderella/text/modern-childrens-editions-and-adaptations> (дата обращения: 19.11.2015).
8. Windling T. Beauty and the Beast. 2007 // The Journal of Mythic Arts: Archived Articles. – URL: <http://www.endicott-studio.com/rdrm/forbewty3.html> (дата обращения: 25.02. 2015).
9. Yolen J. America's Cinderella // Children's Literature in Education. – 1977. – Vol. 8, Iss. 1. – P. 21–29. – URL: <http://link.springer.com/article/10.1007%2F01143277#page-1>
10. Yolen J. Once Upon a Time [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.goodreads.com/quotes/472082-cinderella-until-lately-has-never-been-a-passive-dreamer-waiting> (дата обращения: 02.11.2015).

УДК 316.7:687

Ковалева Анфиса Юрьевна

аспирант НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: anfi-kay@mail.ru

Kovaleva Anfisa Yur'evna

Postgraduate Student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

Брандт Галина Андреевна

д-р филос. наук, завкафедрой социально-
гуманитарных дисциплин, НОУВПО Гумани-
тарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: gbrandt@bk.ru

Brandt Galina Andreevna

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head
of the Humanities Chair, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

**КОСТЮМ БОГЕМЫ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
КАК «ВЫСКАЗЫВАНИЕ»:
К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА**

**THE SILVER AGE
BOHEMIA'S COSTUME:
A PROBLEM STATEMENT**

Аннотация

В статье рассматривается костюм в семиотико-коммуникативной теоретической парадигме. Выделяются два вида костюмной коммуникации: костюм как текст и костюм как высказывание. Высказывание может быть индивидуальным и групповым. Обращение к костюму богемы Серебряного века, рассматриваемой в статье в качестве артистической субкультуры, обосновывается тем, что он являл собой отчетливое специфическое культурное высказывание, где индивидуальное и групповое сосуществовали в органичном единстве.

Ключевые слова: костюм; богема; Серебряный век; артистическая субкультура.

Abstract

The article presents the costume in theoretical semiotic and communicative paradigm. There are two types of costume communication: the costume as a text and the costume as an expression. The expression can be both individual and group statement. Turning to costume of the Silver Age bohemia (which authors consider as the artistic subculture) is motivated by the idea that the costume provided a clear specified cultural expression where the group and the individual coexisted in harmony.

Keywords: costume; bohemia; the Silver Age; artistic subculture.

Одежда и костюм

Человек в социокультурном контексте не существует без костюма. Костюм находится в знаковом отношении с телом человека; «как чистая осязательность тело не может ничего значить, одежда же обеспечивает переход от чувственного к смыслу» [2. С. 293]. Термины «одежда» и «костюм», на первый взгляд, схожи по значению. Однако, на наш взгляд, важно различать одежду как совокупность предметов, покрывающих тело человека и предназначенных защитить его от воздействий окружающей среды, и костюм, который прежде всего несет коммуникативную функцию, передает информацию окружающим об его, в буквальном смысле, «носителе». Он всегда содержал информацию о возрасте, половой и этнической принадлежности человека, его социальном статусе, профессии, ценностных предпочтениях. Однако сегодня резкая смена культурной ситуации и способов коммуникаций породила потребность в новых знаках (языках), в том числе и в языке костюма.

Так, в современном мире, где социальный, профессиональный, возрастной и т. п. статус в определенных контекстах может быть стертым, традиционные костюмные коды распадаются, костюм все больше становится материалом конструиро-

© Ковалева А. Ю., Брандт Г. А., 2015

вания, прежде всего, личной, а не коллективной идентичности. Тем не менее в множасьих субкультурах, особенно молодежных, костюм продолжает играть важную роль как индикатор коллективной принадлежности, но совсем иной, чем, например, маркер социальной стратификации. Нам представляется продуктивным разделить понятия «костюм-текст» и «костюм-высказывание», это поможет точнее вычлениить механизмы построения и прочтения идентичности человека через костюм. А для выявления технологии символической трансформации костюма-текста в костюм-высказывание, продуктивным материалом, на наш взгляд, является богема Серебряного века, потому что здесь мы видим образец яркого многослойного культурного высказывания по поводу своей групповой идентичности, это своеобразный манифест, представленный не только в словесном, но и в знаково-телесном выражении.

Костюм как текст и высказывание

Методологическим основанием нашего исследования является теория Ролана Барта, который перешел от изучения знаковых систем, целенаправленно используемых людьми, к знаковым системам, которые людьми не осознаются, хотя ими и используются, более того, во многих случаях ими управляют. В рамках разработанной им научной дисциплины семиологии был создан метод, позволяющий видеть широкий спектр явлений культуры как структурную языковую модель. Центральной для этого метода является идея знака как коммуникационной точки опоры в языковой системе: это может быть слово, образ, звук, деталь одежды, которая, в сопоставлении с другими, порождает тот или иной смысл [15. С. 43]. Такими знаками в костюме являются: тип костюма, силуэт, цвет, фактура ткани, расположение деталей и декора, манера ношения.

Как отмечает Барт, «сколь бы ни была функциональна реальная одежда, она всегда содержит в себе и сигналетическое начало» [2. С. 158]. То есть костюм, являясь значением совокупности знаков, всегда что-то «сигнализирует», о чем-то рассказывает, иными словами это всегда текст, который обращен к окружающим. Однако это совсем не значит, что текст этот имеет автора, поскольку часто создатель данного текста не отдает отчета в его коммуникативной природе, т. е. сам не воспринимает его как текст, как послание. Мы постоянно видим костюмные послания окружающих, например: «не подходите ко мне, я другой» (капюшон, темные цвета, агрессивный пирсинг), «я слежу за модой» или прямые маркировки костюма, когда нам посылают сообщения «я полицейский»; т. е. любой костюм является текстом. Однако это совсем не значит, что человек, надевающий темный жилет с глубоким капюшоном или, напротив, розовую мини-юбку с ярко-зеленым лифом сознательно хочет дать какие-то сигналы окружающим. Сигналы идут, поскольку текст всё равно вызывает к прочтению, но совсем иное дело, когда мы видим в костюме авторский текст, т. е. высказывание.

Только сознательное построение через костюм собственной идентичности («идентичность – это символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других» [6. С. 45]) превращает его носителя в автора высказывания. Текст костюма, как правило, конструируется неосознанно, и любое высказывание есть текст, но не каждый текст является высказыванием. Так, например, в фильме В. Тодоровского «Стиляги» основной конфликт выражается на языке костюма. Брюки, куртки, обувь, в которые одеты «комсомольцы», в совокупности являются текстом, который просто свидетельствует – «нормальный» для одних и «жлоб» для других, в то время как костюм стиляг – это отчетливое высказывание, сознательная конфронтация с миром «одинаковых», «серых», «скованных одной цепью» людей.

Вообще, на наш взгляд, текст костюма как *высказывание* особо ярко проявляется в субкультурах. Костюм – это первое, что сообщает нам о принадлежности человека к субкультуре, здесь мы получаем отчетливое высказывание: *я принадлежу к этому сообществу*. Ведь субкультура, как правило, формируется на отличии или даже противостоянии по отношению к доминирующей культуре [12]. Например, хиппи, протестуя против войны во Вьетнаме, буржуазных ценностей, в том числе своим внешним видом протестовали и против общепринятой моды. Они одевались в рваные джинсы, длинные юбки (когда все ходили в мини), романтические струящиеся блузы с этническими мотивами (в то время в моде была геометрия). Костюм хиппи не просто «сообщал» о своей инаковости, а указывал на проблемы общества, например на подмену подлинных смыслов ценностями престижа и комфорта. Да и вообще очевидно, что в костюме мы всегда, так или иначе, видим *отражение* основных смыслов и идей определенной субкультуры. Например, мистическое, депрессивное мировоззрение «эмо», основанное на романтизации смерти (dark romantic), с акцентом на возвышенную любовь, сворачивается в знаки черного и ярко-розового цвета, металлических украшений. Костюм как бы «высказывает» *идею субкультуры*.

Богема Серебряного века как субкультура

Обратимся к Серебряному веку. Определенной даты начала Серебряного века нет, да и само понятие не утверждено как научный термин¹. Поэтому можно говорить, очень приблизительно, что это культурный феномен рубежа XIX–XX веков в России. Время острой динамики социально-политических процессов на фоне войн и революционных событий. Реальность русской жизни того периода казалась неустойчивой, временной, иррациональной. Прервались вековые традиции, организующие прежде устойчивый образ мира. «Вещи умерли, – писал Шкловский в те годы, – мы потеряли ощущение мира, мы подобны скрипачу, который перестал осязать смычок и струны. Мы не любим наших домов и наших платьев и легко расстаемся с жизнью, которую не ощущаем» [3. С. 10]. Декадентские² настроения общества, главной особенностью которого является его растерянность перед резко изменившимся миром, явная *театрализация* поведения и быта, *игра*, – стали определять характер художественной культуры, стиль жизни ее создателей. Стоит отметить, что термин «Серебряный век» принято соотносить с периодом русской поэзии, по аналогии с «Золотым веком». Но «Серебряный век» – более широкое историческое явление, которое относится не только к подъему в литературе, но и к взлету всей культуры рубежа веков. Мы, с учетом наших задач, остановимся на рассмотрении феномена *богемы* как творческой квинтэссенции культуры Серебряного века (сообщества поэтов, художников, театральных деятелей, писателей и их окружения), на особую природу, функцию и назначение костюма этой субкультуры.

Но прежде обратимся к самому понятию – «богема». Исторические истоки богемы принято относить к началу XIX века. Именно во Франции богема впервые появилась и сложилась как культурный, социальный и исторический феномен. Богемцами называли цыган, пришедших из Восточной Европы, поселившихся в

¹ В Литературном энциклопедическом словаре [19] он никак не выделен. Словосочетание «Серебряный век» ввели сразу несколько человек – философ Николай Бердяев, художник Сергей Маковский и поэт Николай Оцуп. С. Маковский в своих воспоминаниях настаивает, что он начался с выходом в 1899 году журнала «Мир искусства». Некоторые историки считают точкой отсчета выход в 1894 году «Критических заметок к вопросу об экономическом развитии России» Петра Струве (см. об этом: [3. С. 5]).

² Декадентство (фр. *decadence*, упадок) – общее наименование кризисных явлений в культуре рубежа XIX–XX веков в России. Многие мотивы декадентского умонастроения позднее стали достоянием модернистских художественных направлений [14. С. 71].

Париже, а также представителей городских низов – мелких воров, фокусников, шулеров, шпагоглотателей. Эти маргинальные группы объединяла свобода нравов, безденежная, кочевая жизнь в радостях зрелища, что вызывало презрительное отношение горожан в Париже XIX века. Их приоритеты всегда отличны от тех, которые господствуют в культуре мейнстрима.

Начиная с 1830-х годов, термин *bohémian*, сохраняя отрицательные ассоциации, начинает соотноситься с понятием «артистизм». Богемный – «цыганский», «анархический» – образ жизни стал популярен в сообществах романтиков³, которые отличались собственным стилем «бытового» богемного поведения. В эпоху европейского романтизма происходит смысловое преобразование термина «богема», в основе которого лежит изменение отношения к искусству: «искусство» – это, прежде всего, *стиль жизни*, а не создание конкретного произведения» [5. С. 332]. Образ богемы, как принадлежность к артистической среде, закрепляется после выхода в свет романа французского писателя Анри Мюрге «Сцены из жизни богемы» (1849), где повествуется о сообществе молодых художников, музыкантов, писателей, студентов с Монмартра. Они бедны, но амбициозны и намерены зарабатывать на жизнь именно искусством. Мюрге классифицирует богему, исключает из нее цыган и представителей городских низов, но по-прежнему сохраняется направленность на нарушения норм и правил в обществе как объединяющий характер этих людей. Появляется «официально утвержденная богема» как синоним художников и артистов всего мира [9], как своеобразная *артистическая субкультура*.

Подчеркнем, что богема Серебряного века в России была не заимствованным, а самостоятельным культурным явлением⁴. Как пишет О. Аронсон, «феномен богемы всегда находится “между” при любом разделении, так как в нем сосредоточено противостояние “традиции” и “стремления к революции”, как момент распада, указатель возможных зон свободы в пространстве общества, культуры или истории» [1. С. 71]. Именно такая ситуация в России предопределила появление богемы. Время радикальных перемен, расцвета духовной культуры, поиска, ориентированного на создание нового искусства, не могло не породить людей особенных, с ярко выраженной индивидуальностью и со стремлением подчеркнуть ее.

Действительно, богема Серебряного века – это амбициозные, эксцентричные личности, люди с радикальными политическими взглядами, юные авантюристы, свободные от страха быть другими. Их объединяет стремление к самовыражению, индивидуализм во всем, для них свобода творчества – основная мировоззренческая ценность. В богеме употребляется особый язык, полный оборотов, подхваченных в художественных мастерских, за кулисами и в редакциях, иронический, добавленный неологизмами. И конечно, характерные поведенческие признаки – сознательная экстравагантность в одежде, манере держаться, всегда быть на виду – становятся самостоятельной художественной задачей. Богема присутствует в пространстве жизни и творчества со сложившейся «инфраструктурой» – кафе, салонами, артистическими кабачками, книжными магазинами, галереями и издатель-

³ Группа «Jeunes-France», где было принято носить бороды, экзотические костюмы и устраивать «черные макабрические» вечеринки в антураже из звериных шкур, Теофиль Готье, Жерар де Нерваль, которые снимали вместе комнаты в парижских мансардах, и Петрус Боэль одно время входили в кружок «Le Petit Cénacle». Каждый из них отличался собственным стилем «бытового» богемного поведения, этот романтический опыт стал архетипом артистического существования [5. С. 330].

⁴ Часто отечественные субкультуры являются аналогами западных образцов. Стили, ритуалы и ценности во многих случаях заимствованы и переосмыслены в соответствии с особенностями российской ментальности. Для молодежных субкультур Запада источником «романтизированного и идеализированного образа другой цивилизации или культуры» стали буддийский Восток, Африка, культуры североамериканских индейцев (цит. по: [6. С. 29]).

скими домами. Возникшие на рубеже 10-х годов XX века маленькие театры, кабаре («Летучая мышь», «Кривое зеркало», «Бродячая собака»), связанные с именами крупнейших режиссеров, актеров, художников, музыкантов и людей из их ближайшего окружения, – вот среда, где оформляется данная субкультура. То есть *артистизм* для рассматриваемого сообщества является, действительно, необходимым атрибутом.

Костюм богемы Серебряного века

Происходил поиск и нового внешнего облика, так как с понятием костюм неразрывно связано представление об идеале человека, о том, что «в человеке всё должно быть прекрасно», как говорил А. Чехов. «Современные мужские платья однообразны, шаблонны и всех обезличивают», – высказывался Н. Брешко-Брешковский. «Художник должен стать заклинателем вещей» – это убеждение М. А. Волошина разделяли многие деятели русского искусства, решившие заняться созданием костюмов [17]. Русский художник М. Ф. Ларионов предлагал программу реформирования мужского костюма и не раз высказывал ее в печати [Там же]. Лев Бакст в статье «Путь к классицизму», формулируя свой взгляд на моду, четко осознавал идейно-смысловую значимость костюма: «Пора же установить, что то течение, то правильное чередование вкусов культурной части человечества, которое мы называем не без некоторой усмешки – Модой, есть, в сущности, одно из колебаний художественной идеи в человечестве» [16. С. 47].

Тут стоит напомнить, что существовал целый ряд государственных указов XVIII–XIX вв., регламентирующих формы одежды⁵, что говорит о большом значении, которое придавалось костюму, прежде всего как выразителю сословных различий и идей дворянства. На этом фоне особенно отчетливо были видны костюмные экзерсисы богемы того времени. «Невозможно представить себе Константина Сомова, признанного мастера галантных сцен, – пишет Юлия Демиденко, – тщательно и любовно воссоздавшего в своих картинах “дух мелочей прелестных и воздушных”, одетым в унылый старомодный сюртук или в темную рабочую блузу. Он носил сюртуки особого покроя, выполненные на заказ, чрезвычайно изысканные галстуки». Богема Серебряного века, резко противопоставлявшая себя «массе», регламентациям мейнстрима, искала новизны и необычности, прежде всего ценилась *исключительность*. Персональный вкус владельца костюма создавался и подчеркивался с помощью деталей («особый крой», детали, «изысканные галстуки»...) в костюме, которые и становились знаками их исключительности. Представителю богемы важно не только понимать (ощущать), но и *показать* свою исключительность, визуально «высказать» ее. «Одетый не по сезону легко, со львиной застежкой на груди, в широкополой черной шляпе, надвинутой на самые брови, он казался членом сицилианской мафии, игрою случая заброшенным на Петроградскую сторону. Его размашистые, аффектированные, резкие движения, традиционные для всех оперных злодеев, басовый регистр, prognathическая нижняя челюсть, волевое выражение которой не ослабляло даже отсутствие передних зубов» – так Б. Лившиц описывает внешность Маяковского времен “Бродячей собаки”. Лившиц и сам ходил то в громадном галстуке из яркой набивной ткани, то в черном жабо прокаженного Пьеро» [11. С. 124].

Впрочем, костюмная речь нередко свидетельствовала и о коллективной идентичности внутри богемы. «Его появления были внезапны... Билибин знал, что он хорош, и своими неожиданными нарядами удивлял товарищей. Он мне очень за-

⁵ В царской России было очень распространено форменное платье. Военные и служащие полиции и жандармерии, учащиеся высших и средних школ, служащие путей сообщения, чиновничество всех 14 классов должны были носить установленную форму. Форменная одежды была присвоена и учащимся высших, средних и низших учебных заведений [7. С. 138].

помнился, когда приходил в *ярко-синем сюртуке*» – так рисует портрет близко знавшая его А. П. Остроумова-Лебедева [10. С. 399]. Однако Иван Яковлевич Билибин постоянно подчеркивал в своем внешнем облике и свою мировоззренческую приверженность русофилам, сторонникам национальной идеи, облачаясь в деревенские, а чаще в псевдодеревенские наряды. Поддевки, шелковые рубахи-косоворотки, сафьяновые сапожки, лапти и т. п. с удовольствием использовали в своем костюме Есенин, Клюев, Шаляпин. Интересно, что традиционный русский костюм имеет свое сложное символическое значение, он транслирует не только сословные различия (одежда богатой, зажиточной или бедной крестьянской семьи), но и множество других знаков, связанных с местными традициями. Так, «сафьяновые сапожки», которые упоминаются в русских летописях еще в X веке, противопоставляются лаптям как знак аристократии, чего не скажешь о поддевках и косоворотках. То есть поддевки, рубахи, сапожки, не дифференцируясь, сливаются в текст, который вызывает к прочтению, как «русское» вообще, как «русский стиль». И то, что это именно высказывание (а не просто текст) демонстрируют нам и творчество Есенина («Гой ты, Русь моя родная...»), «Билибинский мир», ставший символом русской старины, былины, сказки, знаменитые русские распе-вы Шаляпина. Интересно, что меняется и смысл знака, который становится символом не «русского костюма», а одним из знаков принадлежности к определенному сообществу. «Позвольте, почему вы в *поддевке*⁶, ежели вы не писатель? Ах, вы швейцар!» – пишет Влас Дорошевич (цит. по: [8. С. 219]).

В этой связи нельзя не сказать и о другой тенденции, отмеченной интересом к английскому дендизму. Это тенденция характерна для «западников», она очень ценилась, например, в кругу деятелей «Мира искусства». С. Дягилев, Л. Бакст, А. Бенуа, Д. Д. Филофоров, А. Нурок – все они были отменными модниками дендистского толка. И не только они. Обратим внимание на знаменитый портрет кисти Л. Бакста (1906) одной из самых экстравагантных представителей богемы Зинаиды Гиппиус. Здесь мы видим даму с пышной прической и надменным выражением лица, в мужском платье, в кюлотах и батистовой манишке щеголя XVIII века, удобно развалившуюся в кресле. В этом образе ей удалось тонко реализовать весь потенциал культурного шока, заложенный в дендистской андрогинности, причем если мужчин-денди обычно обвиняли в излишней женственности, то здесь, напротив, женщина как будто «присвоила» себе символические атрибуты мужественности – и свободный костюм, и раскованную позу, и высокомерный взгляд [4. С. 278]. Сам факт переодевания женщины в мужское платье в XIX веке становится радикальным высказыванием. Но она усилила эффект, выбрав не цветные узорчатые шелка, как полагалось для кавалера XVIII века, а черный бархат, который носили в России того времени только в трауре. Нарушение запретов, шокирование общества – к этим приемам в создании своих образов Гиппиус прибегала постоянно. По воспоминаниям ее современников, она сознательно провоцировала окружающих на отрицательные эмоции в свой адрес. Ей нравилось, когда ее называли «ведьмой» – это подтверждало, что тот «демонический образ», который она активно культивировала, работает [18]. На первое собрание религиозно-философского общества⁷ она явилась в глухом черном просвечивающем платье на розовой подкладке. При каждом движении создавалось впечатление обнаженного тела, «присутствующие на собрании церковные иерархи смущались и отводили глаза» [Там же].

⁶ Поддевку носили рабочие, мещане, выходцы из крестьян, а в деревне также помещики, как наиболее удобную одежду, на охоту или при объезде хозяйства.

⁷ На этих собраниях (1901–1903 годы) творческая интеллигенция вместе с представителями официальной церкви обсуждала вопросы веры. Гиппиус была одним из членов-учредителей и непременной участницей всех заседаний [18].

Интересно, что, как свидетельствуют исследователи, З. Гиппиус, как многие художники, обладала ранимой, сверхчувствительной натурой. Павел Флоренский⁸ вспоминал о Зинаиде Николаевне: «Хотя я видел ее всего несколько часов, но многое понял в ней, и прежде всего то, что она неизмеримо лучше, чем кажется. Я знаю, что если бы я только и ее видел, что в обществе, то она бы возбуждала некоторую досаду и недоумение. Но когда я увидел ее в интимном кругу друзей и домашних, то стало ясно, что, в конце концов, то, что способно возбудить досаду, есть просто результат внутренней чистоты, – внешняя изломанность, – проявление внутренней боязни сфальшивить... Я хорошо знаю, что бывают такие люди, которые, боясь неестественности, надевают маску ее – такую неестественность, которая не искажает подлинную природу личности, а просто скрывает ее» [13. С. 31].

Своим провокационным костюмом она, в том числе, пыталась скрыть свое истинное лицо, тем самым обрести психологическую блокировку, «обрасти панцирем», охраняющим ее душу от внешних ранящих воздействий. Такой выход из ситуации видели многие. Так что яркая театрализация костюма, кроме эпатирующего подчеркивания своей особенности, индивидуальности, исключительности, имело и другую функцию – функцию защиты, панцыря, маски. Характерное признание сделал поэт Андрей Белый: «Я остался один в 4 года. И с тех пор уже не переставал ломаться даже наедине с собой. Строю себе и теперь гримасы в зеркале, когда бреюсь. Ведь гримаса та же маска. Я всегда в маске! Всегда!» Французский исследователь Жорж Нива объясняет это так: «Это – не столько маски, сколько выражение некоей постоянной неустойчивости, следствие подвижного, танцующего обращения с собственной жизнью» [3. С. 17]. «Я живу как Арлекин и умру как Арлекин», – говорил Николай Евреинов [Там же], один из самых ярких театральных деятелей рассматриваемого периода. И этой – обратной – стороны костюмого высказывания богемы Серебряного века тоже нельзя не учитывать.

В заключение заметим, что феномен богемы часто актуализируется и становится значимым в культуре на «разломе эпох»: так было после Великой французской революции, так было в конце XIX – начале XX века, так повторяется и на рубеже веков нынешних. В ситуации разлома, когда старые устои жизни сменяются новыми, люди, не принимающие ни тех ни других, создают собственную форму существования. Эти изменения «отпечатываются» и в костюме, который способен рассказать о *другом* понимании моральных и эстетических норм, психологических состояний, статусных ролей, телесности, гендерных установок, даже общей системы ценностей. Так костюм является тем визуальным ресурсом, который может позволить выявить и проанализировать новые значения и смыслы, которыми руководствуется в своей жизни человек.

Литература

1. Аронсон О. Богема: опыт сообщества (Наброски к философии асоциальности). – М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002.
2. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашиных, 2003.
3. Безелянский Ю. Н. 99 имен Серебряного века. – М. : ЭКСМО, 2007.
4. Ванштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. – М. : Новое литературное обозрение, 2006.
5. Вязова Е. «Гипноз англomании»: Англия и «английское» в русской культуре рубежа XIX–XX веков. – М. : Новое литературное обозрение, 2009.
6. Жимбаева Ц. Ч. Подростковая субкультура: Специфика идентичности. – М. : КРАСАНД, 2010.

⁸ П. А. Флоренский – религиозный философ, богослов, ученый, поэт. Входил в сообщество, где общались Бальмонт, Блок, Мережковский, Гиппиус, Брюсов.

7. Захарова О. Ю. Власть церемониалов и церемониалов власти в Российской империи XVIII – начала XX века. – М. : ООО «АиФ Принт», 2003.
8. Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв. Опыт энциклопедии / под ред. Т. Г. Морозовой, В. Д. Синюкова. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1995.
9. Мюрже А. Сцены из жизни богемы : повесть / пер. с фр. А. Колотова. – СПб. : ИД «Азбука-классика», 2008.
10. Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записи / сост. вступ. и прим. Н. Л. Приймак. – М. : Изобразительное искусство, 1974.
11. Тихвинская Л. И. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: кабаре и театры миниатюр в России 1908–1917. – М. : Молодая гвардия, 2005.
12. Щепанская Т. Б. Система: Тексты и традиции субкультуры. – М. : ОГИ, 2004.
13. Щербак Н. Любовь поэтов Серебряного века. – М. ; СПб. : Астрель-СПб. : ВКТ : Астрель, 2012.
14. Эстетика : словарь / под общ. ред. А. А. Беляева. – М. : Политиздат, 1989.
15. Бруард К. История костюма в контексте культуры // Теория моды. – 2006. – № 1. – С. 43.
16. Бакст Л. С. Пути классицизма в искусстве // Аполлон. – 1909. – № 2–3.
17. Демиденко Ю. Подиум Серебряного века: От «Утреннего Бакста» до «нормалей одежды» // Наше наследие. – 2002. – № 63–64. – URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6405.php>
18. Вульф В. Я. Декадентская мадонна // L'Officiel–Россия. – 2002. – № 41. – URL: <http://v-vulf.ru/officiel/officiel-41-4.htm>
19. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987.

УДК 338.48

Минина Ольга Юрьевна

преподаватель кафедры социально-культурного
сервиса и туризма, аспирант НОУВПО Гумани-
тарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: o-minina@mail.ru

Minina Olga Yurievna

Lecturer at Hospitality and Tourism Chair,
Post-graduate Student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОЖАНИНА

JOURNEY IN THE LIFE OF A MODERN URBAN MAN

Аннотация

Специфические условия жизни в современных мегаполисах оказывают отрицательное влияние на физическое и эмоциональное состояние их обитателей. Горожанин ежедневно сталкивается с большим количеством стрессовых факторов, обусловленных скученностью, огромным количеством ежедневных контактов, необходимостью постоянных перемещений, высоким темпом жизни. Путешествия являются эффективным способом сглаживания этого негативного воздействия.

Ключевые слова: город; городская среда; синдром большого города; стресс; туризм; путешествия.

Abstract

Specific living conditions of modern metropolises adversely affect the health and emotional state of their city-dwellers. Every day an urban man have to confront a great number of stressful factors caused by crowds, bewildering everyday contacts, necessary constant moving and high gear. Journeys are an effective way to make this negative impact smoother.

Keywords: city; urban environment; the «metropolis syndrome»; stress; tourism; journeys.

Получил широкое распространение тезис о том, что жизнь в мегаполисе всегда связана с огромным количеством конфликтов, потрясений и стрессовых факторов, воздействию которых мы подвергаемся ежедневно. Подтверждение этого тезиса можно встретить в исследованиях психологов, социологов, культурологов, урбанистов. Недаром в психологии и психиатрии существует термин «синдром большого города». Хотя официально такого недуга нет еще ни в одном медицинском классификаторе, сбрасывать его со счетов не стоит. По некоторым данным, более 80 процентов жителей столицы страдают этим синдромом, также известным как «синдром хронической усталости» [10]. Его симптомы известны многим из нас: напряженность, повышенный уровень агрессии, раздражительности, а также постоянное ощущение тревоги.

Принято считать, что данный синдром начал проявляться еще в XIX веке. Именно в конце XIX – начале XX века в мире активно шли урбанизационные процессы. Жители же новых и достаточно крупных населенных пунктов стали часто страдать различными формами неврозов, что и заставило медиков заняться изучением этой проблемы более детально и тщательно. Среди научных объяснений возникновения этого синдрома можно встретить предположение о резкой смене распорядка жизни человека. Появление и широкое распространение электричества стало мешать человеку жить по законам природы: вставать с рассветом, а ложиться на закате солнца. Ведь и среди современных горожан, по статистике, 95 % живут в мегаполисах всего во втором или третьем поколении. А раньше все их предки были крестьянами и веками придерживались совершенно другого жизненного уклада. Многовековой крестьянский быт был прост и гармоничен: встаешь с рассветом, работаешь, постоянно находясь в движении на свежем воздухе, видишь результаты своего труда [8]. С появлением искусственного освещения режим

человека стал противоестественным, появилась «ночная жизнь». Разумеется, для каждого человека характерны свои биоритмы, да и недостаток сна при желании можно компенсировать, но проблема, тем не менее, не теряет своей актуальности.

Еще одна неотъемлемая характеристика мегаполиса – постоянная городская толчея. Для города характерна высокая концентрация горожан на одной, сравнительно небольшой площади, будь то улица, вагон трамвая, магазин, многоквартирный дом (их К. Лоренц сравнивает со «стойлами для человеческого скота» [7]). Не секрет, что потребность человека в личном пространстве настоятельна, и вот буквально в одночасье ему в такой потребности было отказано. Это одна из причин, которая позволила К. Лоренцу отнести рост мегаполисов к одному из «восьми смертных грехов» человечества. Кроме того, как известно, нигде не возможно почувствовать себя более одиноким, чем в толпе, ведь такой скученный образ жизни привел к формированию защитных реакций, когда человек начинает воспринимать ближнего как деталь экстерьера, что создает условия для пресловутого «одиначества в толпе».

Помимо многочисленных научно-популярных публикаций на тему «синдрома большого города» существует и ряд серьезных исследований, подтверждающих специфичность городского образа жизни, поведения и самоощущения горожанина. Так, одним из основополагающих для современных урбанистических исследований является статья Георга Зиммеля «Большие города и духовная жизнь». Хотя Зиммель, по существу, не был социологом-урбанистом, его идеи и теории относительно мегаполисов и городской культуры легли в основу изучения города. Он стал первым ученым, серьезно проблематизирующим идею и жизненный опыт современной городской культуры и городской среды.

Свой анализ городской культуры Зиммель как раз и начинает с утверждения, что жизнь в городе – это крайне нервная жизнь. У городского жителя ежедневно происходит огромное количество контактов: человек в большом городе видит за один день столько людей, сколько человек, к примеру, в средневековом обществе мог не увидеть и за всю жизнь. Город своей сутолокой, быстрым темпом и большим многообразием разных проявлений городской жизни создает целый калейдоскоп меняющихся картин. Это вызывает колоссальное напряжение, приводящее, в свою очередь, к целому ряду реакций, которые можно назвать компенсаторными.

Так, одна из реакций на специфические условия городской жизни – это рациональность, рассудочность. Зиммель, например, отмечает «преобладание интеллектуального характера душевной жизни в больших городах сравнительно с малыми городами, где больше требуется проявлений души и отношений, основанных на чувстве» [5]. Эмоциональность – это всегда опасно и травматично. Мы не можем в рамках крайней плотности коммуникативных контактов относиться ко всем людям одинаково эмоционально. Лоренц отмечает, что «not to get emotionally involved» («не ввязываться эмоционально») – это одна из главных забот жителя большого города [7]. Рассудочность и рациональность позволяют отградить себя от насилия мегаполиса.

Одним из проявлений рассудочности можно считать главенство денежных отношений. Деньги выражают конкретное деловое отношение к людям и вещам, так как «спрашивают только о том, что является общим для всех соответствующих явлений, а именно о меновой ценности, которая нивелирует всякое качество и всякую оригинальность под единственный критерий количества» [5]. Г. Зиммель вторит К. Лоренц, отмечая, что в наше время цель и средство поменялись местами: если раньше деньги были лишь средством для приобретения тех или иных необходимых для существования благ, то сегодня мало кто способен понять, что деньги сами по себе не имеют цены. Равно как и каждая секунда сэкономленного времени в безумном темпе жизни мегаполиса тоже начинает восприниматься как

самостоятельная ценность. В качестве внешнего проявления этой особенности современной жизни Зиммель отмечает всеобщее распространение часов. Город в целом символизирован часами – уличными, карманными, наручными. Городской житель вынужден быть пунктуальным, расчетливым, точным.

Но рациональность горожанина проявляется не только в главенстве денежных отношений или формуле «время – деньги», но и во взаимодействии с другими людьми как с цифрами, безразличными элементами: так называемый деловой подход как некое объективированное проявление рассудочности. Так, по словам Виталия Куренного, фраза «Ничего личного, это только бизнес» – это не выражение кредо какого-то бизнесмена, это выражение кредо горожанина вообще [6]. Мы взаимодействуем формально, в строго ограниченных рамках, при этом рассудочно. Рассудочность кульминируется в количестве, а количество имеет ясное символическое выражение, меновое выражение – это деньги. Современная городская среда в целом превращает всю нашу жизнь в арифметическую задачу. А этот арифметический характер вносит в отношения между элементами жизни определенность, точность в определении ценностей и различий, безусловность договоров и условий. К тому же городской житель ежедневно имеет дело со значительными перемещениями в пространстве, поэтому жизнь в большом городе возможна только как очень скоординированный, точный механизм взаимодействия. Естественно, это находит отражение и во внутреннем содержании жизни, искореняя иррациональность, инстинктивность, эмоциональность.

Для обозначения еще одной характерной стороны городской жизни Зиммель вводит термин «блазированность». Этим термином он обозначает особое культурное приспособление, которым индивиды защищают себя от потенциального стресса, который вызывает необходимость (но при этом неспособность) взаимодействовать лицом к лицу с бесконечной чередой встречающихся ежедневно людей. Слишком сложно любить ближних, когда этих ближних, притом слишком близких, огромное множество. Эмоциональная энергия слишком легко и напрасно бы исчерпалась, если бы мы стали близко к сердцу принимать многочисленные контакты, на которые нас обрекает город. Куда более психологически экономны игнорирование окружающих, избегание контакта с ними. Средство самозащиты – тип личности, каким субъект становится, усвоив социальную логику, лежащую за этим хаосом: сосредоточенность на своих интересах и равнодушие к социальным процессам [11]. «Чем больше скопление людей, тем настоятельнее для каждого необходимость “not to get involved”, и вот, именно в самых больших городах грабежи, убийства и насилия могут происходить теперь среди бела дня на самых оживленных улицах, не вызывая вмешательства “прохожих”» [7].

Горожанин, сталкиваясь с большим количеством впечатлений, вырабатывает отстраненное отношение к этим впечатлениям. Горожанина почти невозможно удивить. Разнообразные раздражители, ежедневно воздействующие на жителя мегаполиса, так истощают нервную систему, что влекут атрофию чувств, неспособность реагировать на новые раздражения со свойственной нервам энергией и разочарованность. Зиммель определяет это как «самоохранение известных натур, покупаемое ценою обесценивания всего объективного мира» [5]. Лоренц же называет этот «грех» оскудением чувств.

Виталий Куренной наряду с этим отмечает, что блазированность городской жизни имеет и обратное выражение: для того чтобы выделиться, горожанин должен вести себя очень ярко. Так и К. Лоренц говорит о том, что человек не способен, подобно муравью или термиту, стать анонимным и легко заменимым элементом среди миллионов точно таких же организмов. Самоуважение любого нормального человека побуждает его утверждать свою индивидуальность [7]. Однако приобрести значение и обрести эту индивидуальность в огромном городе очень

непросто, именно поэтому большие города наполнены самыми разнообразными фриками, теми людьми, которые резко выделяются из массы. То есть, с одной стороны, мы видим нарастающую рациональность, стандартизацию, с другой – очень яркие культурно-символические манифестации, стремление подчеркнуть свою индивидуальность [6]. «Краткость и редкость встреч друг с другом сравнительно со сношениями в маленьких городах... вызывает старание выказать себя резче, полнее, возможно характернее, в гораздо большей степени, чем там, где ясное представление о личности дают уже частые и долгие встречи» [5].

Еще одной примечательной чертой городской жизни, по Зиммелю, можно назвать высокий уровень свободы. Любое тесное сообщество (в том числе пространство села или небольшого города) практически лишает человека частной жизни и свободы деятельности, в них люди очень плотно и глубоко друг друга контролируют. С разрастанием же группы ослабевает ее внутреннее единство, уменьшается надзор гражданина за гражданином, ревнивое отношение целого к личности. Ведь в большом городе, даже пересекаясь с человеком почти ежедневно, например по работе, мы можем не знать о нем практически ничего. Как это ни парадоксально звучит, но большие города позволяют нам сбежать от общества, раскрепоститься, но заставляют нас чувствовать себя одинокими. На этом противоречии четко акцентируется Зиммель, отмечая, что «нигде не чувствуешь себя таким одиноким и покинутым, как именно среди общей давки больших городов» [Там же].

Также одной из важнейших характеристик городской жизни является т. н. объективная культура. В больших городах происходит атрофия индивидуальной культуры, вследствие гипертрофии объективной. С одной стороны, эта объективированная культура позволяет обитателю мегаполиса жить комфортно, приобщаясь к разным культурным благам, а с другой стороны, горожанину очень сложно встать в соразмерную позицию по отношению к ней. Зиммель в других своих работах называет это трагедией современной культуры.

Таким образом, Зиммель рассматривает город одновременно и как место свободы, и как место изоляции. Согласно его точке зрения, оба этих противоречивых состояния глубоко встроены в социальные структуры и обстоятельства современных мегаполисов. В мегаполисе, где социальный опыт носит оттенок расчетливости, расслоения и скрытности, неизбежно закладывается фундамент одиночества и изоляции. Но те социальные, экономические и психологические состояния, которые он характеризует как неотъемлемую черту жизни в мегаполисе и на которых основаны человеческое одиночество и изоляция, – это одновременно источник свобод, которые невообразимы (а на самом деле и невозможны) в сельской жизни.

Итак, для того, чтобы защитить себя от потенциальной нестабильности и хаоса, люди, живущие в мегаполисах, рациональны в своих реакциях по отношению к жизни и другим людям и более пресыщены и замкнуты по сравнению с сельскими жителями. Кроме того, Зиммель утверждает, что люди в городе часто подходят к жизни и социальным связям с инструментальным и все больше и больше расчетливым отношением – имеют дело с людьми, выделяя и обращая внимание на тех, кто имеет набор определенных характеристик или желаемый результат. Убеждение Зиммеля в неделимости мегаполисов и денежной экономии здесь совершенно очевидно. Он считает, что рыночные и межличностные отношения, индивидуальность и система обмена, обусловленная и структурированная императивами рынка, опускает все социальные интеракции с городом на уровень рациональности и расчета [1. С. 25].

Таким образом Зиммель, живший на рубеже XIX–XX веков, демонстрирует нам как раз типичное для того времени представление о горожанине как о расте-

рянном, испуганном человеке, бомбардируемом массой городских впечатлений и не знающем, что делать в этом городе, кроме как защищаться от него, вырабатывая равнодушие, дистанцированное отношение к городу и невнимание к городской среде.

Однако за прошедшие сто лет ситуация значительно поменялась. Конечно в конце XX – начале XXI века мы также имеем основания говорить о растерянности и потерянности в городе, но теперь это одни из привычных режимов существования городского жителя.

Современный горожанин привык быть эгоистом, он чувствует себя комфортно в своем эгоизме. Как пишет английская исследовательница Фрэн Тонкис, «человек получил право быть оставленным в одиночестве», быть оставленным в покое, и он постепенно начинает получать удовольствие от своего одиночества. Это не приводит к изоляционизму, это приводит к регулированию контактов с другими людьми. То есть я и хочу быть близким, и я могу быть близким, но на своих условиях и именно тогда, когда мне этого хочется [4]. Несмотря на привычку к городскому ритму жизни, нельзя говорить о нивелировании стрессовых факторов, действующих на человека. Просто и стресс стал теперь заурядным состоянием человека, живущего в современном мире.

Часто специалисты указывают и на еще одну возможную причину появления «синдрома большого города» – это архитектура. Пока достоверно не изучено, как современная эклектика и гигантомания влияют на психику человека, однако можно предположить, что это не самое положительное влияние. В XX веке в архитектуре и градостроительстве даже появился новый термин – агрессивная архитектура и целое научное направление – видеоэкология. Автором данного научного направления, а также термина является доктор биологических наук Василий Антонович Филин. Автор построил свое исследование на основе концепции автоматии саккад¹. Суть теории Филина заключается в том, что наша визуальная среда за непродолжительный период резко изменилась, а человек со своими физиологическими потребностями остался прежним, «спроектированным» для жизни в естественных природных условиях. Современная архитектура развивается без учета естественных законов зрения, в итоге сформирована неблагоприятная для человеческого глаза среда.

Неблагоприятную визуальную среду можно разделить на гомогенную и агрессивную. Гомогенной называют такую среду, в которой совсем отсутствуют видимые элементы или число их резко снижено. В городе возникает много гомогенных видимых полей, которые, в частности, создают торцы зданий, не имеющие окон. Характерные особенности гомогенной среды – голые стены из бетона и стекла, глухие заборы, переходы и асфальтированные покрытия. Типичный пример гомогенной среды в строительстве – модное и широко используемое сегодня стекло. Длительное пребывание в гомогенной среде приводит к головным болям, тошноте, нарушению зрительного восприятия, а в конце концов – к заболеваниям глаз.

«Агрессивные поля» состоят из большого числа однородных элементов, равномерно расположенных на поверхности. В агрессивной среде человек одновременно видит много одинаковых деталей и не может зафиксировать взгляд на какой-то одной из них. Долго смотреть на подобные агрессивные поля невозможно: начинает кружиться голова, «рябит в глазах». Агрессивное поле является мощным зрительным раздражителем и не должно находиться в визуальной среде обитания человека, так как приводит к большой нагрузке на нервную систему. Горожане встречаются с такой раздражающей визуальной средой постоянно: многоэтажные

¹ Автоматия саккад – это свойство глазодвигательного аппарата человека совершать быстрые движения глаз произвольно в определенном ритме в бодрствующем состоянии при наличии и отсутствии зрительных объектов и во время парадоксальной стадии сна.

здания с большим количеством одинаковых чередующихся окон, навесные вертикальные русты, облицовочная кафельная плитка, двери, обитые вагонкой, а также всевозможные решетки, сетки, перегородки, дырчатые плиты, шифер. В городских условиях нередко одно агрессивное поле накладывается на другое. Отмечено также, что агрессивные поля в динамике действуют сильнее, чем в статике. Это связано с тем, что все рецепторы (фоторецепторы глаза, тактильные или слуховые рецепторы) более активно реагируют на динамические процессы. Больше всего страдают водители автомобилей: они получают дополнительную нагрузку на зрение, когда смотрят на мелькающие объекты. Люди, в поле зрения которых находятся перемещающиеся объекты, более других подвержены агрессивному визуальному воздействию. По мнению ряда психологов, именно из-за этого многие жители крупных городов страдают близорукостью, нервными расстройствами, стрессом, немотивированной агрессией и депрессией.

Таким образом, можно сделать вывод, что жизнь в большом городе в силу своих экологических, визуальных, территориальных особенностей заставляет человека находиться в состоянии хронического стресса. Способы снятия стресса каждый выбирает для себя сам: кто-то находит выход в общении с близкими, разнообразных хобби, медитации, общении с животными, компьютерных играх; кто-то стресс «заедает», а кто-то «заливает».

Ни для кого не секрет, что замечательным способом снятия стресса может явиться путешествие. Любое путешествие – это возможность увидеть и узнать что-то новое, отвлечься от повседневной рутины, переключиться, завести новых знакомых или больше времени посвятить общению с друзьями и родственниками.

При этом путешествие – это больше, чем просто перемена места, это возможность исполнить желания. Правильно организованное путешествие может отчасти заменить психотерапию. Ведь именно в путешествии мы становимся сами собой, делаем то, что действительно хотим, а не то, что нам навязывает повседневная жизнь.

Стоит отметить, что путешествие в данной статье трактуется в широком, бытовом, разговорном смысле. Ведь если мы обратимся к философской, социологической или культурологической литературе, то встретим самые разнообразные определения этого и смежных понятий. Так, З. Бауман в своей работе «От паломника к туристу» называет туриста (наряду с бродягой, игроком и фланером) потомком паломника, но подчеркивает поверхностный, несерьезный характер туризма в отличие от паломничества. С одной стороны, туризм – это стремление к экзотике, необычному, выходу за пределы обыденности. С другой – массовый туризм все больше носит стандартизированный, искусственный, поверхностный характер. «Турист хочет погружения в незнакомую, экзотическую атмосферу... но при условии, что эта атмосфера не въестся в кожу и ее можно будет стряхнуть с себя в любой момент» [2]. Также Бауман сравнивает мир туриста с миром «сделай сам», готовым принять ту форму, которая нужна туристу и ожидаема им. Так, Александр Дугин, продолжая эту мысль, говорит, что турист никогда не попадает в ту страну, штамп о въезде в которую ему ставится на таможне. «Он попадает в другую страну, специально для него созданную, которую, собственно, и хотел бы видеть» [3]. Турист на самом деле не желает неожиданностей: чтобы ему было комфортно, он должен находиться, по сути, в привычной для себя обстановке. «Атмосферу для погружения турист выбирает не только позэкзотичнее, но и побезопаснее <...> В туристском мире все странное уже приручено, одомашнено и больше не пугает, а удары доходят в обеспечивающей безопасности упаковке, что придает миру видимость безграничной кротости, покорности, готовности угодить прихотям туриста» [2].

В противоположность сказанному, путешествие относят к практикам исследовательским [9]. Оно может приобретать характер самоиспытания, проверки своих сил (например, почти полугодовое путешествие Федора Конюхова на весельной лодке через Тихий океан в 2014 году).

Туризм же, в свою очередь, относится к гедонистическим и созерцательным практикам мобильности, наряду с фланерством [Там же]. Фланерство – это медленное созерцательное пешее движение без определенных цели и маршрута. Собственно, буквальный перевод с французского термина фланёр звучит как «праздношатающийся», «гуляющий» или «бродячий». Созерцательность фланера не предполагает вдумчивого осмотра, глубины, эмпатии. Такая форма проведения досуга характерна как для курортной, так и для городской среды. По мнению Баумана, для такого «человека гуляющего» и были созданы торговые моллы.

Таким образом, еще раз подчеркну, что в данной статье понятие «путешествие» может включать в себя как признаки собственно путешествия или, к примеру, экспедиции, так и признаки туризма или фланерства – в данном случае все зависит от потребностей и возможностей каждой отдельной личности.

В обычной жизни мы не только пытаемся «убежать» от других, но часто бежим и от себя, заполняя свое время компьютером, телевидением и радио. Во время же путешествия наша жизнь становится иной, в чем-то более интенсивной. В поездке мы чувствуем себя авантюристами, кочевниками, художниками.

В путешествии происходит «перепрограммирование»: мы знакомимся с новыми людьми, новой культурой, новой страной, тем самым создавая новую доминанту, которая позволяет отключиться от текущих проблем.

Путешествия помогают нам меняться. Вся наша жизнь – это переход от одного этапа к другому, однако такой переход часто требует принятия кардинальных решений, к которым человек может быть психологически не готов. Оставаясь в плену старых стереотипов, человек застревает на этапе, который он уже перерос. Путешествия же помогают нам вырваться из оцепенения и застоя, дают возможность взглянуть на ситуацию извне. Путешествие – это эмоциональная «встряска», приводящая в активное состояние наш мозг и нервную систему. Вернувшись домой, мы лучше анализируем ситуации и принимаем решения.

В путешествии человек может насладиться свободой. Однако это свобода совсем иного рода, чем дает нам жизнь в большом городе. Это свобода быть собой, свобода распоряжаться своим временем и жить в комфортном ритме, не глядя постоянно на часы и – высшая степень свободы – отключив мобильный телефон. Путешествия открывают для нас новое восприятие времени и пространства. Мы ощущаем суету больших городов и медлительность провинциальной глубинки. Опыт переживания «ускоренного» и «растянутого» времени ставит под сомнение привычки и стереотипы повседневности. Через переживание пространства и расстояний, например, когда мы поднимаемся в горы, преодолеваем пустыни, леса, пересекаем континенты, много дней едем на поезде, мы чувствуем относительность мира, где мы живем, и нашей роли в нем.

Эта свобода позволяет людям вести себя очень разными способами. Что важно – люди, воспользовавшись этой свободой, начинают общаться друг с другом. На отдыхе абсолютно все расположено к общению. Причем общение это чаще всего имеет особенный деликатный характер, формирующий слабо распространенный в наших городах сценарий коммуникации – «мягкую социальность». Это быстрый доброжелательный, заинтересованный контакт (в самолете, во время трансфера, в баре отеля, парке). Такой стиль общения явно контрастирует с той агрессией и часто недоброжелательностью, которые мы можем встретить на улицах большого города. В городах мы можем сталкиваться с безразличием, с безучастным пробеганием мимо, а в путешествии мы попадаем в рамки некой новой

коммуникативной культуры, которой нам часто не хватает в повседневной жизни. Однако и в популярных туристских дестинациях есть свои проблемы: например, все фотографируется – видов мало, а людей много. Хотя при этом в очереди за нужным ракурсом нет давки, никто не дерется и не ругается, люди спокойно ждут, мягко перебрасываются замечаниями.

Путешествие формирует для нас комфортную визуальную среду. Какую бы разновидность туризма мы ни рассматривали (экскурсионно-познавательный, паломнический, экологический и т. д.), мы так или иначе попадаем в среду с большим разнообразием элементов в окружающем пространстве. Для нее характерно: наличие разнообразных силуэтов, кривых линий разной толщины и контрастности, острых углов в виде вершин, заострений и т. п., разнообразие цветовой гаммы, сгущение и разрежение видимых элементов и разная их удаленность. Идеальный визуальный ряд для глаза – природный (пейзажи с рекой, горами, лесом и др.). Картинки с неровными, обрывистыми краями, обилием различных деталей. Также благоприятно с точки зрения видеоэкологии осматривать городские улицы с разнообразной застройкой разных эпох и стилей. Старинные здания разительно отличаются от современной монотонной городской застройки.

Таким образом, туристские практики являются весьма эффективным способом минимизации стрессовых состояний современного горожанина, сглаживающими негативное экологическое, психологическое, визуальное влияние городской среды на обитателя мегаполиса.

Литература

1. Stevenson D. Cities and Urban Culture. – Buckingham & Philadelphia : Open University Press, 2003.
2. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/218/219> (дата обращения: 27.11.2015).
3. Дугин А. Г. Туризм – развратное зло. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=TUM6S8kcEZA> (дата обращения: 27.11.2015).
4. Запорожец О. Микроурбанизм // ПостНаука. – URL: <http://postnauka.ru/video/42798> (дата обращения: 14.10.2015).
5. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3–4. – URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (дата обращения: 13.10.2015).
6. Куренной В. Городская культура // ПостНаука. – URL: <http://postnauka.ru/video/20392> (дата обращения: 13.10.2015).
7. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Букмэйт : электронная библиотека. – URL: <https://bookmate.com/reader/xSZwkqnL> (дата обращения: 23.11.2015).
8. Малевич С. Синдром большого города // MEDпортал. – URL: <http://medportal.ru/budzdorova/relation/205/> (дата обращения: 14.10.2015).
9. Покровский Н. Е., Черняева Т. И. Туризм: от социальной теории к практике управления : учеб. пособие. – М. : Университетская книга : Логос, 2009.
10. «Синдром большого города» и его причины // Россия: работа над ошибками. – URL: <http://ideacentre.ru/%D0%B1%D0%B5%D0%B7-%D1%80%D1%83%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B8/sindrom-bolshogo-goroda-i-ego-prichiny/> (дата обращения: 14.10.2015).
11. Трубина Е. Г. Словарь терминов по дисциплине современная урбанистика, 2008 г. // Национальная энциклопедическая служба [сайт]. – URL: <http://voluntary.ru/dictionary/1270/word/beschuvstvenoe-ravnodushie-blazirovanost> (дата обращения: 14.10.2015).

УДК 008

Евтеев Илья Алексеевич

канд. культурологии, доцент кафедры философии и истории, Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург)

Evtseyev Ilya Alekseevich

Candidate of Culturology, Associate Professor of the Chair of Philosophy and History, Ural State University of Railway Transport (Ekaterinburg)

СОВРЕМЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ НЕОСУЩЕСТВИМЫЙ ПРОЕКТ?

MODERN NATIONAL AND CULTURAL INTEGRATION: REALITY OR IMPRACTICAL PROJECT?

Аннотация

Статья содержит всестороннее рассмотрение тенденций мирового процесса национально-культурной интеграции. Предпринимается попытка рассмотреть и охарактеризовать встречные процессы национально-культурной интеграции и усиления культурной самоидентификации, выделить критерии и обстоятельства культурной интеграции. Также в статье изложены основные проблемы национально-культурной интеграции, факторы, которые являются серьезными препятствиями на пути мирового культурного объединения. Особо подчеркивается слабость и несформированность идейных оснований национально-культурной интеграции, ее зависимость от экономических и политических факторов. На основании данных положений предпринимается попытка выяснить, насколько реальна в настоящее время культурная интеграция, насколько осуществим этот проект.

Ключевые слова: нация; культура; интеграция; мировое сообщество; культурная коммуникация; народ.

Abstract

The article presents a comprehensive review of global national and cultural integration trends. It attempts to describe and to examine the reciprocal processes of national and cultural integration and cultural self-identification strengthening as well as to distinguish criteria and conditions of cultural integration. The article also highlights main problems of national-cultural integration and the factors that might impede the free flow of the world cultures consolidation. The author emphasizes that ideological grounds of national-cultural integration are weak and undeveloped; economic and political factors make it dependent. On this basis he seeks to assess the current feasibility of cultural integration project.

Keywords: nation; culture; integration; a world society; the culture communication; people.

В настоящее время человечество стоит как бы на распутье в отношении вечного противопоставления, с одной стороны, общечеловеческого и, с другой стороны, того неповторимого, национально обусловленного и уникального, что придает человечеству столь многоликий вид. С одной стороны, в геополитическом, военном, экономическом отношении человечество делает прозрачными границы, интенсивно обменивается опытом, приходит к конвергенции. Но в то же время огромные национальные пространства планеты, например в Азии, Африке, Америке, упорно отстаивают свою национальную самобытность, что видно на примере многих народов и государств.

Прежде всего необходимо определить, насколько возможна вообще интеграция в мировое сообщество, где определены ее границы. Во-первых, ни о каком единстве человечества в настоящее время не может идти и речи. Слишком различны показатели экономического, культурного, общего цивилизационного развития различных континентов и регионов планеты. А помимо этого, в каждом народе прочны и устойчивы национальные архетипы, которые являют собой историческую сущностную основу жизни многих наций и этносов. И, наконец, не опре-

делены достаточно точно характеристики и основы самой интеграции народов в мировое сообщество: какой она должна быть, какие сферы жизни должна затрагивать, какие точки соприкосновения интересов должна укреплять. Да и что такое мировое сообщество? ООН или НАТО, единая мировая валюта или усилия человечества по преодолению экологического кризиса?

Вот уже несколько веков США и Западная Европа, несмотря на все их усилия устроить «триумфальное шествие» демократии и капитализма по всему миру, не могут добиться этого. Восточные регионы не проявляют стремления утверждать у себя «западную модель». Данные государства вовсе не склонны проявлять политический конформизм, у них присутствует собственный взгляд на свою историческую судьбу. Да и знаменосцы капитализма и демократии не могут и не хотят придумать новую форму, а также моральное обоснование своей экспансии и в результате, по сути, повторяют старую колониальную политику.

Прежде всего, интеграция в мировое сообщество должна быть целеполагающе детерминирована. Зачем это нужно? Насколько это возможно? Какова цена этого? Интеграция совсем не равна интернационализации, означающей общение до частичного уподобления, интеграция предполагает свои условия и четкое выделение критериев.

Во-вторых, интеграция должна иметь строгую иерархию статусов и ясное представление о смысле и цене членства. Претендент на главенство в интегрированной системе должен дать обоснование своему праву на первенство, а также определенные гарантии партнерам.

В-третьих, именно культурная интеграция, в отличие от экономической и социально-политической, необычайно сложна, так как культура, в особенности духовная, моделируется наиболее сложно и не может достигнуть в этом процессе абсолютной законченности. Да и стоит ли выстраивать какую-либо модель культуры, «идеальный тип», если у каждой нации имеется своя культура? Не подразумевает ли культурно-национальная интеграция одностороннего культурного давления лидеров на партнеров с целью их нивелирования и обезличения с последующим экономическим подчинением? Да и согласятся ли народы мира, не претендующие на мировую гегемонию, в обмен на сомнительные материальные выгоды отдать то единственное, что у них есть – неповторимую народную душу национальной культуры, крепившей и вдохновлявшей их веками? Выбор далеко не однозначен.

Ясно одно: культурно-национальное объединение уже вряд ли может проводиться силой оружия или методом политического давления. Культурно-национальная интеграция должна являть собой договор наций и народов о совместном культурном строительстве и созидании, о создании совершенной социальной системы, ориентированной на использование культурного наследия, а самая главная ее цель – сделать противоречия культурного развития и культурной несовместимости не столь острыми и препятствовать возникновению социально-культурных конфликтов между различными типами культуры. Также целью национально-культурной интеграции является сглаживание противоречий между цивилизацией и культурой, конструктивное сосуществование доиндустриальной и постиндустриальной культур, префигуративного и постфигуративного типов культуры, контрасты которых столь явственно отражаются на формировании современной системы культуры в ее глубинных взаимосвязях.

Национально-культурная интеграция может таить в себе как на уровне теории, так и в попытках ее практического воплощения различные неувязки и неопределенности. Иницируемая в основном высокоразвитыми цивилизациями, она может расцениваться ими как культурно-информационная подпитка, вливание новых для них материальных и духовных сил неведомых доселе и не раскрытых

до конца культурных миров с целью самообновления и торможения процесса упадка. Эти вливания производят медленные изменения в культурном строе цивилизации, делая ее другой. Традиционная развитая цивилизация уже не боится варваризации, но, серьезно озадаченная безрадостными пророчествами О. Шпенглера, Ф. Ницше и других теоретиков ее «заката», ищет пути собственного духовного омоложения, дальнейшего развития.

Создается впечатление, что данная интеграция относится к сообществу стран «третьего мира», как катализатор их скорого вливания в доминирующий социокультурный строй основных цивилизаций-монополистов, проводящих и совершенствующих свои социокультурные модели. В силу исторически сложившегося разделения человечества в плане его культурной локализации на два универсальных мира – мир Западной (при обязательном присутствии США, а также, в будущем, с существенными оговорками, и России) и Восточной (Китай, Индия и исламский мир) культур – вполне понятно, что интеграция – задача, возлагаемая на развивающиеся страны, предлагаемый им выбор.

И еще одна проблема национально-культурной интеграции, которая придает ей во многом авантюрный характер, – это та быстрота, та необыкновенная скорость, с которой ее инициаторы пытаются ее проводить. Данный подход делает культурно-национальную интеграцию столь же нежизнеспособным и взрывоопасным экспериментом, как и сотни раз заклеянное «строительство коммунизма». (В свое время, прежде чем древнегреческая и древнеримская культуры интегрировались в единую античную культуру, прошли долгие века самостоятельного и независимого существования двух культурных систем, да еще несколько веков две культуры «присматривались» одна к другой, выстраивали взаимоотношения и взаимосвязи лишь по отдельным позициям.)

Настораживают также чрезмерная политизация современной культурно-национальной интеграции и ее привязка именно к экономическим факторам. Если исторические примеры культурных объединений прошлых эпох были лишь относительно привязаны к политике и экономике, то сейчас неперенным условием вхождения в культурную суперсистему является смена общественного строя и создание социально-экономической модели, повторяющей устройство лидирующей в этой суперсистеме державы. В этом плане национально-культурная интеграция современности несет в себе черты идейного и общекультурного тоталитаризма со стороны центральной цивилизации, берущей на себя роль лидера. В отношении глубинных сущностных основ культуры экономически и политически детерминированная интеграция приведет не к развитию культурной уникальности интегрируемых стран, а к механическому перенятию ими культурных основ главенствующей цивилизации. Это будет означать фактическое убийство культурных жизненных сил цивилизуемых стран, насаждение стандартизированной массовой культуры, поскольку позитивное развитие и воплощение культурной энергии народов в цветущие культурные миры далеко не всегда и не во всем зависит от политических и экономических факторов. Культура – совсем не геополитика, она во многом мистична и необъяснима рационально. Например, древние римляне были великими объединителями и цивилизаторами тех народов, которые входили в состав Римской империи, будучи завоеванными или же добровольно присоединившимися. Всюду они утверждали свой социально-экономический строй, основанный на рабовладении, создании крупных хозяйств, законах. Политически Римское государство было также монолитным, целостным. Но разве под эгидой Римского мира хоть как-то развивалась самобытная национальная культура кельтов, иберов, греков, египтян и других народов? Нет, их исконная культура остановилась в своем развитии. Они лишь механически, где осознанно, а где и по принуждению, перенимали римские законы, основы общественного устройства, инфра-

структурную систему, римские правила и порядки. Но ведь это была уже не их культура. Их настоящая культура была создана до интеграции в римскую цивилизацию, когда они ни политически, ни экономически не зависели от Рима. Нечто подобное может повториться и сейчас в отношении интегрируемых стран и народов. Культурное подражание и последующее за этим обезличивание – жалкий удел, способный обесценить идею любой культурной интеграции.

Вот почему нынешняя национально-культурная интеграция, идущая под знаменем глобализации, является во многом суррогатной и не представляет собой глубинную идею, оправданную призванием эпохи. Во многом искусственное и принудительное сближение народов без необходимого этапа адаптации приведет к отторжению их друг от друга и может вызвать новые взрывы экстремизма, терроризма и политического радикализма, что создаст напряженную обстановку в мире. Вслед за модернизацией непродуманная и чрезмерно политизированная интеграция вполне может стать очередным неудавшимся проектом знаменосцев мировой демократической цивилизации, что обернется не лучшими последствиями для человечества.

Зачем нужно наспех создавать какие-то мультикультурные образования, или причудливые гибриды, вроде армяно-французской или русско-африканской культуры? Ведь это химеры. Не лучше ли было бы начать интеграцию с возрождения и укрепления исторически родственных культурных объединений, например представителей славянской культуры или кавказской христианской культуры? Уж если в наше время так раздроблены культурные типы, имеющие общие языковые и иные исторические связи и традиции, было бы наивно предполагать, что представители отдаленных этносов и наций будут по-соседски мирно сосуществовать. Вначале следует создать и возродить традиционные культурно-национальные блоки и объединения, основывающиеся на языковом единстве, на общности менталитета, а затем уже проводить более масштабную национально-культурную интеграцию, но без ущерба для чести и достоинства отдельных исторических национальных культур и народов всей Земли.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Литвинова Ирина Николаевна

канд. юрид. наук, доцент,
советник Уполномоченного по правам человека
в Свердловской области (г. Екатеринбург)

Litvinova Irena Nikolaevna

Candidate of Law, Associate Professor,
the Ombudsman's in the Sverdlovsk Region
Adviser (Ekaterinburg)

Глушкова Светлана Игоревна

д-р полит. наук, завкафедрой прав человека,
директор Центра правового просвещения и прав
человека Гуманитарного университета,
председатель Свердловского регионального
отделения РАПН, приглашенный профессор
Университета Париж-Запад (Франция)

Glushkova Svetlana Igorevna

Doctor of Political Science, Head of Human
Rights Chair, Director of the Centre for Human
Rights and Legal Education, Liberal Arts Univer-
sity – University for Humanities (Ekaterinburg),
Chairperson of Sverdlovsk Branch of Russian
Political Science, Association, Visiting Professor
of Université Paris X – Nanterre (France)

**НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ
О ПРАВАХ И СВОБОДАХ
ЧЕЛОВЕКА В ГУМАНИТАРНОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

**SCIENTIFIC DEBATES
ON HUMAN RIGHTS
AND FREEDOMS
IN LIBERAL ARTS UNIVERSITY**

19 октября 2015 года в Гуманитарном университете при поддержке Уполномоченного по правам человека в Свердловской области, Уральской школы прав человека состоялся научный форум, посвященный теоретическим и практическим вопросам защиты прав человека, – Международная научно-практическая конференция «Права человека в России и мире: стратегии развития, проблемы, пути решения», программа которой включала пленарное заседание и две панельные дискуссии.

Регулярное и системное обращение к тематике прав и свобод человека как предмету научной дискуссии, научного исследования на юридическом факультете Гуманитарного университета обусловлено рядом факторов: 1) подготовкой, начиная с 2012 года, магистров по программе «Правовая защита и обеспечение правовой безопасности личности», а также участием факультета, начиная с октября 2014 года, в работе межвузовского консорциума по подготовке магистров по правам человека (в консорциум, действующий при поддержке УВКПЧ ООН и МИД России, входят такие вузы, как МГИМО, РУДН, РГГУ, УрФУ, УрГЮУ, КГУ, др.); 2) многолетним и плодотворным сотрудничеством с Уполномоченным по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзляковой, в частности реализацией совместной областной программы правового образования и просвещения в области прав человека таких социальных групп, как старшеклассники, педагоги, студенты, представители институтов гражданского общества; 3) научными исследованиями, публичными выступлениями, преподавательской и просветительской деятельностью декана, д. юрид. н., профессора, завкафедрой публичного права А. П. Семитко, замдекана, д. полит. н., профессора, завкафедрой прав человека С. И. Глушковой, завкафедрой европейского права и сравнительного правоведения, к. юрид. н. А. Л. Буркова, а также к. юрид. н., доцента С. А. Денисова, к. юрид. н. Е. С. Резник, к. юрид. н. Л. М. Чуркиной и многих других преподавателей факультета, связанными с вопросами соблюдения, обеспечения, защиты прав человека, вопросами теории и практики прав человека. Одним из серьезных результатов этих исследований, а также сотрудничества со специалистами по правам человека из различных субъектов РФ стало издание в 2009 г. первого в России Энциклопедического словаря по правам человека*, в котором представлены статьи более 100 ав-

* Энциклопедический словарь по правам человека. – М. : Норма, 2009.

© Литвинова И. Н., Глушкова С. И., 2015

торов по теории, философии, логике прав человека, по международной, европейской и национальной защите прав человека, по образованию и общественной деятельности в области прав человека.

В октябрьской конференции 2015 года в Гуманитарном университете приняли участие профессиональные юристы, ученые, преподаватели, аспиранты, студенты и магистранты екатеринбургских вузов, представители общественных организаций.

На пленарном заседании Международной научно-практической конференции «Права человека в России и мире: стратегии развития, проблемы, пути решения» 19 октября 2015 года были рассмотрены следующие вопросы: «Укрепление роли национальных правозащитных институтов» (старший советник по правам человека системы ООН в РФ Ришард Коменда), «Механизмы защиты прав человека» (Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова), «Внесудебные способы защиты прав человека» (директор АНО «Уральский центр медиации», общественный помощник Уполномоченного по правам человека в Свердловской области О. П. Махнева), «Проблема обеспечения и защиты прав человека в условиях нарастающих угроз безопасности государства и общества» (старший помощник прокурора Свердловской области по надзору за процессуальной деятельностью органов безопасности, к. юрид. н. Г. Г. Анисимов), «Отдельные аспекты достоинства личности» (к. юрид. н., доцент УрГЮУ И. Ю. Крылатова), «Постановления Европейского суда по правам человека в отношении России и их исполнение на национальном уровне» (к. юрид. н., Гуманитарный университет, Л. М. Чуркина), «Развитие и расширение полномочий конституционной юстиции как эффективный путь решения проблем в области защиты прав человека в России» (д. юрид. н., профессор УрГЮУ С. Э. Либанова).

Так, Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова посвятила свое выступление развитию института уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации и актуальным вопросам защиты прав человека. Она подробно остановилась на проблемах, возникающих в сфере защиты прав мигрантов, вопросах организации и деятельности центра выдворения мигрантов, важной работе правозащитных организаций, оказывающих бесплатную юридическую помощь иностранным гражданам и лицам без гражданства. Т. Г. Мерзлякова рассказала о нарушениях прав лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и совместной с общественниками работе по защите нарушенных прав осужденных и арестованных следствием граждан. В частности, она сообщила о постоянно действующей рабочей группе, созданной по ее инициативе, основная задача которой состоит в защите прав тяжелобольных арестованных и осужденных, которые не могут добиться медицинского освидетельствования, а также больных туберкулезом. В заключение она проинформировала участников конференции об организованной акции «Право матери», проводимой на нескольких площадках, включая недавно открывшийся «Ельцин Центр». В рамках акции состоятся заседания круглых столов «Право солдатской матери», «Право маленькой мамы», «Право матерей-мигранток», «Земельный вопрос многодетных семей».

Старший советник по правам человека при системе ООН в РФ Ришард Коменда в своем докладе «Укрепление роли национальных правозащитных институтов» отметил следующее: ответственность за соблюдение и защиту прав человека лежит на государствах, которые ратифицируют международные договоры по правам человека и создают механизмы по обеспечению соблюдения прав человека. Национальные правозащитные учреждения (НПЗУ) играют важную роль в поощрении и защите эффективного осуществления международных стандартов в области прав человека на национальном уровне, которую все больше признает международное сообщество. Одним из приоритетов УВКПЧ в мире является укрепление национальных правозащитных институтов и выполнение Парижских и

Белградских принципов. Посредством Секции национальных учреждений и региональных механизмов УВКПЧ содействует созданию и укреплению НПЗУ и тесно с ними сотрудничает с тем, чтобы сосредоточить их работу на основных вопросах защиты, таких как предотвращение применения пыток и унижающего достоинство обращения, казней без судебного разбирательства, произвольного задержания или недобровольных исчезновений, а также защита правозащитников. НПЗУ могут и должны способствовать верховенству права во всех сферах и могут способствовать обеспечению эффективных парламентов, сильных и динамичных организаций гражданского общества, образовательной системы с программой обучения по правам человека на всех уровнях и, в целом, универсальной культуры прав человека.

На панельных дискуссиях особый интерес участников конференции вызвали следующие выступления: «Реализация Всемирной программы образования в области прав человека ООН в российских вузах: опыт федерального университета» (д. ист. н., профессор УрФУ О. Н. Богатырева), «Профессиональный непрофессионализм и практика его проявления в нарушениях прав собственников жилья в Екатеринбурге» (к. пед. н., доцент УрГЭУ Т. В. Филипповская), «Свобода мысли и слова: правовые гарантии и современная образовательная среда» (к. пед. н., доцент РГППУ М. В. Снегирева), «Санкции против Югославии, агрессия НАТО в Югославии и Косово» (магистр российского и французского права Университета Париж-Запад (Франция), магистрант юридического факультета Гуманитарного университета Оливер Йоксимович), др.

Активное участие в научных дискуссиях по правам и свободам человека приняли студенты, магистранты, аспиранты юридического факультета Гуманитарного университета, магистранты департамента международных отношений УрФУ, других вузов.

Конференция успешно завершилась, но на этом не закончились научные дискуссии по вопросам защиты прав и свобод человека. По предложению многих участников форума следующие конференции, круглые столы, научные семинары, организуемые юридическим факультетом Гуманитарного университета при поддержке Уполномоченного по правам человека в Свердловской области, будут посвящены рассмотрению, изучению, анализу отдельных прав и свобод человека и правозащитным практикам в сфере реализации этих прав и свобод в России и странах мира.

Обзор материалов конференции будет опубликован в «Вестнике Гуманитарного университета» № 1 за 2016 г.

Дроздова Алла Владимировна

канд. филос. наук, доцент,
завкафедрой рекламы Гуманитарного универси-
тета (Екатеринбург)

Drozdova Alla Vladimirovna

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Head of Advertising Chair at Social Psychology
Department, Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕ-
РЕНЦИИ «ЧЕЛОВЕК И МИР:
ПСИХОЛОГИЯ РИСКА,
ИННОВАЦИЙ, КОНФЛИКТА»**

**ON THE INTERNATIONAL
CONFERENCE «MAN AND THE
WORLD: PSYCHOLOGY OF RISKS,
INNOVATIONS, AND CONFLICTS»**

Российская академия образования совместно с Российским психологическим обществом, Национальной федерацией по содействию ЮНЕСКО на базе Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), Центра комплексных проблем психологии безопасности 5–6 ноября 2015 года провели Международную конференцию «Человек и мир: психология риска, инноваций, конфликта».

В конференции приняли участие более 70 докторов и кандидатов наук, преподавателей и специалистов, а также более пятидесяти аспирантов, магистрантов и студентов. Среди участников известные ученые из России и зарубежных стран: 4 академика РАО, 15 докторов наук из России (Москва, Красноярск, Екатеринбург), Франции (Сорбонна), Италии, Германии, Бельгии.

Страны-участники: Россия, Беларусь, Казахстан, Сербия, Израиль, Кипр, Польша, США, Италия, Германия, Индонезия, Франция, Чехия.

В центре внимания конференции находились вопросы, связанные с определением подходов и социально-психологических трактовок концепции риска, направленных на выявление механизмов управления конфликтами, диверсификацию параметров риска в современном инновационном обществе. Основными темами конференции являлись:

- Человек в мире рисков: когнитивный и деятельностный аспекты;
- Инновационное сознание и коммуникативная практика;
- Конфликт: актуальность и интерпретативность.

Конференция началась с приветственного послания президента Российской академии образования, академика РАО, доктора филологических наук, профессора, председателя попечительского совета Фонда «Русский мир», президента Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) Людмилы Алексеевны Вербицкой, отметившей, что «Международная конференция стала перспективной формой консолидации усилий исследовательского сообщества по решению конкретных профессиональных задач, практической площадкой по достижению взаимопонимания и углублению взаимодействия как психологов, так и специалистов в других сферах научного знания в эпоху мультипликации рисков».

На пленарном заседании конференции 05.11.2015 с докладами выступили: ректор Гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор Л. А. Закс; академик РАО, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук, почетный президент Российского психологического общества А. И. Донцов и руководитель Центра комплексных проблем психологии безопасности, декан факультета социальной психологии Гуманитарного университета, доктор психологических наук, профессор Е. Б. Перельгина (г. Екатеринбург); и. о. академика-секретаря отделения психологии и возрастной физиологии РАО, академик РАО, доктор психологических наук, профессор С. Б. Малых.

В докладе «Антропология риска в опыте искусства и философии» Л. А. Закс отметил, что в сложной, неустойчивой ситуации развития современного общества риск как объект исследования представляет интерес в силу сложности и междисциплинарности. Особого внимания заслуживает рассмотрение риска как социокультурного феномена. Однако риск нельзя оценивать негативно, так как он не только выступает как аттрактор творчества, но и является испытанием сущности человека, его духовного самостояния. Автор подчеркнул, что выбор человека по сути является источником риска, его «трагической вины», духовного поражения или победы. Поэтому риск – это «ззор» в бытии, жить – это рисковать.

В пленарном докладе академика А. И. Донцова и доктора психологических наук, профессора Е. Б. Перельгиной подчеркивалось, что социально-психологические исследования проблематики риска еще не находятся в фокусе широкого исследовательского внимания ученых. Поэтому развитие социально-психологической теории риска должно включать в себя изучение социальных представлений и смыслов, жизненных сценариев, а также осмысление когнитивной фазы трансформации системы общественных отношений. Авторы отметили, что в связи с характерным для современного общества ростом нестабильности и риска особое значение приобретает проблема доверия как необходимое условие социально безопасного взаимодействия на разных уровнях: личностном, организационном и общественном.

В докладе академика С. Б. Малых «Школьные факторы риска и психологическая служба» рассматривались риски социального взаимодействия в образовательной среде. Автор отметил, что в последние годы в психогенетике возникло новое научное направление – психогенетика образования, посвященное изучению природы индивидуальных различий в способностях к обучению. Особую важность приобретает научно-экспериментальное изучение природы индивидуальных различий, которые формируются в условиях сложных процессов генотип-средового взаимодействия. Для решения этой образовательной задачи необходимо использовать возможности и перспективы комплексных междисциплинарных исследований в изучении факторов, формирующих индивидуальные различия в успешности в обучении.

Большой научный интерес и творческую междисциплинарную дискуссию вызвал материал доклада Главного ученого секретаря РАО, академика РАО, декана факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктора психологических наук, профессора, президента Российского психологического общества Ю. П. Зинченко на тему «Субъективное и объективное восприятие риска». В материалах доклада указано, что восприятие риска индивидом зависит от склонности к риску, от потребности в психологической безопасности, от степени рациональности и профессионального уровня в оценке риска, от личностной интерпретации рискогенной ситуации. Теоретико-вероятностные и рационализирующие научные представления учитывают амплитуду неопределенностей, объективность критериев оценки риска, корректность научных методов.

Все пленарные доклады вызвали живейший отклик среди участников конференции и послужили стартом к последующей научной дискуссии.

Во второй половине первого дня конференции состоялись заседания по следующим секциям:

1. Человек в мире рисков: когнитивный и деятельностный аспекты

Модератор: Елена Борисовна Перельгина, руководитель Центра комплексных проблем психологии безопасности, декан факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), доктор психологических наук, профессор.

2. Инновационное сознание и коммуникативная практика

Модератор: Алла Владимировна Дроздова, кандидат философских наук, доцент, завкафедрой рекламы Гуманитарного университета.

3. Конфликт: актуальность и интерпретативность

Модератор: Снежана Александровна Рамзина, кандидат социологических наук, завкафедрой социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарного университета.

Большой интерес участников конференции вызвали следующие доклады:

- «Конфликты как угроза психологической безопасности личности и общества». Автор: С. Л. Кандыбович – заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат Государственной премии РФ имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, доктор психологических наук, профессор, профессор Военной академии РВСН им. Петра Великого, Россия, г. Москва.

- «Познание традиций и культурных особенностей как основание для предотвращения межкультурных конфликтов». Авторы: Д. Н. Васьков – спикер Молодежного парламента Национальной федерации по содействию ЮНЕСКО, студент факультета социальной психологии Гуманитарного университета, Россия, г. Екатеринбург; А. Протич – представитель Французской федерации клубов ЮНЕСКО, советник Полномочного представителя Сербии в ЮНЕСКО; М. Елич – ответственный секретарь Молодежного совета Французской федерации клубов ЮНЕСКО, Франция, г. Париж.

- «Человек в условиях кризиса». Автор: Л. А. Мясникова – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Гуманитарного университета, Россия, г. Екатеринбург.

- «Принятие решений в обществе риска». Авторы: С. В. Смутьский – декан факультета национальной безопасности РАНХ и ГС, доктор политических наук, профессор, Россия, г. Москва; М. Ф. Секач – заслуженный деятель науки РФ, доктор психол. наук, профессор, профессор кафедры национальной безопасности РАНХ и ГС, Россия, г. Москва.

- «Философские аспекты развития инноваций». Авторы: Ю. В. Грицков – профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философии Сибирского федерального университета, Россия, г. Красноярск; Т. Караченцова – профессор Еврейского университета, Израиль, г. Иерусалим.

- «Кризисам вопреки: субъективное благополучие и “принцип Полианна”». Автор: О. Ю. Зотова – заместитель руководителя Центра комплексных проблем психологии безопасности, доцент кафедры общей и прикладной психологии Гуманитарного университета, доктор психологических наук, Россия, г. Екатеринбург.

- «Юридическая конфликтология и психология: обогащение исследований». Автор: В. В. Тихонов – кандидат юридических наук, директор Департамента муниципальной собственности и земельных ресурсов МО г. Нижневартовск, Россия, г. Нижневартовск.

- «Экстремальность как актуализатор потребности субъекта в личной безопасности». Авторы: А. В. Садкова – канд. психол. наук, доцент, замдекана факультета национальной безопасности РАНХ и ГС, Россия, г. Москва; Э. Н. Рзаева – канд. психол. наук, доцент кафедры клинической психологии Института психотерапии и клинической психологии, Россия, г. Москва.

- «YouTube как медиа: инновация и повторение». Автор: А. В. Дроздова – кандидат философских наук, доцент, завкафедрой рекламы факультета социальной психологии Гуманитарного университета, Россия, г. Екатеринбург.

- «Риски в процессе управления поведением людей в современной организации». Автор: Е. В. Андреева – кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы Гуманитарного университета, Россия, г. Екатеринбург.
- «Формирование профессиональных качеств личности в Сингапурском университете менеджмента в условиях риска и инноваций в современном мире». Автор: Н. Б. Мынбаева – кандидат юридических наук, доцент Алма-Атинского университета менеджмента (ALMU), Казахстан, г. Алма-Ата (Алматы).
- «Современное воспитание в дошкольном возрасте: психологические риски трансформации детско-родительских отношений». Автор: С. Г. Шабас – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Гуманитарного университета, Россия, г. Екатеринбург.
- «Риски восприятия в межкультурной среде». Автор: Светлана Юсим – менеджер по персоналу, Help At Home/Oxford HealthCare, США.
- «Трансформация этнической и национальной идентичности в условиях кризиса». Автор: Л. В. Тарасова – кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом Гуманитарного университета, Россия, г. Екатеринбург.
- «Профессиональные риски психологов и клиентов в консультационной работе с психосоматическими симптомами». Авторы: К. К. Тусубекова – кандидат педагогических наук КазНПУ имени Абая, Казахстан, г. Алма-Ата (Алматы); О. Н. Алмазова – магистр психологии, КазНПУ имени Абая, Казахстан, г. Алма-Ата (Алматы).
- «Самосознание и этническая история». Авторы: Е. Н. Сюткина – научный сотрудник кафедры рекламы Гуманитарного университета, Россия, г. Екатеринбург; М. Артэмюк – магистр культурологии, менеджер культуры Центра культуры, Польша, г. Люблин.

Во второй день работы конференции (06.11.2015) Студенческим научным обществом факультета социальной психологии Гуманитарного университета была организована Молодежная секция конференции. Магистранты, аспиранты и студенты подготовили около восьмидесяти выступлений, в которых обсуждались вопросы инновационного развития, конфликтологии, рисков в образовательной среде и социальной сфере в целом. Были также проведены мастер-классы для студентов и аспирантов вузов:

- «Безопасность личности в обществе риска» – Ольгой Юрьевной Зотовой, заместителем руководителя Центра комплексных проблем психологии безопасности, доцент кафедры общей и прикладной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), доктором психологических наук;
- «Риск-менеджмент в профессиональной туристской сфере» – Мариной Константиновой, директором туристической фирмы «Восток»;
- «Оптимизация рисков размещения рекламы в СМИ» – Георгием Артемовичем Шматовым, кандидатом физико-математических наук, доцентом кафедры рекламы Гуманитарного университета.

В тот же день состоялся вебинар «Психология экстремизма – риски вечных ценностей», проведение которого было приурочено к 70-летию ЮНЕСКО. В нем приняли участие преподаватели и студенты Гуманитарного университета, а также представитель Французской федерации клубов ЮНЕСКО, советник Полномочного представителя Сербии в ЮНЕСКО Александр Протик и ответственный секретарь Молодежного совета Французской федерации клубов ЮНЕСКО Мария Елич. Дискуссия велась на трех языках – английском, французском и русском. Результатом вебинара стала договоренность о дальнейшем сотрудничестве в сфере научных и проекционных разработок в области психологии риска и сохранения мирового культурного наследия.

Участники дискуссии отмечали, что именно сегодня, со всей очевидностью, от научного сообщества требуется поиск новой парадигмы исследований, переосмысление взглядов и когнитивных границ, используемых для описания индивидуального опыта людей и их совместного безопасного существования в современном мире.

Проблематика, заявленная в работе Международной конференции, послужила основанием для дальнейшего теоретико-методологического исследования и последовательного воплощения предложенных участниками конференции идей в социальную практику.

Редакционная коллегия

- Закс Лев Абрамович** – доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета.
- Мясникова Людмила Анатольевна** – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Гуманитарного университета.
- Агеносов Александр Васильевич** – кандидат технических наук, доцент, декан факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.
- Балмаева Светлана Дашиевна** – кандидат философских наук, доцент, декан факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета.
- Борисова Ирина Николаевна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского и иностранных языков Гуманитарного университета.
- Брандт Галина Андреевна** – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, профессор Гуманитарного университета.
- Глушкова Светлана Игоревна** – доктор политических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, заведующая кафедрой прав человека Гуманитарного университета; приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).
- Дроздова Алла Владимировна** – кандидат философских наук, доцент, заместитель декана по научной работе факультета социальной психологии, заведующая кафедрой рекламы факультета социальной психологии Гуманитарного университета.
- Зотова Ольга Юрьевна** – доктор психологических наук, доцент, заместитель декана по развитию факультета социальной психологии Гуманитарного университета.
- Зубков Константин Иванович** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой регионоведения Гуманитарного университета.
- Крутько Инна Сергеевна** – доктор психологических наук, заведующая кафедрой управления персоналом факультета социальной психологии, профессор Гуманитарного университета.
- Мицек Сергей Александрович** – доктор экономических наук, доцент, декан факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.
- Мицек Елена Борисовна** – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.
- Перелыгина Елена Борисовна** – доктор психологических наук, профессор, декан факультета социальной психологии Гуманитарного университета, член Президиума Российского психологического общества, действительный член Международной академии педагогических наук и Международной академии акмеологических наук.
- Рамзина Снежана Александровна** – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарного университета.
- Росновская Людмила Валентиновна** – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета.
- Семитко Алексей Павлович** – доктор юридических наук, декан юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права, профессор Гуманитарного университета; приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция).
- Семякин Михаил Николаевич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой частного права Гуманитарного университета; профессор УрГЮА.
- Хмелькова Наталья Владимировна** – кандидат экономических наук, доцент факультета компьютерных технологий, заведующая кафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.

Ямалетдинова Галина Александровна – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой оздоровительной тренировки и профессионально-прикладной физической подготовки, профессор Гуманитарного университета; профессор Института физической культуры, спорта и молодежной политики (ИФКСиМП) УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина.

Редакционный совет

Алексеев Вениамин Васильевич – доктор исторических наук, профессор, академик РАН.

Аман Ив – профессор факультета славистики Университета Париж-Запад (Нантер, Франция).

Болдыгин Геннадий Васильевич – кандидат философских наук, доцент, консультант ректора по экономическим вопросам, почетный профессор Гуманитарного университета.

Бурбулис Геннадий Эдуардович – кандидат философских наук, проректор Международного университета в Москве, Президент Гуманитарно-политологического центра «Стратегия», почетный профессор Гуманитарного университета (Москва).

Голынец Сергей Васильевич – академик Российской Академии художеств, профессор, заведующий кафедрой истории искусств УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, профессор Гуманитарного университета.

Зборовский Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор Гуманитарного университета, профессор УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина и Сургутского государственного педагогического университета.

Киселева–Кастельс Эмма – исполнительный директор Кафедры ЮНЕСКО по образованию и технологиям для социальных изменений, Universitat Oberta de Catalunya (Барселона, Испания).

Руденко Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института философии и права УрО РАН.

Руткевич Алексей Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и декан философского факультета НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ, заведующий сектором современной западной философии Института философии РАН (г. Москва).

Тарасьев Александр Михайлович – доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Института математики и механики УрО РАН, профессор факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Гуманитарные науки
- Социально-экономические и общественные науки

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья уже была опубликована (полностью или частично), автор должен сообщить об этом редакции.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Максимальный объем статьи 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу – в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2. С. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- На русском и английском языках приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность,
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (5–10 строк);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Обязательна рецензия на статью специалиста по данной отрасли знания, **для магистрантов, аспирантов** – отзыв научного руководителя и внешняя рецензия.

Рецензии заверяются подписью и печатью организации и высылаются в адрес редакции (возможен отсканированный вариант – по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, психология». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год: апрель, июль, октябрь, декабрь.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 (апрель) – до 15 марта

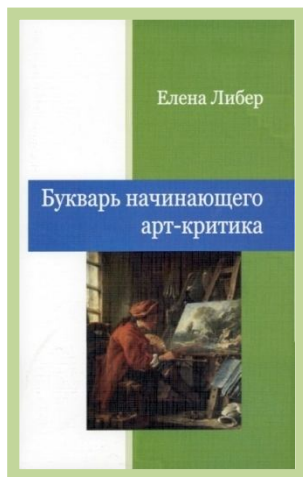
№ 2 (июль) – до 15 мая

№ 3 (октябрь) – до 15 сентября

№ 4 (декабрь) – до 15 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

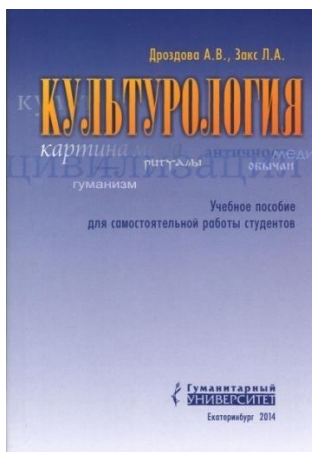

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебным заведениям, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Дроздова А. В., Закс Л. А.

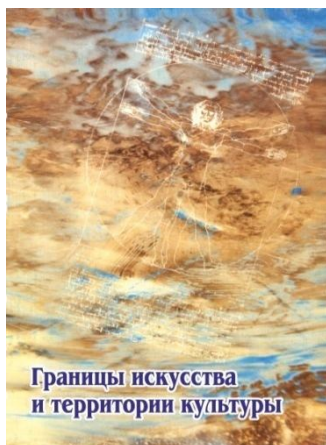
Культурология. Учебное пособие для самостоятельной работы студентов / А. В. Дроздова, Л. А. Закс. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2014. – 634 с.

ISBN 978-5-7741-0216-7

Настоящее издание дает представление об основных направлениях, школах и понятиях культурологии. В учебном пособии показана эволюция культурных идей и взаимодействие разных концепций культуры, рассматриваются проблемы современной культуры, ее актуальные формы и социокультурные практики в эпоху информационного общества.

В издание включены необходимые методические рекомендации, которые позволят студентам самостоятельно познакомиться с наиболее яркими работами культурологической классики и текстами современных авторов, а также помогут углубленному изучению дисциплины.

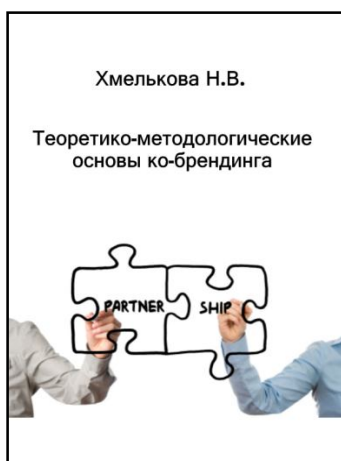
Издание является существенным дополнением к курсу лекций и учебникам, рекомендовано для подготовки студентов всех специальностей, аспирантов и магистрантов.

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстету А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Хмелькова Н. В.

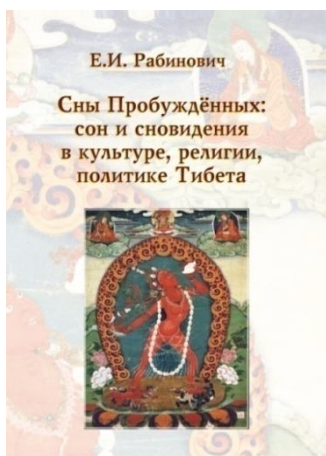
Теоретико-методологические основы ко-брендинга : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 294 с.

ISBN 978-5-7741-0217-4

В монографии предложен авторский взгляд на формирование теоретико-методологических подходов, позволяющих совершенствовать маркетинговые взаимодействия организаций в рамках ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов.

Структура работы обусловлена стремлением автора раскрыть теоретические аспекты, методологию формирования и реализации ко-брендинга с междисциплинарных позиций и на основе системного подхода. В первых главах монографии дано теоретико-методологическое обоснование предпосылок возникновения ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов, предлагаются направления совершенствования теории объединения брендов, методология, алгоритм и инструментарий ко-брендинга и организационно-экономический механизм его реализации. В заключительной главе работы определены современные направления реализации ко-брендинга в России и мире, представлены результаты апробации предложенных автором теоретико-методологических подходов в условиях международных и российских ко-брендинговых альянсов.

Монография адресована руководителям коммерческих и некоммерческих организаций, бренд-менеджерам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся последними тенденциями в теории и практике маркетинга и брендинга.

Рабинович Е. И.

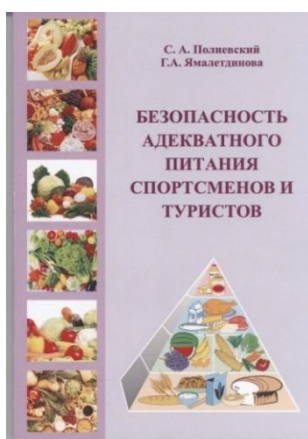
Сны Пробуждённых: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 200 с.

ISBN 978-5-7741-0196-2

Монография посвящена исследованию сна и сновидений как культурного феномена. Выявляются происхождение и эволюция представлений о сакральной природе сновидений в традиционных сообществах. Теоретические положения применяются автором к исследованию культурной модели сновидений в Тибете. Представлена и специфика культуры сновидений монгольских народов, исповедующих буддизм.

Читатель узнает, как из пространства снов индийских и тибетских святых возникали религиозные тексты, священные танцы, иконография божеств, актуальные политические модели. Познакомится с магическими практиками обретения пророческих сновидений, снами в тибетских житиях, явлениями божеств и кладами, извлеченными из мира снов. Увидит, как сновидения становились источником религиозных реформ и орудием политической борьбы.

Книга может быть полезна преподавателям и студентам гуманитарных факультетов – культурологам, религиоведам, востоковедам, историкам. Она адресована и широкому кругу читателей, интересующихся буддизмом Центральной Азии и иррациональными аспектами культуры в целом.

Полиевский С. А., Ямалетдинова Г. А.

Безопасность адекватного питания спортсменов и туристов : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 172 с.

ISBN 978-5-7741-0189-4

Авторы пособия рассматривают питание как важнейший фактор адаптации организма спортсменов и туристов к физическим нагрузкам.

Гигиеническая и экологическая адекватность питания, контроль за качеством продовольственного сырья и пищевых продуктов на всех этапах их получения, переработки и реализации, характеристика пищевых отравлений, врачебно-санитарный контроль за организацией питания спортсменов и туристов – актуальные проблемы, находящиеся в сфере научных интересов авторов.

Пособие предназначено для студентов спортивных вузов, факультетов БЖД, врачей, тренеров, спортсменов. Книга может представлять интерес и для работников пищеблоков, обеспечивающих питание спортсменов.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

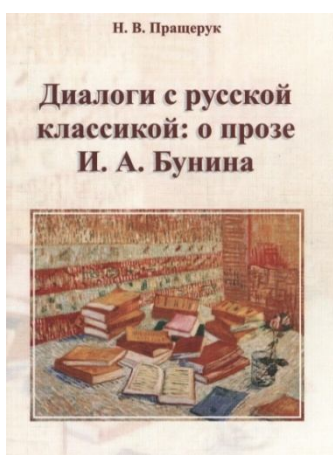
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антеверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

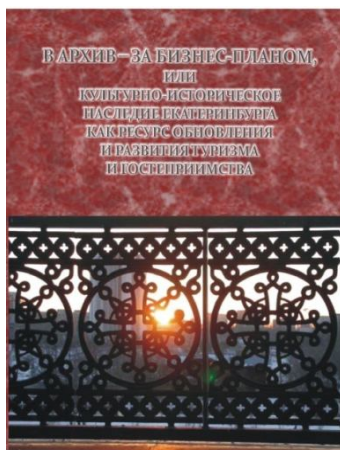
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краоведам, регионоведам, культурологам.

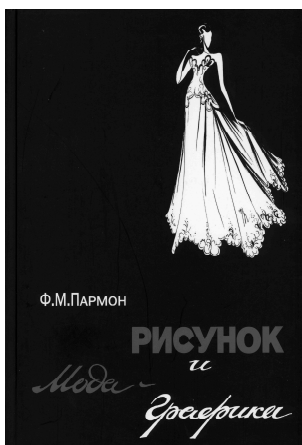
Майданова Л. М., Чепкина Э. В.

Медiateкст в идеологическом контексте : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.

ISBN 978-5-7741-0171-9

В монографии на материале советской и российской прессы нескольких последних десятилетий рассматриваются жанрово-стилистические изменения медiateкста, обусловленные сменой идеологического контекста. Авторы исследуют как соотношение советская/российская пресса, так и соотношение текстов разной идеологической направленности в российском медиадискурсе.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся проблемами журналистики, и на студентов факультетов журналистики.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

АСПИРАНТУРА

**В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе
принимаются граждане Российской Федерации,
имеющие высшее профессиональное образование
на уровне дипломированного специалиста или магистра
по следующим направлениям:**

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре
составляет 3 года (очная форма),
по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется:

- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Прием в аспирантуру проводится в следующие сроки:

- прием документов: с 1 июня по 25 августа;
- вступительные экзамены: с 1 сентября по 15 сентября.

Телефоны приемной комиссии: (343) 369-10-11, 271-58-56

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.
Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2015. № 4 (11)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать 24.12.2015.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 10,46
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19.
Лицензия № 0074 от 29.05.2012

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3